Катерина Риш
10 000 лет до нашей эры
16+
Книга первая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Коснувшись глиняного осколка, найденного на берегу океана, я перенеслась в первобытный мир. Там в ходу человеческие жертвоприношения, а местная фауна так и норовит тобой пообедать. Из-за прихоти древнего мага судьба у меня незавидная: выйти замуж за незнакомца или шагнуть в огонь во имя богов. Мужчинам древности неведома любовь, но значит ли это, что мой избранник никогда не полюбит? Я сделаю все, чтобы выучить язык и традиции, ведь только мне известна судьба, уготованная затерянному в океане острову. Но смогу ли я выжить, когда в самом сердце этого мира зреет заговор и он грозит уничтожить эти земли…

- Катерина Риш
  - Глава 1. Находка
  - Глава 2. Попытка побега
  - Глава 3. Не будите спящих драконов
  - Глава 4. Погребение рыбьего пузыря
  - Глава 5. И еще одна попытка
  - Глава 6. Явление
  - Глава 7. Выживший
  - Глава 8. Рыбный день
  - Глава 9. Сила слова
  - Глава 10. Лагерь погонщиков слонов
  - Глава 11. Золотой город
  - Глава 12. Вершить предначертанное
  - Глава 13. Ритуал
  - Глава 14. Ах, наша свадьба, пела и плясала…
  - Глава 15. Анкхарат
  - Глава 16. На новом месте приснись жених невесте
  - Глава 17. Кто сказал «мяу»
  - Глава 18. С вещами и котом на выход
  - Глава 19. Полосатый Швинн
  - Глава 20. Мужчина решает, женщина подчиняется
  - Глава 21. Десятая дорожка
  - Глава 22. Сердце Мира
  - Глава 23. Прости, если сможешь
  - Глава 24. Очищение кровью

Катерина Риш
10000 лет до нашей эры
Книга 1

Глава 1. Находка

На парковке у пляжа мой «Швинн» был единственным. Я пристегнула велосипед «крокодилом» и направилась к пустынному берегу. До аварии я могла пройти этот путь вскачь и не глядя на камни под ногами. Теперь пришлось идти медленней.

Когда-то почти все свободное время мы с друзьями проводили на этом полудиком пляже Сан-Мигеля. Никто из нас троих не был ни уроженцем Азорских островов, ни даже португальцем с материка. Мы думали о будущем целого мира и нашем собственном, но куда чаще Питер и Хлоя пытались узнать тайны прошлого. О да, о седой древности они могли говорить часами.

Помню, мы исследовали прибрежные скалы в надежде найти стертые временем, ветром, солнцем и водой древние наскальные рисунки. Для меня это было игрой, для них — нет. Я увлекалась велогоночным спортом, и мой «Швинн» не знал спокойствия. Ни один из марафонов на островах не проходил без моего участия. А переводить манускрипты, написанные мертвым языком? Ходить по десятому разу в одни и те же музеи и изучать пыльные кости и чучела? Вы уж как-нибудь без меня.

Добравшись до огражденной черными глыбами бухты, я аккуратно сняла с плеч рюкзак — внутри звякнула купленная перед поездкой бутылка вина. Стояла редкая для тропического острова погода — солнце пряталось за низкими серыми тучами, которые гнал холодный ветер. Депрессивней пейзажа нарочно не придумаешь.

Я долго искала ответ, почему именно меня, под таким же низким небом, как сейчас, когда выпитое вино кружило голову, Питер назвал своей девушкой? Теперь уже я понимала, что это было ошибкой, и с моей, и с его стороны. Мы были разными. Нас роднил только азарт и упрямство. Нам бы оставаться друзьями и не было бы никого лучше нас в этом мире, но мы ошиблись, приняли дружбу за другие искренние чувства.

Отношения быстро превратились в тягомотину, как если бы мы оба, стиснув зубы, из последних сил, покоряли вершину Альпийской гряды. День за днем. Ничтожное время спуска и только упрямый, тяжелый подъем вверх, когда мышцы горят огнем.

Так себе отношения, в общем.

Я выдернула пробку из бутылки, которую попросила открыть прямо в магазине, и налила вино в хрустальный бокал, который тоже привезла с собой.

Из всего сервиза он единственный пережил мою вспышку ярости. С некоторых времен они происходили со мной частенько…

Но впервые это случилось, когда мы втроем ужинали в кафе. Я уплетала еду за обе щеки — выложилась на дневной тренировке и была голодна, как зверь.

А Питер и Хлоя… не ели вообще.

Обложившись учебниками, словарями, тетрадями, они говорили, перебивали друг друга, спорили так живо, словно и не говорили о какой-то неподтвержденной легенде. Ага, даже не о реальном городе, я могла бы это понять. Монументальность Рима поражала и меня.

Они выбрали Атлантиду. То есть никаких тебе возможностей узнать правду, только домыслы, приправленные тысячелетней фантазией других сумасшедших историков. Какой смысл интересоваться такими древнейшими событиями, если ты никогда не узнаешь правды?

Я смотрела на них какое-то время поверх своей пустой тарелки, но никто не замечал моего настойчивого взгляда. Питер говорил, а Хлоя кивала и подчеркивала маркером какие-то важные предложения в книге.

Я не удержалась и зевнула. После еды и хорошей тренировки меня потянуло в сон. Ну, какая уж тут история.

А они как раз замолчали. Мой зевок не остался незамеченным.

«Всем кофе за этим столиком за мой счет», — пошутила я, но шутка не возымела эффекта. Из вежливости они отложили книги в сторону. Повисло молчание. Впервые за долго время они не знали, о чем говорить еще, кроме своей истории, а я не могла придумать темы, не связанной с велоспортом.

Я попрощалась и ушла. Они остались.

Я почти доехала до дома, но, черт меня дернул, и я повернула назад, хотя и накрапывал дождь. Я хотела, наконец, объяснить им, что трактовка фактов и так, и эдак, эти их объяснения необъяснимого, ну это как-то не для меня. Питер с Хлоей не фанаты велоспорта, и я не заговариваю им зубы характеристиками новых велосипедов, к которым приглядываюсь ради смены «Швинна», так ведь?

Смеркалось. Дождь зарядил на полную.

Их могло не быть в том кафе. И лучше бы их там не было, потому что то, что я увидела, когда резко затормозила на парковке, разозлило меня еще сильнее.

Они целовались.

Я простояла достаточно долго на улице и под дождем, пока

они отлипли друг от друга и вообще уделили внимание окружающему миру.

Заметив меня через окно, Питер рывком поднялся на ноги, но я так и не слезла с велосипеда, ждала. И как только они бросились к выходу, ударила по педалям. Я гнала так, словно это был финишный участок Тур де Франс и счет шел на миллисекунды.

На освещенных только автомобильными фарами трассах и под дождем гонок не устраивают. И не зря. А когда руки дрожат, а глаза застилают слезы, лучше вызвать такси, чем ехать на велосипеде.

Я потеряла управление и вылетела в кювет. Рама «Швинна» погнулась и треснула в нескольких местах, шины вместо идеальных кругов превратились в скособоченные восьмерки. Я приложилась о дерево, сломала ногу и получила с десяток мелких травм, перечисление которых заняло обе стороны листа А4 в истории болезни. Слава богу, что на мне был шлем.

С тех пор я ни разу не была на этом пляже. Питер и Хлоя, может, и были, но втроем мы больше никогда не приходили. А сегодня вечером я покидаю Азорские острова. Надеюсь, что навсегда.

Я осушила бокал залпом и наполнила его до краев во второй раз.

Питер с Хлоей навещали меня в больнице, но я запретила родителям впускать их, когда пришла в сознание. А потом они оставили попытки достучаться до меня.

Восстанавливалась я долго. Реабилитация затягивалась по причине моей обиды и апатии. Постепенно мне разрешили подниматься с постели, сняли спицы, а я наконец-то смирилась с мыслью, что нам с Питером лучше было оставаться друзьями.

Я стала искать их, хотелось посмеяться вместе над тем, какие у них были лица в кафе, когда они заметили меня, но телефоны не отвечали.

Когда я спросила родителей о них, мама с папой переглянулись.

— Понимаешь, Майя… — начал отец, но замолчал.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы собраться с мыслями, а потом он рассказал мне, что Питер сделал Хлое предложение и поскольку родители Хлои на тот момент работали в Америке, они решили отправиться за океан.

Их пребывание в Америке объяснило бы отключенные домашние и сотовые телефоны. Я не понимала, зачем родители просили меня не волноваться, ладно, они знали, что у нас с Питером были отношения, может быть, из-за этого?

Но я видела по их лицам — совсем не поэтому.

Я вспомнила замеченные краем глаза новости. Ничего такого. Просто еще один самолет во время трансатлантического перелета рухнул в океан.

Меня словно опять приложили головой о дерево. Только шлема на этот раз не дали. Просто не было такого шлема.

Еще в больнице я поняла, что пора бежать с этого острова, но все упиралось в мои не долеченные травмы. Мне казалось, что исцеление пойдет быстрее там, на другой земле, но тренер был неумолим. Я никому не нужна во Франции со своими травмами, говорил он, мне лучше сразу вступить в ряды спортсменов полной сил и здоровой, а иначе меня посадят на скамейку запасных и забудут обо мне, пока я буду зализывать раны.

Два дня назад он счел меня готовой и велел готовиться к переезду. Я сказала, что давно готова, и сегодня нашла в себе силы прийти, попрощаться с этим скалистым неприглядным берегом, значившим для меня так много. Просто нельзя было откладывать и дальше.

У моих лучших друзей не было могил и похорон, мне достался только пляж, океан и вино в память о них. Той зимой мне исполнилось двадцать пять, и я давно привыкла к одиночеству, хотя и не смирилась с ним.

Я выпила второй бокал также залпом и швырнула его в скалу — последний хрустальный бокал, который пережил вспышки моего гнева. Осколки брызнули во все стороны. Это не подняло шума и не привлекло ничьего внимания.

Мы ведь заботимся об экологии, некстати вспомнились слова Хлои. Каждый раз, покидая пляж, она следила за тем, чтобы мы не оставляли мусора.

Черт. Я не заботилась об экологии и не состояла в «Гринписе», но Хлоя первая скинула бы мартинсы, чтобы отыскать остатки бокала в пенистом прибое. Стиснув зубы, я разулась и вошла в воду. Набегающие серые волны обожгли холодом; океан пытался стянуть стекляшки раньше, чем их у него отберут.

Что-то кольнуло пятку, и я замерла, но боли не почувствовала, поэтому нагнулась, чтобы рассмотреть дно. Бурлящие волны то и дело скрывали находку, а я смутно сознавала, что дрожу от холода и порывистого ветра. В разноцветной гальке угадывались очертания некоего предмета, размером с половину ладони, может, даже меньше. Насыщенно кирпичного цвета, он резко выделялся на фоне темных и беловатых камешков. Обидно, если это окажется стекляшка или кусок пластика, не все столь же категоричны в вопросах экологии, как Хлоя.

Волны как раз схлынули. Последние струи воды скатывались яркой лавиной разноцветных камешков.

Темно-медовый, как застывший янтарь, осколок терпеливо дожидался своего часа.

И он настал.

Я вытащила из мокрого песка глиняный осколок с полустертыми углублениями — не то штрихами, не то линиями. Не разобрать были ли они буквами или какими-то известными мне символами. Может быть, осколок был древним, а может быть, всего лишь сувенирным новоделом, разбитым нерадивыми туристами. Он был увесистым и достаточно толстым. Представлялась большая амфора, в которой древние люди хранили масло или вино.

Питер захотел бы такой в свою коллекцию, он никогда не возвращался с пляжа с пустыми руками, и, наверное, мне лучше оставить осколок здесь, в его стихии, раз нельзя передать его Питеру. Может, кому-нибудь другому посчастливиться найти его, и этот кто-то будет гораздо лучше моего осведомлен в археологии и истории, а древность будет ценить также сильно, как и мои друзья.

Я замахнулась, но что-то остановило меня.

Океан, поняла я. Его цвет изменился.

Он больше не был депрессивно-серым, густым и вязким, каким всегда был мягкой, даже по меркам Азорских островов, зимой. Вода окрасилась в безмятежную лазурь, как в знойном июле, когда казалось, что даже волнам лень шевелиться.

Ветер тоже переменился. В мокрой одежде я больше не мерзла. Теперь прилипшая к телу рубашка даже… освежала?

Я еще раз поглядела на глиняный осколок в своей ладони. Вот он, я только что вытащила его из воды после того, как осушила два бокала вина. Может быть, я пьяна? Как иначе объяснить то, что я вижу?

Я снова подняла глаза. Нет, не может быть этого быть. Невозможно. Иррационально!

Вдоль голубой кромки атлантического океана белела суша, которой еще пять минут назад там не было. Да какие минуты, ее там веками не было!

Я ошарашено поглядела по сторонам — пляж был пуст. Более того, пальмы, набережная, даже нагромождения камней и те исчезли. За моей спиной шумели высокие лиственные деревья. Травы оплетали их и, карабкаясь вверх по могучим стволам, плели плотные заросли, за которыми ничего видно не было.

Эй! А велосипед-то мой где?!

Глава 2. Попытка побега

Белые птицы в чистом небе — идеалистическая картина, верно?

Вот только в следующий же миг эти птицы с гомоном устремились прямо ко мне. Вблизи они оказались настолько раздобревшие, что удивительно, как вообще поднялись в воздух. Они стали снижаться, плюхаясь на светлый песок, и буря в моей душе понемногу успокаивалась. Это же просто чайки!

Правда, они почему-то шипели и били крыльями, как гуси.

Одна дерзкая птица положила конец моей любви к орнитологии. Набросилась в прыжке и, взлетев у самого носа, еще и когтями полоснула по плечу. Если бы я не пригнулась, удар пришелся бы по лицу.

Это стало сигналом для остальных.

То одна, то вторая они взмывали и нападали на меня, пока другие пикировали вкривь и вкось, выставив вперед когтистые лапы. Кое-как уворачиваясь, я подхватила с песка палку.

Габариты недочаек-полугусей позволяли не особенно-то прицеливаться. Сложнее было с тем, что они атаковали одновременно и с разных сторон, и если я сбивала одну, то от когтей другой увернуться уже не получалось.

Они изводили меня. Проверяли. Пугали. Я сломала шеи троим и думать забыла о «Гринписе». Двум из дюжины перебила крылья, но, в основном, потери несла я и только я. Мою рубашку превратили в москитную сетку, ну хоть джинсы держались лучше.

Я крутилась на месте, как метатель ядра, выставив перед собой облепленную перьями дубину… Как вдруг споткнулась. Об эти мертвые туши. Упала неудачно — еще и вмазала самой себе по травмированному после аварии колену. Спасительная бита срикошетила и отлетела куда-то в песок, сбив при этом пару чаек, но, черт… Кому нужен этот страйк, если я распласталась на песке, ослепшая и оглохшая от боли?

Птицы победили и знали это. Клянусь, они пришли в неистовство при виде моего поражения. Какие-то неправильные чайки и совсем неправильные гуси…

Я медленно поднялась, припадая на травмированное колено, и оглядела их беснующиеся ряды. Буду отбиваться голыми руками, но не сдамся! С рычанием пошла на них в атаку, а они вдруг загоготали, засуетились и всей толпой поднялись в воздух. Облепили зеленые тропические прибрежные деревья, словно комья снега.

Какой-то миг я просто стояла, разинув рот. А после

расправила плечи и огласила пляж победоносным криком.

Позади меня кто-то загоготал.

Я медленно обернулась.

Сначала я приняла этих троих за огромных обезьян. В моих галлюцинациях прослеживалась явная тяга к гигантизму, и после толстых чаек появление двухметровых человекообразных обезьян было логичным. Ну, насколько это вообще может быть логичным.

Но они не были обезьянами. Они были людьми. И именно им я была обязана своим спасением от чаек.

Их тела были черны из-за волос, а лица почти полностью скрывали всклокоченные темные бороды и пышные брови, так что сверкали только белки глаз. Рыжевато-черные волосы на голове стихийно тянулись в разные стороны света. А в руках они держали копья.

Если от чаек я собиралась отбиваться палкой, то использовать ее против двухметровых мужчин с копьями — идейка паршивая. Так что я не стала прыгать за утерянной дубиной или подбирать новую, просто развернулась и побежала изо всех чертовых сил по линии прибоя. Все-таки бежать по влажному песку чуть легче, чем по сухому.

Крики запоздали, значит, они не ожидали побега от такой трусихи, как я. Спасибо за чаек, конечно, но, знаете, я не привыкла вести переговоры с теми, у кого из одежды только кожаные набедренные повязки.

Я старалась не глядеть себе под ноги, но взгляд, как на зло, выхватывал то камни, то ракушки, то водоросли и, о боже мой, медуз! Кстати, привычного размера.

Я перелетела через голубоватую лужицу слизи.

И вскрикнула от боли. Колено обожгло огнем. В ушах гудело от ветра и бега и отбойным молотком билось сердце, но я различили крики преследователей и опять побежала.

Медузы стали попадаться чаще. Теперь мое движение нельзя было назвать бегом, это были прыжки через препятствия. Скорость ужасающе замедлилась, но я не могла преодолеть себя и наступать на склизкие щупальца.

Мать вашу, да откуда их так много? У них тут кладбище, что ли? Берег был сплошь покрыт слизью, ни песка, ни гальки — ничего. Только горы медуз, разной степени дохлости. Слизь чавкала и засасывала ступни, как грязь после дождя, а от ударов набегавших волн дрожала, как плохо застывшее желе цвета половой тряпки. А запах… О, его не передать словами.

Впереди темнела наполовину уходившая в океан скала. Я направилась к ней, а в спину по-прежнему неслись крики. Меня догоняли.

Легкие горели, в боку нещадно кололо, колено рыдало от боли, и только инстинкт выживания гнал меня вперед.

Преследовали снова орали, на этот раз истошно и пронзительно. В этом крике можно было найти предупреждение, если бы я потрудилась задуматься над этим, но мне было не до того — я уже самозабвенно карабкалась вверх, хватаясь пальцами за острые, как бритва, камни. А когда гора подо мной вздрогнула, предупреждать было уже поздно.

До чего же высоко я взобралась, мамочки!

Я схватилась за ряд узких камней. Поняла вдруг, что все они одинаковой, почти правильной формы. Гора подо мной дрожала и урчала, пока я старалась удержаться на месте, вцепившись в наросты цвета темного базальта, которые были твердыми… Ну как камни, вот только камнями-то они как раз и не были.

Из волн океана далеко внизу поднялась гигантская продолговатая морда рептилии, до этого утопленная в воде. Повернулась и уставилась на меня левым желтым глазом.

И от чаек я ушла, и от стражи я ушла…

А вот теперь мне точно конец.

Глава 3. Не будите спящих драконов

Страха не было.

Когда на тебя пялится гигантский ящер, а ты сама сидишь у него на хребте, бояться уже поздно. Страх мог бы остановить меня задолго до того, как я вскарабкалась на его спину, и какой-то внутренний голос честно пытался. На секунду, помню, меня охватило сомнение, стоит ли лезть выше, но потом не своим голосом заорали эти с копьями и в повязках и я, конечно, бодро полезла дальше. А ведь аборигены всего лишь хотели предупредить. Теперь, когда я обнимала руками и ногами чешуйчатый нарост, я отлично это понимала.

Как же высоко, черт возьми! Третий этаж, не иначе.

Хребет прадедушки крокодила Гены ходил подо мной ходуном. Между склизкими чешуйками разлагались волокна водорослей, а я прижималась к нему всем телом, надеясь, удержаться и не рухнуть вниз. Я застряла где-то в районе задних лап, позади меня грохотал хвост, по которому я и взбежала вверх, словно по трапу.

Впереди и сбоку надулся огромный желтый мешок… Живот! Это его живот, подумать только!

По телу словно прокатилась волна, и рептилия вдруг замерла, все еще глядя на меня желтым глазом. Вымер, правда? Ну вот просто взял и вымер, пожалуйста!

Но крокодил только распахнул пасть, и я услышала, как заскрежетали зубы… А после выдохнул.

Зловонный поток отшвырнул меня с хребта. Я кубарем полетела вниз, раздирая об острую чешую те части тела, что у меня уцелели после схватки с чайками. Я летела, кувыркалась, а потом увидела перед собой чужие пальцы, побелевшие от напряжения.

Конечно, это были мои руки и мои пальцы. Я успела схватиться за какой-то выступ, а их там оказалось великое множество. Этот крокодил, как скалолазный маршрут повышенной сложности, похоже, весь состоял из каких-то выступов и наростов. Там-то я и повисла.

Желтые бока снова раздулись, и я стала карабкаться вверх, извиваться, чтобы найти опору для ног. Но крокодил уже потерял ко мне интерес, снова отвернулся, медленно, как в замедленной съемке, и погрузил морду обратно в океан и уже там выдохнул, поднимая столбы брызг.

Я покачалась, как елочная игрушка. Ладони взмокли. Предплечья горели огнем. Пора было слезать, если я не

собиралась провести на задней ноге дракона остаток жизни. Меня трясло, как исследователя Арктики в крайней стадии обморожения, пока я спускалась рывками, то надолго затихая, если мне казалось, что тварь шевелится, то вдруг скатываясь вниз слишком быстро, как с горки. Когда левая нога, на которую на тот момент приходился мой вес, вдруг соскользнула с опоры, я едва не сорвалась, но успела уцепиться руками. Поводила носком из стороны в сторону, но опора так и не вернулась, и тогда я перенесла центр тяжести на правую ногу, а поглядев вниз, убедилась — наростов больше не было, я балансировала на последнем. Дальше на крокодильей лапе была только гладкая светлая чешуя.

Нужно было отпустить руки и прыгнуть вниз. Вот только до земли было еще полтора этажа.

«Отпустить руки?!» — завопила какая-то часть меня.

И приземлиться возле задней лапы, на которой один только коготь с меня размером, и надеяться, что зверь не топнет ножкой, пока я буду рядом.

«Но отпустить руки, черт возьми?!» — не унималась моя истеричная составляющая. Да, надо разжать пальцы и прыгнуть.

«Но я не паркурщик и не скалолаз, я велосипедист!»

Была велосипедистом, подумала я. В каком-то другом мире, где не было спящих на пляже динозавров, где меня не пытались сожрать чайки и не приходилось бегать от дикарей с копьями.

— У-уху! — донеслось вдруг с земли.

Я как-то сразу поняла, что это они — мои древние нудисты. Вот они, конечно, стоят все трое, родимые Тарзаны с копьями, среди этой жестокой и чудовищной фауны прям любо-дорого взглянуть на кого-то себе подобного. Даже если это заросшие бородатые мужики в бикини.

Один из Тарзанов, исполосованный белыми шрамами, что делало его загорелую кожу похожей на тигриную шкуру, снова сложил руки и ухнул совой.

Не знаю, что он имел в виду. Может, подбодрить меня хотел? А может, прощался. Мол, рады были познакомиться, но нам пора.

А может, он просто всегда мечтал изобразить сову рядом с гигантским крокодилом, ну вот кто знает, о чем мечтают австралопитеки?

А я меж тем всё висела. Уже даже не из последних сил, сил-то никаких не осталось, я твердо знала, тело рухнет, а руки останутся тут висеть даже после моей смерти. Я вцепилась в крокодила намертво. Что угодно, только не прыгать.

Высоты я боялась ужасно.

Снизу снова ухнули. Я покосилась вниз. Два Тарзана что-то

шептали третьему так, словно готовили крокодилу вечеринку-сюрприз, но тот потряс головой, отметая самодеятельность. Его товарищи еще постояли немного со скорбными лицами, ни дать, ни взять праздник отменился из-за внезапных поминок, и стали пятиться.

Дикарь, которого я про себя окрестила Тигром из-за шрамированной кожи, остался.

Я глянула на него, как на свою последнюю надежду, что не совсем было правдой. Своей последней надежной была я сама. Все, что мне нужно было сделать, это разжать пальцы и прыгнуть… Из огня да в полымя.

Первым решились не я и не Тигр. Первым нашу молчаливую игру в гляделки прервал крокодил. Он дернулся. Еще бы, какой уж тут сон, когда пока по тебе какие-то девицы лазают. Это было похоже на рекордные баллы по шкале Рихтера. Еще миг назад я держалась за нарост на его чешуе, а потом он просто взял и исчез. Мои затекшие пальцы вцепились в пустоту. Ну, я и полетела вниз.

Не с высоты третьего этажа, но еще и не с первого. Сердце взметнулось вверх, желудок следом за ним, вообще, во внутренностях произошли смятение и переполох, так что и не знаю, как они после нашли свои положенные от рождения места.

Дохлые медузы сработали как батут — и с тех пор я обожаю медуз! Если бы не они, мое путешествие окончилось бы, так и не успев начаться. Но приземлившись, я тут же подпрыгнула… примерно на ту же высоту, с какой упала, как будто мало мне было полетов.

Я прыгала там вверх и вниз какое-то время, не до конца соображая, что происходит и как остановить это безумие, и далеко не сразу распласталась на земле. Едва живая. Очумевшая от страха.

Мир перед моими глазами дико скакал и двоился.

Тигр снова завопил. И опять не мне. Даже обидно, когда между тобой и рептилией, раз за разом выбирают не тебя.

На зов вернулись товарищи в набедренных повязках, выставили копья перед собой копья и для пущей убедительности потрясли ими перед ними крокодилом.

Я все еще лежала в медузах, когда надо мной пронесся хвост и промелькнули светлые чешуйки подхвостья. Меня только чудом не раздавило. А когда хвост исчез вне поля моего зрения, со мной случилось то же, что и с князем Болконским под небом Аустерлица.

Я познала истину.

Бородатые, заросшие, суровые и считай без одежды…У них тяжелые мохнатые брови над глубоко посаженными темными

глазами и нависающие надбровные дуги на выпирающей вперед лобной доле. Колтуны на сожженных солнцем волосах и словно вылитые из меди тела.

Их портреты я неоднократно видела в исторических книгах Питера. Это же, черт возьми, неандертальцы!

Небо, ты серьезно?!

Глава 4. Погребение рыбьего пузыря

Из деревянной клетки, заткнутой зелеными листьями, лохматая девушка вытряхнула раскаленные угли. Иссушенный солнцем и солью плавник занялся сразу же.

Делая вид, что все еще занимается костром, закутанная в шкуру женщина неандертальской наружности покосилась в мою сторону. Янтарные блики костра сверкнули в глубоко посаженных глазах, скрытых за вуалью всклокоченных волос, а широкие губы сжались. Она думала. Оценивала и старалась понять то, что понять ей в принципе было не по силам — кто я такая, как здесь оказалась, почему моя кожа такая белая и что за одежда на мне.

Нам удалось оторваться от крокодила. И не потому, что мы быстро бегали, один крокодилий шаг равнялся дюжине наших шагов. Просто крокодил оказался… крокодилихой.

Мы бежали вдоль моря, мимо стены леса, и я давно уже попрощалась с жизнью. Всему есть предел, и я свой уже исчерпала, когда мы нагнали других женщин и охотников, оставленных на страже. О наших злоключениях им стало известно загодя, по соответствующим звукам — ничего ужаснее того грохота и дрожи земли, я в своей жизни не припомню.

Они встречали нас стеной огня.

Тигр перелетел через нее. Я, видимо, тоже, иначе как бы я оказалась с той стороны разделенного надвое пляжа? Но сам героический прыжок стерся из моей памяти.

Рептилия остановилась, повела острой мордой из стороны в сторону, словно оценивая, стоят ли несчастные двуногие дополнительных усилий. Решила, что нет, и, крехтя и громыхая, как грузовик на ухабах, развернулась и потопала обратно.

Даже сквозь стену огня в дрожащем воздухе хорошо просматривались фиолетовые яйца, наполовину закопанные в пляжном песке. К ним-то чешуйчатая наседка и направилась по останкам медуз.

Когда стало ясно, что крокодилья угроза миновала, один из моих спасителей, про себя я нарекла его Одуванчиком из-за внушительного тюрбана из волос на голове, выступил вперед и что-то пролаял, точнее и не скажешь. Разумеется, я не поняла ни слова, но он, кажется, и не меня спрашивал. Все пятеро мужчин не сводили с меня глаз. Они сдержанно переговаривались между собой, словно опасались, что какое-то слово ненароком окажется мне знакомым и выдаст их план с головой. Женщины сбились в стайку и испуганно молчали. Тихо потрескивала, догорая, стена огня.

После того, как они закончили тактическое обсуждение, Тигром, откашлялся, совсем как делали это мои современники перед важной речью, и обратился ко мне несколько иначе, насколько мне показалось. Говорил Тигр неуверенно, как говорят на иностранном языке. Очевидно, предполагалось, что я могу знать хотя бы это.

Повисла тишина. Тихо шелестел прибой, вдали шумно укладывалась спать мама-крокодил, а доисторические предки в окружении таких же едва одетых, лохматых, грязных женщин напряженно ждали, что я скажу.

Я расхохоталась в голос. Нервы.

Раньше я впадала в панику, завидев паучка. Стоит ли удивляться, что хищные чайки, ожившие гигантские рептилии, дохлые медузы и живые неандертальцы окончательно подорвали мою психику?

И вот поэтому им удалось беспрепятственно меня связать, потому что я хохотала до слез и мне было совсем не до бегства. Они вязали узлы из плетенных из трав веревок на моих лодыжках и запястьях, а я хохотала. Теперь, в сгущавшейся вечерней мгле, я понимала, что нельзя было позволять пережитому стрессу брать вверх над разумом. Нужно было перебрать все знакомые мне языки, я ведь немало их знала. Сказывалось обучение в школе для иностранцев. Мой арабский был беглым, французский и испанский поверхностными, русский родным, а английский почти как второй родной. Вдруг какое-нибудь слово положило бы начало международным отношениям?

Умом я понимала, что переговоры, скорей всего, все равно зашли бы в тупик. Но, может быть, если бы я снова припустила от них изо всех оставшихся сил прочь, после всего, что произошло с крокодилом, им не захотелось бы опять меня преследовать и они плюнули бы на такую как я, оставив на съедение лесным обитателям этих земель.

Но тогда я была далека от побега. Я рыдала сквозь смех и смеялась сквозь слезы и щупала их шкуры, угрожая им неведомым Гринписом. Я говорила им: всё, пошутили и хватит, доставайте джинсы и кроссовки, снимайте эти блохастые шкуры, пожранные молью, ну и помойтесь, чего уж там. От крокодила несло меньше, чем от них.

Я, впрочем, тоже пахла не цветущим лугом. Руки, живот и ноги — все, чем я касалась склизкой чешуи, — теперь покрывала высохшая смердящая пленка. Так что по части запахов я не только сошла за свою, но и переплюнула, пожалуй, их всех разом. Может быть, поэтому они и посадили меня на вечернем привале в стороне от остальных. Своё-то не пахнет.

Веревку от моих пут отдали Тигру, и мы двинулись на запад, прочь от берега Спящих Драконов, в сторону заходящего солнца, и я испытала несказанное облегчение, что хотя бы стороны света здесь остались неизменными. Лианы на ногах позволяли делать короткие шажочки, убежать бы никак не вышло.

В знакомом мне океане не существовало такой песчаной отмели, словно водорез, прорезавшей водную гладь широкой автомагистралью до горизонта. И она шла не параллельно берегу, наоборот, стрелой уходила вглубь, словно разделяя воду на два огромных бассейна.

Они вели меня вглубь Атлантического океана. И именно эту полосу суши я и увидела, когда отвела глаза от осколка.

Непроходимые леса оставались позади, среди их макушек было не разглядеть ни телеграфных столбов, ни проводов. Тщетно я высматривала корабли или самолеты.

Я плохо помнила дорогу от берега до этого места, назначенного привалом на ночлег. Мысли путались от шока, страха и стресса. Болели разодранные от падения на камни колени и локти, ныло после бега травмированное колено. Одно хорошо — щебенка, как и пляж, остались позади, и весь путь по тропе посреди океана под ногами белел мягкий песок. Но к вечеру голые ступни все равно с непривычки сильно болели. Зачем я только разулась на том берегу…

На горизонте не было видно земли, но вряд ли женщины и охотники двигались наугад. У них были с собой раскаленные угли, вероятно, прихваченные с прошлого привала, и у них, должно быть, имелся запас пищи. Его я, правда, не видела. Если пищи мало, то либо мы близки к конечной цели путешествия, либо они рассчитывали пополнить запасы по дороге, но тогда неизвестно, насколько долгим окажется это путешествие. Может быть, это кочевое племя и они просто идут, куда глаза глядят, а заодно уводят и меня.

Ни у бородатых праотцов, ни у всклокоченных праматерей обуви не было. Их натруженные ступни сильно напоминали ноги хоббитов, но их нельзя было назвать коротышками. Поначалу я не обратила внимания на их рост, но теперь, когда они суетились вокруг меня, занятые вечерними ритуалами, а мне, связанной по рукам и ногам, только и оставалось, что наблюдать, я заметила, что никто из них, даже женщины, не уступали мне в росте. А ведь в новейшей истории мои метр сто восемьдесят пять сантиметров считались для девушки выше средних стандартов.

После того, как костер занялся, и дольше пялиться на меня женщина уже не могла, она отошла к остальным. Из заплечных котомок, эдаких витых из лозы рюкзаков, они доставали

пожухлые чахлые букетики и раскладывали их на плоских камнях, выбеленных солнцем и солью. Я насчитала десять женщин.

Все были молоды и примерно одного возраста, но сколько именно им было, я судить не бралась. Ни одна из них не была морщинистой старухой, это точно. Впрочем, они сами, скорей всего, не знали своего точного возраста. Хотя, может, первобытные люди и вели какой-то счет прожитым годам.

Ох, Питер, ведь я оказалась в той эпохе, на изучение которой ты потратил так много времени! Как бы я хотела поменяться с тобой местами, да-да, именно так, я не оговорилась. Черт возьми, я никогда не мечтала стать историком. Ты определил бы эпоху и местность мимоходом, по одному только виду застежек на меховых шкурах или способу заточки деревянных копий. Но ты мертв, а я ни черта не смыслю в археологии. Это жестоко, Небо, вынуждать других претворять в жизнь чужую мечту, но ты ведь и не отличаешься благодушием, верно?

Ладно. Вдох-выдох.

Девушки с начесами на головах а ля «Стиль Диско» закончили раскладывать букеты. Они не сводили с меня настороженных глаз. Я бы помахала им, не будь у меня связаны руки. Пришлось ограничиться улыбкой.

Эффект произвело такой, как будто я достала пушку и застрелила одну из них. Чудесное общество.

Я отвела от их искаженных ужасом лиц и сосредоточилась на сухих букетах на камнях. В том, как они разложили их, улавливалась некая логика, но мне не хватало знаний постичь ее. Вероятней всего, отгадка крылась в том, какого цвета были букеты при жизни, до того, как превратились в сухие веники, но сумрак, расстояние и блеклость поникших бутонов не давали никакого представления о цветовой гамме и не объясняли логику кругового расположения по всему периметру лагеря. Какие-то свои неандертальские заморочки… Чувствую, в дальнейшем я не раз и не два ограничусь именно этим объяснением.

Мужчины не появлялись. Небо над нашими головами было чернее черного. Руки и ноги без движения стали затекать. Живот урчал с каждой минутой все громче и что-что, но скрыть этот звук мне было не по силам.

Самая темнокожая и с шапкой из всклокоченных волос выше, чем у других, оглянулась на меня после того, как мой живот издал очередной голодный вопль. Про себя я прозвала ее Тиной Тёрнер, надо же как-то различать их.

Накормите же меня, вопило мое тело, хотя лично я голода не ощущала вообще. Не знала, что так бывает, но вот. В самом

начале привала, после пешего похода, мне очень хотелось пить. Но воды никто не предложил. Теперь же, когда солнце скрылось, а ветер с моря дышал свежестью, жажда немного стихла. Обманчивое чувство, я знаю, но холод бодрил и пугал меня больше голода и жажды. Они ведь тоже люди, эти девушки с начесами, когда-нибудь им тоже понадобятся пища и вода, значит, и мне достанется.

Но что для них является приемлемой пищей, с нарастающей тревогой думала я, и вода какого качества кажется нормальной?

Стоило подумать о воде и во рту пересохло, а язык, высушенной воблой, прилип к нёбу. Подумала о вобле? Новый залп возмущенного желудка. Раньше его голодом не морили.

Тина Тёрнер снова оглянулась на меня. Ну, эти звуки невозможно не понять, женщина! После провала с улыбкой, честно говоря, я боялась проводить новые эксперименты. Если я открою рот или начну энергично работать челюстью, изображая, что пережевываю гипотетический ужин, они поймут меня? Или решат, что я угрожаю им и обещаю сожрать их самих?

Мысль о каннибализме поразила меня в самое сердце, и я тут же затолкала ее поглубже в сознание, черт подери, нет, нет. Должно быть другое объяснение тому, что у них нет с собой запасов пищи, и что я оставалась связанной.

Какая ирония, Небо, зашвырнуть меня в доисторическую эпоху, чтобы я стала для кого-то ужином! С другой стороны, если громоздкая фауна щелкает зубами и размерами превышает новостройки, то охота на себе подобных вполне разумное и простое в исполнении решение. О, проклятье, могла я сегодня за завтраком представить, что к вечеру буду искать объяснение и оправдание каннибализму? Что с людьми делает голод!

Надеюсь, он не делает того же с неандертальцами.

Тут девушки дружно вскочили на ноги, а я чуть не заорала что-то вроде пустите на шаурму кого-то другого, — и при упоминании шаурмы мой пересохший рот вопреки всему снова наполнился слюной, — но в круг света от слабого низкого костра появились мужчины.

Девушки тут же схлынули во тьму и вечерний холод. Они просто сидели у огня, пока в лагере не было мужчин, дошло до меня.

Один из мужчин, — для меня лишь черный силуэт на фоне пламени, — присел у костра и стал ругаться. Иначе и не скажешь. Я не понимала ни слова, но точно узнавала эту интонацию. Неизменную, хорошо знакомую интонацию ворчливого уставшего человека, когда ему все не так и все не то. Да это же Одуванчик, наконец, узнала я его по воздушной прическе на голове.

Одуванчик поворошил горящий плавник, выпуская искры в темное небо, и продолжил ворчать что-то вроде — плохо разожгли, или слишком сильно разожгли, читалось в его низком хриплом ворчании, дров-то мало, чем прикажете топить далеко за полночь, когда этот плавник прогорит, а другого вы, ленивые неандерталки, не натаскали?

Потом он выдохся. Из-за костра глубокие морщины и глазные впадины стали еще глубже, резче, он хмурился и устало глядел на пламя. Тяжелый выдался денек, читалось в его глазах, каждый раз то крокодилы, то какие-то бледные беглянки, нет, чтобы спокойно дойти, хоть бы раз до…

Я шумно выдохнула. Одуванчик смотрел на меня, поверх оранжевых языков пламени. Я смотрела на него и, клянусь, читала его мысль, как раскрытую книгу.

Четверо других мужчин, пока мы переглядывались с Одуванчиком, тоже опустились на землю вокруг костра. Откуда-то появилась завернутая в листья рыба. Одна.

Одуванчик отвернулся от меня, сосредоточившись на рыбе. Рыбина была небольшая, но внушительная. Не какой-нибудь захолустный карпик. Ее чешуя отливала рубинами, пока Тигр — я разглядела белые полосы шрамов на голой спине, — чистил ее остро заточенным камнем. Примитивное орудие труда, как написали бы авторы скучных учебников по истории.

Вас бы сюда, думала я, даже не зная к кому обращаюсь. Даже какой-нибудь ихтиолог — фанат рыбешек древности — сейчас пищал бы тут от восторга, а не умирал от голода и не гипнотизировал бы эту рыбину в руках неандертальца. Может быть, он собрал очищенную чешую, череп или плавники для передачи музею, может быть, даже знал бы название или род этой рыбы. Я и без того чувствовала себя неважно, но когда представляла, сколько энциклопедических знаний оставались от меня скрытыми, становилось совсем паршиво.

Я спортсменка и могу проехаться на велосипеде без рук. Могу приблизиться к мировому рекорду. Знаю преимущества большинства велосипедных марок и их недостатки, а еще почему у того или иного велосипеда определенное количество скоростей. Это и есть мои уникальные знания и способности. И они совершенно мне не пригодятся, если только я не собираюсь изобретать первый велосипед юрского периода.

Мужчины молча следили, как Тигр бережно счищал твердую чешую с рыбьих боков. Я глотала слюни. Девушки сидели поодаль. Значит, в эту эпоху женщины на кухню не допускались. Ну, кое в чем мне все-таки повезло, а?

Когда с рыбой было покончено, Тигр передал тушку

Одуванчику. Тот громогласно всосал сырые рыбьи глаза и улыбнулся. Настроение у него улучшилось. Затем двумя пальцами выдрал из зубастой рыбьей пасти язык и стал сосредоточенно пережевывать его.

Голод? Кажется, здесь кто-то говорил о голоде? Точно не я.

Одуванчик вернул безглазую и безязыкастую рыбину Тигру. Тот снова взялся за нож, полоснул рыбье пузо и достал потроха.

Тина Тёрнер — похоже, она старшая или главная среди женщин, — подошла к мужчинам. Села, низко склонив голову и вытянув перед собой руки. Тигр положил ей на одну ладонь рыбью печень и икру, на другую желчный пузырь. Тина Тёрнер съела прямо там, не разгибаясь, и икру, и печень, а с желчным пузырем вернулась к другим.

Это что, их порция?!

Низкими голосами женщины затянули песню. Я прищурилась, силясь разглядеть их действия. Одна из них рыла руками песок, Тина Тёрнер по-прежнему держала рыбий пузырь на вытянутой руке, остальные, сидя на земле, с закрытыми глазами, слегка покачивались и бормотали песню про согласные буквы алфавита. Именно такой мне казалась их песня.

— Э-м-м-м…. — тянула первая.

— Пэ-э-э, — бормотала вторая.

— Э-с-с-с, — шипела третья.

По общим впечатлениям, это походило на торжественные похороны рыбьего пузыря. В детстве, в том возрасте, когда мы вдруг заинтересовались природой смерти, мы часто играли похожим образом. Хоронили мертвых букашек или убитых нами же муравьев и обязательно, по всей строгости ритуала, кто-то пел заунывные бессловесные песни, а кто-то плакал, иногда даже по-настоящему, целиком вживаясь в роль плакальщиц.

Тина Тёрнер с пчелиным ульем на голове прокусила пузырь зубами и песня резко оборвалась. В вырытую ямку Тёрнер в оглушительной тишине опустила пузырь и сгребла песок одной ладонью сверху.

— Эс Пэ, — подытожила третья.

Тёрнер уселась рядом с девушками. За время ритуала мужчины не коснулись еды, за ее разделку Тигр принялся только сейчас. Он разрезал рыбу надвое, положив на камень. Отсек голову и снова передал Одуванчику. Отнес сам половину филе Тёрнер, а вместе со второй вернулся к костру и мужчинам.

Ну, замечательно, вы тут всё поделили!

Женщины с превеликой осторожностью разделили филе между собой и стали есть. Мужчины дождались, пока Одуванчик обсосет рыбий череп, и только потом разделили свою порцию на

одинаковые доли.

Все у них было продумано, черт возьми. А пленники пусть грызут веревки.

Хм.

Травяные нити разопрели от соприкосновения с кожей и источали ароматы лета… Это напоминало о свободе. Я сделала вид, что чешу голову, а сама попробовала лиану на зуб. Во рту разлился горьковатый и кислый привкус, как у виноградного усика. Веревка была сплетена из множества отдельных травинок. Чтобы не привлекать внимания, пришлось для начала размягчить ее слюной. Травинки пружинили и их было не так-то просто перекусить, особенно не поднимая шума.

Но я справилась. Мои предки явно произошли от хомяков.

Глава 5. И еще одна попытка

После того, как я без труда перегрызла свои ненадежные оковы, я не вскочила тут же и не умчалась в сгустившуюся тьму. Я дождалась, не меняя позы и не вызывая подозрений, пока обитатели лагеря устроятся прямо на земле, подложив под головы скатанные валиком шкуры. После того, как с ужином было покончено, женщинам разрешили подойти к костру. Теперь-то я понимаю, что никому и ни в коем случае под покровом ночи нельзя было оставаться вне круга пламени. Этот мир жесток, непредсказуем и голоден.

Вся наша жизнь это не игра, вся наша жизнь это постоянное утоление того или иного голода — своего или чужого. Мы жертвуем собой ради других или другими ради себя.

Конечно, звезды «Восьмидесятых» выставили часовых. Они дикари, а не дураки. Первыми в дозор встали Тигр и еще один с огромным родимым пятном на животе, по форме напоминавшим апеннинский сапог. Мистер Италия стоял на страже в той стороне песчаной отмели, куда мы двигались, а Тигр — глядел обратно, откуда мы пришли.

Мерно вздыхал океан, и если бы не волнение из-за предстоящего побега, я бы, наверное, себе места не находила от холода. Меня-то к костру никто не пригласил. Я сидела с боку, все равно в круге тусклого света, но тем, кто спал плечом к плечу, хоть на голой земле, всяко было теплее, чем мне в одиночестве.

Луны на небе не было. Нужно было выждать, пока все крепко заснут, и я глядела на россыпи звезд, которых было великое множество. Свет города никогда не позволял разглядеть столько созвездий и комет сразу. Я представила, какое впечатление, должно быть, этот звездный купол производил на моих спутников, которые с почестями хоронили рыбьи пузыри.

Сказывалась зверская усталость. Ныли непривыкшие к ходьбе босиком ступни. Не давали забыть о себе и царапины от птичьих когтей на спине и руках. Хотелось, наконец, снять исполосованную рубаху и перепачканные джинсы и после отлежаться в горячей ванне. В итоге, зачаровано наблюдая за звездами, я и сама чуть не уснула. Может быть, и уснула, потому что как ко мне приблизился Тигр, я не заметила.

Абориген стоял, протягивая мне руку, и на его раскрытой ладони был кусок рыбы. Он или не съел свою порцию, или съел только половину, а остальное предлагал мне. Он с ужина держал этот розоватый кусок рыбы в ладони, сообразила я, ждал, как и я, подходящего момента, чтобы поделиться со мной едой, пока

остальные не видят.

Самое ужасное, что при виде скомканного, потерявшего, как говорится, товарный вид, рыбного кусочка, размером со спичечный коробок, который дикарь держал стиснутым в кулаке, в животе заурчало. Тигр улыбнулся краешком губ — едва заметно из-за курчавой бороды, никогда не знавшей барбершопов, — и настойчиво сунул мне под нос ладонь, бери, мол, чего ждешь.

А я сидела не шелохнувшись. Черт, черт, черт! Я ведь перегрызла растительные наручники. Стоит мне протянуть руки за куском рыбы, и все тайное сразу станет явным. Будет ли он так же добр ко мне, когда поймет, что мыслями я уже была за тридевять земель?

Но я была зверски голодна. И хотела свободы.

Тигр отшатнулся назад, когда я рывком поднялась на ноги и воинственно двинулась на него. Когда я заговорила на непонятном ему языке и зловещим шепотом, чтобы не разбудить остальных, лицо вытянулось:

— Сейчас я развернусь и уйду, а ты останешься стоять здесь, на месте и ты не издашь ни звука, понял меня? Ты будешь нем, как рыба. Или я выпотрошу тебя, как ту рыбу.

Я стряхнула остатки растительных волокон со своих лодыжек, которые благополучно развязала после того, как освободила руки.

Тигр стоял, как громом пораженный. Я выхватила рыбу из его рук, буквально проглотила, едва прожевав, и попятилась назад, в сторону берега, куда и закинула меня неожиданная телепортация. Теперь план побега сформировался у меня окончательно — я просто вернусь на тот самый пляж, войду в воду и достану глиняный черепок, который до сих пор оставался при мне, в кармане джинс. Едва заметив приближение людей, я рефлекторно спрятала его. А вдруг он работает и в обратную сторону, верно? Не проверишь, не узнаешь.

Я пятилась, не сводя с Тигра сурового, как мне хотелось верить, взгляда. Сведенные брови и взгляд исподлобья были моим единственным оружием. Пока я смотрела на него, я знала, он не закричит.

Он двинулся в мою сторону. Не разговорами, так кулаками, но он вернет меня обратно.

Тогда я развернулась и побежала. Я успела отдохнуть, я привыкла к камням, и колено пока не беспокоило меня. Я летела, будто окрыленная. Но у него было копье. Оно-то и просвистело мимо, тяжело рассекая воздух. Я достаточно насмотрелась фильмов, в которых несмышленая жертва бежит от преследователя по прямой и искренне верит, что ее не догонят.

Копье вонзилось в самый центр песчаной насыпи, но я, поднимая лавину камней и песка, уже свернула с дороги. Дорога достаточно приподнималась над океаном, и даже в прилив, как сейчас, волны не заливали и не размывали насыпь. Быстро перебирая ногами, боком, я летела вниз, стараясь не дышать. Сизым туманом висела пыль. В нос ударил йодистый запах водорослей, ноги погрязли в вязком месиве нанесенного ила. Я достигла океана.

Я сделала несколько шагов по этому болоту, высоко поднимая ноги, и вдруг с головой ушла под воду.

Глаза и носоглотку обожгло солью, но в черной воде я ровным счетом ничего не видела. С перепугу я глотнула воды, но откашляться не было никакой возможности. Вода была везде. Меня охватила паника.

Худшее, что может случиться на воде.

Я призвала на помощь все свое самообладание, заработала руками и ногами, чтобы плыть наверх, как мне казалось, хотя понятия сторон света для меня сейчас в принципе не существовало.

Но я поднялась на поверхность даже быстрее, чем ожидала. Откашлялась, отфыркиваясь, убрала с глаз мокрые волосы и огляделась.

Я знала, что слабый костер из плавника должен всегда оставаться позади меня. В полнейшей темноте и при отсутствии других источников света лагерь казался отличным ориентиром. Я сразу нашла его.

Но это был не тот костер!

Пламя больше не было тусклой точкой. Пока я занималась ночным дайвингом, огонь охватил весь берег. Глянцевая поверхность океана множила оранжевые блики пламени, и казалось, океан тоже горит.

Я металась на одном месте, соображая, в какую сторону плыть. Естественно, я не видела берега, а чтобы во мгле прорисовались макушки леса, нужно было дожидаться рассвета. Но с первыми лучами света и меня саму будет видно. К тому же дожидаться на одном месте это в принципе не осуществимо — течением к рассвету меня отнесет черти куда. Даже сейчас, работая ногами только для того, чтобы продержаться на поверхности, я чувствовала, что двигаюсь. Но не было совершенно никаких ориентиров, по которым можно было определить, в какую сторону.

Если меня отнесет достаточно далеко, я не найду свой пляж. Коснуться черепка на том самом месте или хотя бы на том самом пляже, казалось мне жизненно важным решением.

А океан горел, горела дорога, на которой, в общем-то, нечему было гореть. Как они там, подумалось мне, и что случилось в лагере? Неужели это Тигр поднял тревогу?

Не важно, все это совершенно не важно. Они шли своей дорогой, а я буду придерживаться старого плана, что держу костер и лагерь, соответственно, за своей спиной. Я видела белую стену насыпи по левую руку от себя, и это означало, что я на правильном пути.

Я поплыла вперед.

Букеты, поняла я, сухие букеты, которые девушки раскладывали по периметру лагеря. Сами по себе они бы не горели так сильно и долго, но может быть, они окунали их в какую-нибудь смолу или нефть и давали потом высохнуть. Я плыла все быстрее, обретая уверенность, чувствуя силу. Я выросла на острове как-никак.

Я позволила себе обернуться, когда почувствовала легкую усталость. Свет огня теперь озарял горизонт. Я не слышала криков или погони, только то, как накатывали волны на песчаную отмель. Мне показалось, что пора.

Я повернула к дороге, на которую мне предстояло забраться. Снова водоросли и болото, и снова килограммы песка, на этот раз не под ногами, а под руками. Я измазалась грязью, надышалась пылью, но я заползла наверх и только потом оглянулась.

Ничего.

Может быть, они уже казнили Тигра за побег пленницы. Может быть, они решили, жги букеты, гуляем, белый демон убрался восвояси, теперь-то хоть дойдем без приключений.

Чувствуя себя мелким зверьком, перебегающим автомобильную трассу, я перебежала через дорогу. Сердце колотилось так, как будто меня и правда ждала встреча с чьим-нибудь бампером.

Обратный путь к океану был точно таким же, только еще больше водорослей и больше грязи, а еще я была готова к превратностям дна и сразу поплыла, смывая с себя налипшие водоросли и грязь. В кромешной темноте слух мой обострился до предела, я вся превратилась в слух и только поэтому услышала… это.

Повторяющиеся всплески.

Волны бились о дорожную насыпь, и это был совершенно другой звук. Я застыла в метрах ста от берега и, покрываясь мурашками, слушала, как что-то двигалось тяжело и медленно — между всплесками волн мне удавалось сосчитать до двух, а то и трех. Другие звуки походили на дождь: спешное, неумелое барахтанье, а не плавание. Их было очень много.

Хотя поверхность притихшего в ночи океана искажала и звуки, и расстояние, я была уверена, что успела вовремя остановиться. Иначе уже была бы в компании подводных чудовищ. О чем я только думала? Это другой мир, здесь нельзя пускаться в расслабленное ночное плавание, если не хочешь стать для кого-то ужином. К этому еще предстояло привыкнуть, научиться оглядываться, красться и прислушиваться.

Крокодилиха, вдруг озарило меня. Это она! И ее голодные дети!

И сразу же следом — лагерь! Лагерь в опасности! Когда они узнают, какие гости к ним пожаловали, будет уже поздно. Но я ничем не могу помочь им, я сделаю только хуже самой себе, если не вернусь на берег и не попытаюсь снова воспользоваться осколком. Хотя с чего такая уверенность, что он действует и в обратную сторону? Не пытаюсь ли я просто убедить себя в чем-то от крайней степени отчаяния?

А никем не замеченные крокодилы вот-вот нападут на спящих людей и некому их предупредить. Слишком быстро чудовище отказалось от нас этим утром, слишком поспешно отступило от огня, даже не попытавшись атаковать, словно решило, что у нее еще будет время отомстить. И оно настало.

А ведь Тигр поделился со мной рыбой, ведь пожалел меня, а как поступлю я?

Я развернулась и, поднимая слишком много шума, устремилась к насыпи. Взлетела на гору, благо опыта уже поднабралась, и побежала вперед так быстро, насколько позволяли тяжелые, набравшие воды джинсы.

Зарево костра потухло. Я не верила своим глазам. Похоже, букеты долго не продержались, но зачем вообще они жгли их? Огонь мог бы помочь сейчас против хищников, как помог тогда на берегу, но теперь-то жечь на пустой дороге было нечего. Утром они наломали дров в прибрежном лесу. А сейчас только тусклый костер из плавника и копья, вот и вся их защита этой темной безлунной ночью.

— Э-э-э-эй! Э-э-э-э-й! — крикнула я на бегу в сложенные рупором руки. Бесполезно было кричать о крокодилах, никто не понял бы ни слова.

Я бежала и кричала, поглядывая искоса на плещущийся черный, как смола, океан. Хоть какой-нибудь лучик света скользнул бы по волнам, позволил бы разглядеть шипастые спины. Она ведь огромная, она ведь чудовищно огромная! Я побежала еще быстрее.

И на всей скорости налетела на Тигра. Абориген отшатнулся, и я угодила в объятия Одуванчика.

— Аргх! — зарычала я на него, показывая на воду. — Аргх!

Они столпились вокруг меня, хмурые и озадаченные. Я насчитала всех пятерых, кто же остался с девушками? Почему они покинули лагерь?

И тогда тишину разорвал истошный женский вопль.

Одуванчик, перехватив копье, хрипло пролаял короткие приказы. Они выстроились по обе стороны дороги, а я так и осталась стоять в центре, и, пригибаясь к земле, резво побежали вперед. Недолго думая, я увязалась за Тигром, последним слева.

Он выглядел испуганным, когда мельком обернулся и попытался что-то сказать, но его губы, как у рыбы, только беззвучно открывались и закрывались.

— Прости, что сбежала, — прошептала я, — надеюсь, тебе не сильно влетело за это. И спасибо за рыбу.

Тигр раскрыл было рот, чтобы ответить, но впереди снова завопили и мужчины прибавили ходу.

А потом те, что бежали справа, разом замахнулись копьями. Раздался такой треск, будто кто-то наступил на яичную скорлупу, он раздавался снова и снова, перемежаясь с тихим мышиным писком. Тигр и мистер Италия, что бежал впереди него, тоже бросились к правому берегу. И тогда я увидела полчища крокодилов, которые взбирались вверх по песочной насыпи, срывались вниз и снова карабкались друг по дружке, как тараканы, хотя сами были размером с небольшого аллигатора.

Значит, я не ошиблась. А их мать где-то там, впереди, откуда уже не доносились крики.

Тигр бил пяткой по морде тех, кто только собирался взобраться на дорогу, с хрустом протыкал копьем тех, кто умудрялся проскользнуть мимо. Остальные поступали точно так же, но поток крокодилов не ослабевал, их было много, слишком много. Они проскальзывали между ног, они выбирались из-под убитых и ползли дальше, влекомые одним и только одним инстинктом — голодом.

Мистер Италия заорал не своим голосом, завертевшись на месте. Тигр безостановочно поднимал и опускал копье, хрустела чешуя, но никак не мог добраться до орущего Мистера Италия. Крокодилы почуяли кровь и устремились к нему. Он захлебывался собственным криком. Живьем они разрывали его на куски.

Тигр выдернул меня из оцепенения, схватил за руку и потащил влево, к самому обрыву. Одуванчик и еще двое ждали только нас. Крокодилья река больше не стремилась вперед, посреди дороги словно образовался водоворот и в его центре был Мистер Италия.

Одуванчик заорал и швырнул копье. Наконечник пробил грудную клетку мужчины и его безумный крик, наконец, стих. Он упал на колени, а крокодилы с боков стали карабкаться друг другу на спины, лишь бы урвать кусочек жертвы, лишь бы добраться до тела.

Одуванчик толкнул Тигра в плечо, что-то сказал тому, но так и не дождался ответа. За это время Тигр все еще не произнес ни слова.

Неужели это… из-за того, что я приказала ему молчать?

— Г… го… говори, — прошептала я, заикаясь. — Го…говори!

Он изменился в лице, указал рукой в небо и проорал на своем, что-то вроде: «смотрите! Смотрите все!»

Огромные белые птицы, знакомые мне хищные чайки, не остались в стороне во время крокодильева пиршества. Однако их не интересовал погибший человек. Бились крылья, снова хрустели панцири и скреблись когти — чайки пытались подцепить новорожденных рептилий и унести в небо.

— Бежим! — очевидно, выкрикнул Одуванчик, читая мои мысли, и мы, прижимаясь к левому обрыву, устремились вперед, пригибаясь и закрывая головы руками.

Глава 6. Явление

Лагерь был пуст. Чернели разводы сажи на камнях, где когда-то были разложены и горели букеты. Одуванчик коснулся темных полос на песке и поднес палец ко рту. Это была кровь, даже мне было понятно, но он, похоже, знал разницу на вкус между крокодильей и человечьей.

Одуванчик помрачнел. Это было ответом, значит, кровь не принадлежала крокодилу.

Пепел костра в центре разметало по лагерю, а песок вокруг был истоптан десятками лап, разных размеров, а еще…

Я буквально припала к песку. Две параллельные полосы, очень похожие на полозья или следы от деревянных колес, растворялись во тьме. Гигантские лапища матери драконов отпечатались поверх полозьев, значит, девушки успели сбежать и, возможно, выжили.

Они жгли костры после моего побега. Конечно, я решила, что им нужен свет, чтобы обнаружить беглянку, но что если они просто подавали знак кому-либо еще, кто искал их во тьме? Ведь у их похода была и своя цель, еще до того, как они встретились со мной, верно?

Средство передвижения, каким бы оно ни было, означало, что речь идет о более развитой цивилизации. Не верю, что карета принадлежала таким, как Тигр или Одуванчик. У аборигенов была назначена встреча и товаром… вдох-выдох!.. товаром были женщины. Они отдали их, ушли, встретили меня и уж совсем последними здесь появились крокодилы.

За моей спиной Тигр, после того, как к нему вернулся голос, не умолкал ни на секунду и о чем-то вдохновенно спорил с Одуванчиком. Главарь отвечал коротко, односложно и скорей всего отрицательно. Но Тигр не сдавался. По тому, с каким испугом на меня косились два других выживших аборигена, я поняла, что речь, скорей всего, идет обо мне.

Тигр показывал рукой туда, куда умчалась загадочная колесница, а Одуванчик качал головой и оглядывался назад, ожидая, вероятно, что крокодилы вот-вот насытятся Мистером Италия и примутся за нас. Тигр упрямо показывал по маршруту доисторического экспресса, в промежутках между этим зачем-то хватаясь за собственное горло.

Не трудно было догадаться, что он предлагал Одуванчику сдать меня неизвестным на колесах, которые забрали их женщин. То ли потому что я и сама женщина, то ли потому что я явно не принадлежала к аборигенам, а тот народ, изобретший колесо и

научившийся впрягать животных, явно разберется, что со мной, такой сложной и неоднозначной, дальше делать.

Мне снова предстояло стать чьей-то пленницей, но это мало тревожило меня. Еще час назад, лишь завидев отпечатки колес, я бы и сама побежала за ним сломя голову. Теперь же я вглядывалась во тьму и понимала, что пробудившаяся матерь драконов где-то там и это внушало мне гораздо большие опасения, чем перспектива рабства. Рептилия либо догнала колымагу и отожралась девушками досыта, либо разозлилась из-за неудачи и теперь следит за нами, поджидая удачного мига, чтобы напасть. Неопределенность действовала на мои и без того взведенные до предела нервы.

Я вглядывалась во мрак и делала это так старательно, что вскоре мне начало казаться, что я и правда различаю очертания шипов, движение хвоста и даже блеск влажных клыков в приоткрытой пасти, застывшей в ожидании жертвы. Такое бывает, если долго вглядываться во тьму. А живое воображение и радо было стараться.

Одуванчик, тем временем, махнул рукой, мол, делай с ней, что хочешь, и Тигр довольно улыбнулся. Вождь прошелся по песку и встал прямо передо мной. Хотя он и понимал, что я совсем не знаю их языка, ему будто казалось, что как-то не по-людски будет не объяснить мне моей участи. Я прониклась к нему уважением.

— Понимаешь, — как бы начал он, глубоко вздохнув…

Но в тот же миг тьма за его спиной ожила.

Разумеется, он обернулся. Любой на его месте обернулся бы. Я видела, как он инстинктивно сжал правую руку, но оружие осталось в теле Мистера Италия.

Будь Одуванчик вооружен, то именно сейчас, когда перед ним зияла распахнутая пасть, он мог бы нанести самый результативный удар, который прославил бы его среди племен, как великого охотника всех времен. Крокодилиха была наиболее уязвима сейчас. Он мог вогнать копье, целиком, во всю длину рукояти прямо в верхнюю мягкую и рыхлую часть нёба.

Но он стоял перед ней безоружным.

Челюсть крокодила с леденящим лязгом клыков захлопнулась. Наверное, он даже не успел ничего почувствовать. Я надеюсь, что это была легкая смерть.

Тигр и еще двое заорали. Они оттащили меня, хотя я, как завороженная, оставалась на месте, в непосредственной близости от щелкнувшей челюсти, в облаке уже знакомого гнилостного дыхания. Они потащили меня обратно, но остановились, только и успев, что отбежать на пару шагов — нам навстречу уже семенили чешуйчатые голодные отродья.

Тигр отфутболил в океан первого, который добрался до него, а второго проткнул копьем и швырнул следом. Два других аборигена направили копья во тьму, в которой скрылась и затихла матерь драконов. Как будто мы могли противостоять ее размерам и скорости…

У нас не было никаких шансов. Мы стояли между молотом и наковальней, и это был только вопрос времени, когда мама и ее потомство снова воссоединятся.

Я, как могла, помогала Тигру отбиваться. Так мы и стояли, не готовые сдаваться без боя, когда в небе, затмевая звездную крупу, совершенно беззвучно раскрылся огненный цветок фейерверка.

Вспышка света разбавила ночь до сумерек, и я воочию увидела перед собой десятки шипастых спин, которые извивались, ворочались и ползли. Я поглядела через плечо в тот краткий миг, когда пламенный цветок в небе стал опадать и гаснуть, но мне хватило и гаснущих искр, чтобы понять — крокодилиха не утолила голода. Она держала окровавленную пасть раскрытой, готовая…

Тигр неожиданно сбил меня с ног. Тьма в стократ усилилась, и я будто ослепла. Я натыкалась руками на шипы и чешую, и чувствовала, как дрожит подо мной земля. Людей рядом не было. Земля тряслась, и до меня стало доходить, что, как только погас свет, матерь драконов атаковала, а Тигр попросту отшвырнул меня с ее пути…

В небесах снова полыхнуло. Сверкнули клыки в сантиметре от моего лица, но короткие, небольшие, я увернулась, откатившись в сторону. Заверещали объятые пламенем рептилии и пахло горелой плотью. Они стали прыгать в воду и удушливый запах гари только усилился. Безумным звездопадом с неба сыпались раскаленные белые искры, которые жалили будто рассерженные осы. Только мокрая одежда и влажные волосы спасли меня от худших ожогов на свете.

Я слышала решительные, воинственные крики, но вертелась на месте в огненном ливне, не в силах определить, куда бежать и где искать людей.

Они сами нашли меня.

Гореть на песке было нечему, но, тем не менее, от нарастающего жара и дыма слезились глаза. А вот мужчина в чем-то красном и без рукавов словно бы не замечал ревущего пламени. Он шагнул ко мне и потянул за собой, уводя из пекла. Полы его длинного халата развевались следом, и я сама путалась в них, потому что старалась идти ближе к нему, но одежда, ровно как и пламя, не доставляли ему никакого дискомфорта.

Я зачарованно глядела на его рыжеватые в отблесках огня

волосы, разметавшиеся по спине, и только и могла что думать о том, почему они еще не вспыхнули, как факел.

Песок под моими ногами больше не горел, и тогда мужчина остановился. Обернулся. У него было неправдоподобно узкое, вытянутое лицо с острым подбородком. Прямые и, действительно, рыжие волосы визуально еще более удлиняли его лицо. Похвастаться богатой шевелюрой, в отличие от ранее встреченных мною неандертальцев, мужчина в красном не мог — локоны его были тонкими, жидкими и облепляли голову, будто мокрые. Хотя таковыми не были.

Кстати, он тоже заинтересовался моими волосами. Он провел рукой по моим спутанным, влажным волосам и лицо его еще немного вытянулось от удивления, словно бы светлая копна на моей голове была для него невероятной неожиданностью. А впрочем, иди, знай, как они относятся к блондинкам в этом мире, верно?

В поясе его красный халат сильно и несколько раз был перетянут кожаным ремнем. Складывалось впечатление, что рукава были именно оторваны, а не отрезаны. Из ткани по шву торчали нитки.

Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Губы у него были тонкими, как и он сам. Улыбка преобразила его суровое некрасивое лицо. Морщинки в уголках глаз прибавили мягкости. Я улыбнулась в ответ, на этот раз уверенная, что моя дружелюбность не отпугнет собеседника так же, как девушек в лагере.

Он не отпрыгнул и не переменился в лице. Он заговорил со мной тихим голосом исповедующего священника, а цепкий взглядом холодных голубых глаз внимательно следил за любой моей реакцией.

Аборигены, наверняка, уже рассказали ему о том, что я не понимала их речи. И он проверял меня, ожидая, что сейчас я ненароком выдам себя и обнаружу познания их языка.

Как бы не так.

Я опасалась делать каких-либо движений в ответ, например, я могла бы покачать головой или пожать плечами, но я не знала, что он говорил мне, и любое движение могло быть принято за ответ. Я просто смотрела с отсутствующим видом на него, на две нитки бус из разноцветных мелких, как горох, камней на шее, на грубоватую, словно мешковина, ткань халата.

Он остался доволен моей реакцией.

Но затем поглядел поверх моей головы и удивленно вскинул брови. Я проследила за его взглядом и нашла на сереющем рассветном небе белую точку. Она стремительно приближалась.

Пламя еще не потухло, оранжевые искры отражались в волнах океана по обе стороны от дороги. Я оглянулась назад, белеющее полотно дороги вело прямо до горизонта. Очень далеко виднелись люди и та самая колесница. Я надеялась, что смогу подойти ближе и разглядеть все собственными глазами. Само собой, ни Тигра, ни других моих безымянных защитников я не могла бы различить с такого расстояния, но мне хотелось верить, что они тоже спаслись и они там, с остальными.

Я не понимала, чего мы ждем. Мужчина в подпоясанном халате-безрукавке, сузив глаза, наблюдал за полетом крупной белой птицы. Я же была сыта по горло здешней фауной и, когда уже можно было разглядеть невероятно крупную птицу, с огромным клювом и когтистыми лапами, я дернулась.

Мужчина разгадал мое желание. Он схватил меня за руку, явно забавляясь моим страхом, а второй рукой указал в небо на птицу и проговорил медленно, четко разделяя слоги ради меня:

— Jainkoan ondoran, — звучало оно примерно так.

Он снова поглядел на меня, повторил слова, как делают это учителя иностранных языков, и указал на птицу.

Потом ткнул пальцем мне в грудь и сказал:

— V'ai e mastea. V'ai. Oi, — он показал на себя, потом снова на меня: — V'ai.

Это были «ты» и «я». Может быть, конечно, «мужчина» и «женщина», поэтому, положив себе руку на грудь, я уточнила:

— Oi?

Мой учитель просветлел.

— Bai, — кивнул он, что, вероятно, означало «да».

— Oi matea? — переспросила я.

— Ez, ez, — покачал он головой, что означало, видимо, «нет». — V'ai e ma-s-tea, — повторил он четче.

— Mastea, — выдохнула я, стараясь говорить в точности, как он.

— Bai! — просиял он.

Ну, начало положено! Не все так сложно. Теперь я знаю, как на «ихнем» будет «женщина», «да» и «нет».

А гигантский орел облетал над нашими головами пожарище. Но всадника на спине белой птицы я заметила только, когда он приземлился недалеко от нас, и мужчина спрыгнул наземь.

Так я встретила первого из потомков Бога на этой земле. Позже, я с удивлением узнаю, что «мастеа» означает вовсе не «женщина».

Глава 7. Выживший

Выжил только Тигр.

Я до сих пор считаю, что остальные погибли по моей вине. Не встреть они меня, им не пришлось бы будить оголодавшую на кладке яиц крокодилиху. Не пришлось бы носиться за мной и к ночи они, возможно, преодолели бы гораздо большее расстояние. Без меня они провели бы ночь в безопасности и, встретившись с вооруженным конвоем, все пятеро вернулись бы в свои неандертальские пещеры.

Но выжил только Тигр. Мне не позволили даже подойти к нему. Рыжеволосый мужчина, разгадав мой порыв, удержал меня рядом с собой, указав через плечо на закутанного в черный плащ всадника. Мне следовало подчиниться. Он единственный, кто пожелал обучить меня языку и вообще подумал о такой возможности. Более развития цивилизация, в этом все дело.

Тигр принадлежал к низшему классу. Он сдержанно кивнул мне, как бы говоря, что я приняла правильное решение, не кинувшись к нему. Я кивнула в ответ.

Поодаль от Тигра, обступив чье-то мертвое тело, рыдали девушки. Двое мужчин занимались колесом перекошенной повозки, когда подошли мы с рыжиком и черным всадником. При виде всадника мужчины бросили повозку и вытянулись по стойке «смирно», что уже говорило о многом. Рыдания, наоборот, не стихли, при виде него только усилились. Тигр стиснул зубы, глаза его недобро оглядели всадника, но он ничего не сказал.

Белая птица очень походила на орла, но мне, разумеется, еще не доводилось видеть таких огромных экземпляров. Птица с деловым видом прохаживалась поодаль меж мертвых детенышей крокодила, и, если отрешиться от того, что в ней было около двух метров в холке, ну, с виду обычная курица бродит по двору в поисках червяков. Когтистой лапой она придерживала тушки и умело разделывала их клювом, похожим на крюк. Вдали дороги, тонувшей в предрассветном тумане и сизом дыму догоравших костров, пировали те самые хищные чайки. Они старались держаться подальше от орла и не претендовали на его добычу.

Всадник был с ног до головы укутан в плотную черную ткань, виднелись разве что плетеные кожаные сандалии на ногах, и если он не успевал отдернуть свой плащ, то и драгоценные камни на шее. Он вошел в лагерь стремительным шагом хозяина, не удостоив никого из аборигенов даже взгляда, и потребовал у вытянувшихся по струнке солдат отчета. Он почему-то не стал требовать такового у мужчины в красном халате без рукавов,

который терпеливо сцепив руки, стоял рядом со мной.

Солдаты, запинаясь и перебивая друг друга, очевидно, поведали ему о ночном происшествии. Мол, прибыли ночью, так и так, забрали вот этих, а потом как началось, как завертелось…

Я однозначно воспринимала этих двух мужчин в качестве солдат, хотя, конечно, могла и ошибаться. Но их выправка и вооружение, как мне казалось, однозначно говорили в пользу именно такого вывода. У них, к моему удивлению, на поясе были ножны, а в них могли быть или просто длинные кинжалы или же короткие мечи. Я десятки раз видела рыцарские облачения, но музейных экскурсий, конечно, было недостаточно, чтобы стать экспертом в вооружении. На них, само собой, не было рыцарских лат, только плетеная кожаная броня, перехваченная ремнем на талии. Что-то вроде шорт, не доходивших до колен с соответствующей кожаной защитой важных для мужчины мест. На ногах сандалии с обмотанными вокруг ног ремешками, чем-то напоминали римскую обувь, какую я видела в фильмах. Они не выглядели эффектно, их облачение было простым и непомпезным, вероятно, они принадлежали к низшим званиям, годным разве что для того, чтобы сопроводить толпу неандертальских женщин до точки назначения.

И даже с таким простым заданием они не справились. Не сложно было понять по тому, как хмурился и ярился всадник, что задание было провалено. Простейшая деревянная повозка лежала на боку с отвалившимся колесом. Других верховых животных, кроме орла, видно не было. Укрыться в случае нападения крокодилов на голой дороге было негде, значит, животное или унеслось в паническом бегстве, или его сожрали, так или иначе, солдаты его не уберегли.

Они понуро выслушивали нотации всадника, а когда он выговорился, то по его же приказу вернулись к колесу и повозке. А всадник широкими шагами направился к нам. Плащ бился за его спиной.

Его взгляд поразил меня до глубины души, хотя мне казалось, что уже ничто не способно удивить меня в этом непредсказуемом мире.

Он изучал меня с примесью отвращения и собственным превосходством во взгляде, словно это было ниже его достоинства вообще замечать таких, как я. Его губы скривились при виде моей разорванной, перепачканной рубашки, а джинсы привели в негодование. Похоже, штаны в этом мире, как и в нашем средневековье, считались неотъемлемой мужской прерогативой.

Глядя на меня, он обратился к моему учителю. Он говорил на том же языке, то же звучания слов, только немного беглый и не

такой старательный говор. Мне даже подумалось, что он намерено немного коверкал произношение, чтобы я не смогла понять его речи.

Я внимательно следила за тем, как отвечал и вел себя с ним мой учитель. В нем не было того повиновения, как у солдат, но он тоже склонил голову и не поднимал глаз, разговаривая с всадником. Он отвечал тихо и коротко, но голос все же не звучал испуганно и он не оправдывался, не частил, не сбивался. Он спокойно и размеренно рассказал всаднику обо мне, и я уловила только одно-единственное слово: «mastea». Он словно произнес его ради меня, чтобы продемонстрировать, какой эффект произведет это на всадника.

Тот разъярился. Будь у него кнут или что-то подобное, он, пожалуй, захлестал бы рыжеволосого до смерти. Он сжал кулаки, явно сдерживаясь, и процедил сквозь зубы:

— Craasta.

И одной рукой сорвал с меня остатки рубашки. Я вздрогнула от неожиданности. Ткань полетела в песок. Глупо было ожидать защиты от рыжеволосого, который даже в глаза-то ему не смотрел. Я глянулась на Тигра, тот пылал праведным гневом, но что с того? Солдаты только делали вид, что заняты ремонтом, но вмешаться никак не могли.

Я вскинула глаза и посмотрела на всадника. Невероятно красивое лицо, надо отдать ему должное. Правильные и крупные черты лица, ровный нос, очерченные губы скрыты светлой ухоженной бородой, несравнимой с всклокоченными мочалками Одуванчика или Тигра. Подстриженные пшеничные усы.

Зевс, да и только, но толку-то с красоты с таким характером?

И только тогда до меня дошло, что хоть и смотрю прямо ему в глаза, но я все равно запрокидываю голову, а это означало… Что в нем точно больше двух метров росту. Бесформенный плащ, конечно, скрывал его тело, но, напяль он себя мешок, и тот не скрыл бы широкие плечи, грудь колесом.

Точно Зевс.

Зевс метал молнии, пока только взглядом. Я понимала, что он не привык, чтобы женщины смотрели на него гордо вскинув голову. Такое неповиновение не пройдет даром, читалось в его глазах, но, черт возьми, он оставил меня без одежды, такое не прощается. Джинсы тоже разорвешь, псих ненормальный?

Он снова заговорил с рыжеволосым, хотя и продолжал глядеть на меня. Тот кивнул, осенил всадника какими-то движениями тонких, как спички, рук, и мужчина в плаще направился к обожравшемуся орлу.

Когда он ушел, рыжеволосый пару раз глубоко вздохнул и

выдохнул, словно бы с облегчением и пробормотал что-то, что можно было расценить, как: «А теперь займемся делом».

Он направился к рыдающим девушкам и те сразу пропустили его к телу одной из них. Я с облегчением заметила Тину Тёрнер среди выживших.

Он велел им отойти на приличное расстояние, подозвал Тигра и сказал ему несколько слов на знакомом Тигру языке. Тигр кивнул и отошел в сторону.

Полы его красного халата вдруг затрепетали, хотя ветра не было. Он вскинул обнаженные руки, словно делал разминку перед зарядкой, потом поводил пальцами в воздухе над мертвой девушкой.

И ее тело вспыхнуло.

Вот откуда взялся огонь прошлой ночью. Это он вызвал его. А у Тигра он, видимо, просил разрешение, чтобы сжечь тело.

Девушки запели странную песню, отчасти похожую на ту, про согласные буквы алфавита во время похорон рыбьего пузыря. Я почувствовала на себе взгляд — это Тигр смотрел на меня поверх пламени. Я не могла однозначно объяснить этот взгляд, но в нем не было осуждения или ненависти, слава богу. Мне с лихвой хватало собственного чувства вины. Его кожа была в саже и крови, руки расцарапаны, значит, к тем белым полосам старых шрамов прибавятся новые. Солдаты ненадолго притихли, отдавая дань ритуалу, а потом снова вернулись к работе.

Тело догорело быстро. Ветер с рассветом усилился и скоро разметал пепел и остатки костей по белому песку дороги.

Ни с кем не прощаясь, Тигр развернулся и побрел к берегу, мимо развороченных клювом орла крокодилов. Хищные птицы не обращали на него внимания, у них хватало пищи. Он выполнил задание и уходил один.

Я глядела ему в след. Он не обернулся.

К полудню издали послышался стук копыт. Еще один солдат, очевидно, посланный всадником, привел нам нового вола. У него были широкие, сужающиеся рога, и он гневно скреп копытом песок, пока его впрягали в починенную повозку.

Я поднялась на нее вместе с девушками, рыжеволосый маг занял свое место во главе, один солдат правил волом, два других шли позади.

Пейзаж был до однообразия уныл. Только синева океана, куда ни глянь. Я держалась, но потом сползла вниз, обхватила колени руками и заснула.

Глава 8. Рыбный день

Проснулась я от того, что повозка остановилась. Все тело ныло от неудобной позы. Боже, я мечтала о том, чтобы проснувшись, узнать, что все произошедшее было сном и только. Зря надеялась.

И Тина Тёрнер, и красный маг, и даже фыркающий вол, впряженный в повозку, никуда не делись. Дикарки уже спустились на землю, в кузове оставалась я одна. Покрутив шеей и плечами и зевнув, я тоже стала слезать, но маг остановил меня.

— Ez, — сказал он.

То есть «нет», идти с ними мне нельзя. Я кивнула, а солдаты, тем временем, окружив девушек, повели их вперед.

Солнце, скатившись ниже, ластилось к океану, значит, я проспала, по меньшей мере, около шести часов, а может, и больше, ведь вола нам привели, когда солнце было в зените. Значит, скоро ночь, а у меня сна ни в одном глазу. Ну, блин.

Местность кругом изменилась. Единственная полоса межатлантической трассы привела нас к скалистому острову. На черных узких пиках почти не было растительности, хотя кое-где на возвышенных плато виднелись похожие на поля скудные зеленые пятна. Как только солдаты с девушками немного отдалились, маг велел кучеру править следом. Впряженный бычара захрапел от натуги, хотя повозка опустела и стала значительно легче, чем была еще час назад, солдат посек его и прикрикнул и повозка дернулась с места. Я полетела вперед, не успев ни за что схватиться, и затормозила, только схватившись за спину мага, сидевшего на козлах.

Он с улыбкой сказал что-то вроде: «Осторожнее», а потом указал рукой вдаль и несколько раз повторил одно и тоже слово. Я не поняла. Маг коснулся пальцами своих глаз и рукой обвел местность.

Я поняла, что он говорит мне:

— Смотри. Смотри!

Я послушно стала глядеть по сторонам, пока солнце не исчезло с небосвода и было видно хоть что-то, но скалы казались пустыми и безжизненными. Песок под колесами почернел, то и дело попадались крупные камни, мир стремительно терял синие и белые краски, обретая монохромность. Только черные вулканические горы, и некоторые из них словно оплавились от драконьего дыхания, да так и застыли.

Дорога петляла, и девушек, ушедших вперед, мы слышали, но не видели. Они каждый раз обгоняли нас на целый поворот, хотя

и шли пешком. Мы поднимались по серпантину все выше, и вол с каждым шагом выражал свое недовольство все громче, повозка скрипела все сильнее и натужнее. Дорога сужалась, а пропасть становилась все круче. От нее перехватывало дыхание. Казалось, сильный ветер способен и вовсе подхватить повозку вместе с быком, словно пушинку, и унести в океан.

С высоты я могла теперь разглядеть прямую, словно стрелу, дорогу посреди золотистого из-за заходяшего солнца океана. Темно-зеленые леса на горизонте походили на заснувшие облака.

Внизу многие скалы были затоплены, и даже невысокие волны то тут, то там разбивались о них сотней брызг, а эхо множило и разносило это незатихающей ни на миг пушечной канонадой. Представляю, как жутко здесь во время шторма.

Тропа вильнула в последний раз, и вот показались девушки и их конвой, застывшие перед огромным входом в черную пещеру.

Вот и драконье логово, подумалось мне.

Но из пещеры нам навстречу высыпали люди. Самые рослые из них едва достигали дикаркам до плеч, но в то же время их руки, шея и ноги были шире, крепче. Они с радостью приветствовали девушек.

Еще издали я уловила аппетитные запахи, и голод снова дал о себе знать. Господи, хотя бы здесь меня накормят?

Вол, казалось, собрал все силы и потрусил быстрее. Возможно, эти земли и были его домом. Ведь откуда-то же нам его привели и достаточно быстро.

Когда мы подъехали и остановились, то дикарок было не узнать. На шеях каждой из них было по меньшей мере с десяток ожерельев из ракушек, и низкорослое племя продолжало в танце выносить из пещеры все новые произведения искусства. Тина Тёрнер нагнулась, чтобы ей на шею повесили очередную связку бус. Никто из девушек не улыбался, не танцевал и не разделял всеобщей радости. Они стояли покорно и молча.

Мне тоже попытались надеть бусы. Но маг пресек эту попытку, и молодой парень с пышными усами словно бы ойкнул, кивнул и подскочил со своим даром к Тине. Не сказать что бы мне не хотелось таких же украшений… Но магу видней. Я обещала себе, что буду во всем его слушаться. Мое непослушание уже принесло бед, хватит.

С танцами и песнями горные люди приветствовали и мага. Гордый хозяин подошел к волу и чмокнул его макушку между рог, молодец, мол, справился. Бык не разделил нежности и с мычанием замахал головой, чем насмешил почти всех усатых коротышек.

Вперед вышел дородный, крепкий, с пузом навыкате под

пышной черной бородой и зычно поздоровался с магом. Рядом с ним красный маг выглядел на редкость тщедушно со своим узким бледным лицом и тонкими руками. Одна только рука румяного горного Вождя была равно в обхвате талии мага, но он все равно был ниже ростом, хотя и выше остальных соплеменников.

Вождь громыхнул приветствие, и танцы с плясками потекли обратно в пещеру, освещенную косыми лучами закатного солнца.

* * *

На ужин была рыба. Не то чтобы я не любила рыбу, я до того оголодала, что, помнится, и сырую проглотила с удовольствием, но на ужин была только рыба. Какая угодно рыба. В каком хочешь способе приготовления, но только рыба.

Жареные на рыбьем жире куски филе и приготовленные целиком мелкие рыбешки, размером с мизинец. Несколько вариантов ухи — только из голов для Вождя, только из хвостов и спинок для приближенных, из потрохов для детей за отдельным столом. Просто отварные куски, размером с акулу. Сырые розоватые, обвитые водорослями — почти что суши, только без риса и соевого соуса. Штабеля высушенных до каменной твердости плоских, словно раздавленных слоном, рыб. Всевозможные рыбные копчения, но от них несло так, словно бы это были куски горелого пластика. Чернейшая-чернейшая, даже не знаю, как они довели ее до такого состояния, словно эта рыба побывала в эпицентре извержения вулкана до того, как попала на стол. Горы рыбьих глаз в глубокой миске, предназначенных только для Вождя. Молоки, икра, даже рыбьи щечки и рыбьи мозги и тоже во всех ипостасях — копченые, вареные и жареные.

Запах стоял такой, что не передать. Ели руками. Отмыться потом не представлялось возможным, мы провели там два дня, и после, клянусь, я не могла смотреть на рыбу еще очень и очень долго.

Лишь однажды в последний праздничный вечер, накануне отбытия утром, к столу вынесли плоские, сухие и тверды лепешки из какого-то зерна грубого помола. Каждому предназначалось по одной и только Вождю две. Они были совершенно безвкусными, но с каким удовольствием я сгрызла ее всю, не оставив ни крошки!

Оно и понятно, их соленый каменный остров не обладал иными богатствами, кроме как рыбьими. В сезон они охотились на птиц, которые вили гнезда на скалах. В обычные дни ели скромнее — моллюски, кальмары, мидии, креветки и

всевозможные водоросли, даже соскобленные с прибрежных скал в пору голода. Мисками на столах служили раковины самых разнообразных размеров. Кубки были каменными — в центре черного базальта подходящей формы выдалбливалась середина. Пили они что-то невероятное, настоянное и перебродившее, тоже изготовленное из каких-то даров океана и водорослей. Меня едва не вывернуло от одного лишь запаха. Благо была чистая вода из тонкого горного ручья, и в тот первый вечер, сидя за столом — всего лишь прямоугольным куском породы, украшенным витиеватыми узорами, — я сполна утолила и жажду, и голод.

Девушки, конечно, тоже ели, но они так и не улыбались, хотя большая часть тостов была сказана именно в их честь, что меня очень удивило. Их посадили во главе камня, напротив Вождя, и подносили им блюда сразу после того, как их опробует Вождь. Но им это не доставляло ни радости, ни удовольствия. Я не знала, что нас ждет впереди. Но по их лицам было видно, что ничего хорошего.

* * *

К концу пира в главной пещере стало не продохнуть — по мере того, как пьянел и добрел Вождь, к столу приближались все новые и новые лица. Вождь хмурил кустистые черные брови, но хмель делал свое дело. Вождь милостиво разрешал им подойти к столу. Эти люди словно выходили из стен, они были тут все время, поняла я, с самого начала пира, но лишь молчаливыми свидетелями. Они были бледны и худы, перемазаны грязью и с жадностью набрасывались на остатки маринованных яиц, вонявших так, словно они протухли еще неделю назад. Остальные из горного народца делали вид, словно вовсе не замечали их, из чего я сделала вид, что эти люди были или слугами, или рабами, да и к столу их подпустили точно собак, которым разрешено догрызть косточки.

А после начались танцы. Появились полые кости с отверстиями — прародительницы флейт. Перетянутые кожей деревянные рамы, по которым лупили кулаками, — барабаны. Для моего слуха это не было музыкой, но люди пускались в пляс и четко разделяли одну песню от другой. Какофония звуков сводила меня с ума — пещерное эхо множило громогласные, неритмичные раскаты барабанов, а флейта то и дело срывалась на тонкий пронзительный писк, похожий на игру трехлетнего ребенка со свистком. Но они танцевали, да.

Они водили хоровод, в центре которого жались друг к другу

Тина Тёрнер и другие, увешанные ракушечными ожерельями. Они на полторы-две головы возвышались над толпой, и это походило на вечеринку в честь Хэллоуина, где выбранной темой для костюмов стал древний мир.

Я поняла, что даже в таком шуме и грохоте, все равно клюю носом. Но идти было некуда. Красный маг терпеливо выслушивал вконец опьяневшего Вождя, изредка бросая на меня выразительные взгляды, мол, ты бы слышала, какую ерунду он мне втирает. Наконец, он смог оставить горного Вождя, сразу подошел ко мне и, взяв за руку, повел вдоль каменной стены, избегая столкновения с хороводом, по степени вращения уже близким к скорости света. Боже, если хоть один из них споткнется… Но бешенное вращение впало в исступление, барабаны стучали, не переставая, флейта дудела, как будто ее убивали, а черные вытянутые тени бесновались на стенах и потолке пещеры. Широкие, как блины, лица горняков раскраснелись. Они горланили песни, каждый на свой манер, но никого это не волновало. Костяные ожерелья вторили их танцу, как трещотки.

Некоторые пролетали мимо нас, начинали что-то говорить, но их уносило прочь на полуслове. Даже стены пещеры дрожали от топота сотни босых ног.

Маг указал мне на трещину в стене, которая казалась довольно-таки низким проходом куда-то вглубь. Пришлось сильно нагнуться, чтобы не удариться головой. Видимость внутри была близкой к нулевой. Но маг уверено пошел вперед и повел меня за собой.

Только в этом горном туннеле я поняла, как сильно у меня кружится голова от нехватки кислорода, и каким спертым был воздух в пиршественном зале, где по углам горели несколько костров. Стало холодно, я задрожала. На мне были только джинсы и кое-как завязанная поверх бюстгальтера разорванная рубаха.

Я шла за ним, согнувшись в три погибели, и слышала, как стучат мои зубы. А потом маг остановился перед освещенным изнутри проходом, еще более низким, чем первый. Казалось, в него и вовсе надо заползать, а не заходить. Согнувшись пополам, маг пролез туда первым. Мне оставалось только повторить.

Мы оказались в небольшой, раза в четыре меньше, чем зал для пиров, пещере, но стены ее были очень высокими и своды терялись в темноте.

— У-уху! — не сдержавшись, ухнула я.

Эхо повторило мое уханье раз пять, если не больше, пока не стихло.

Но главное сокровище находилось в центре пещеры — горячий источник. Я с наслаждением вздохнула горячий влажный воздух и с еще большим вожделением поглядела на первобытную ванну. А потом покосилась на мага, ну а дальше-то как, купаться тоже вместе будем? Или зачем он привел меня сюда?

Он занимался тлеющим костром у одной из стен, но вместо того, чтобы приказать ему вспыхнуть ярче, он словно бы «прикрутил» пламя до едва видимых угольков. Романтический полумрак, ну зашибись.

Он сел прямо на пол, скрестив ноги по-турецки, и взглядом велел мне сесть напротив. Я села.

Он указал на костер и назвал его на своем языке. Я повторила, не с первой попытки, но повторила. Затем он повторил то же самое с камнем, веткой и водой в купели. Я повторяла, надеясь, что уроком словесности все и ограничится.

— Эйдер Олар, — сказал он, указав на себя и предоставив мне самой разбираться, где фамилия, а где имя.

Надо же, не прошло и три года, как мы все-таки познакомились!

Мою русскую заковыристую фамилию не каждый португалец мог произнести, что уж говорить, наверное, об первобытном человеке, поэтому я просто сказала:

— Майя.

— Айя?

— Майя.

— Айя, — упрямо отозвался Эйдер Олар.

Ладно, буду Айей.

Следующие полчаса я потратила на выяснение того, как именно мне следует к нему обращаться: только Эйдер, только Олар или надо всегда произносить полное имя. Я брала в пример свою «Айю» и спрашивала: «Айя — Эйдер? Айя — Олар?».

Его узкое лицо исказила мука, а во взгляде явно читалось: «Господи, зачем я с ней только связался, я же никогда не объясню ей все нюансы жестами и парой известных ей слов».

Наконец, в нетерпении тряхнув рыжими волосами, он сказал, оперируя теми несколькими словами, что были мне известны:

— Нет Олар. Эйдер — я. Айя — ты.

— Баи, — отозвалась я.

Эйдер весь аж засветился, услышав, как я говорю на его языке. «Не все еще потеряно», — мелькнуло в его взгляде и он принялся за новую порцию слов.

Я выучила с десяток новых слов, когда окончательно выдохлась. Их язык не был похож ни один известных мне, ни одно

слово нельзя было запомнить ассоциативно или по знакомому звучанию. К тому же была, очевидно, глубокая ночь, я устала, а еще эта горячая ванна рядом, которая так и манила меня.

Эйдер заметил, с какой тоской я поглядываю на горячий источник, и сказал:

— Нет. Огонь, — указал он на тлеющие угли.

Я повторила.

Он сказал:

— Глаза огонь, — то есть «смотри на огонь», а потом произнес: — Асар-а!

Угли вспыхнули, загорелись. Вечер фокусов, дамы и господа, на арене доисторический маг Эйдер Олар. Я похлопала ему. Он оставался серьезным. Даже когда сказал:

— Ты огонь.

Он хочет, чтобы я повторила фокус?

— Асара, — безжизненным тоном повторила я.

— Нет! Асар-а! — повторил Эйдер, ставя ударение на последнее «а».

Как скажешь, настырный фокусник.

— Асар-а, — повторила я.

Он что, ждет, что пламя и меня начнет слушаться? Как бы ему рассказать, что в моем мире магии не существует?

— Ты огонь, — снова повторил он.

Я покачала головой.

— Ты огонь! — повторил он требовательнее.

— Асар-а! — крикнула я в ответ.

Ничего не произошло.

— Огонь! — крикнул Эйдер.

— Да чтоб тебя! Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Я не успела договорить, как огонь, проклятый огонь, который едва теплился на каменном полу, словно от взрыва, взвился вверх. Эйдер отшатнулся, я так вообще отлетела в сторону. В пещере стало светло как днем. Температура поднялась градусов эдак на десять, что в сумме с горячим источником, превратило пещеру в настоящую русскую баню. Пар клубился туманом.

— Баи, Айя, — тихо произнес Эйдер.

Он улыбался.

Глава 9. Сила слова

Зато я не улыбалась. Ни тогда, в тот вечер, когда Эйдер Олар, словно в награду, позволил мне, наконец, погрузиться в горячую ванную, ни после, когда мне принесли новую красивую одежду. Ни тогда, когда мы, пропировав еще сутки, покинули гостеприимных хозяев и отправились дальше.

Выглядел Эйдер озадаченным, он не понимал моих смятения и шока. А я, при всем моем желании и даже обучись я в скорые сроки его языку, не смогла бы объяснить ему всего.

Ведь я никому не рассказывала об этом.

Тот случай я вообще постаралась напрочь стереть из своей памяти, как поступают с самыми ужасными и страшными воспоминаниями, и память, если сильно постараться, идет на уступки и уничтожает такие потрясение, будто их и не было. И ты живешь дальше, сначала только существуешь, но потом входишь во вкус, снова садишься на велосипед, начинаешь тренироваться, хочешь не хочешь, а все равно возвращаешься к жизни, нормальной общепринятой жизни. Строишь планы, как будешь покорять французские трассы, присматриваешь новый велосипед в счет будущих побед.

А когда все уже вроде бы наладилось, падаешь в ученицы к огненному магу. И стихия не отказывает тебе, наоборот, повинуется и обещает служить, так предано, как никому не служила.

И тогда память делает кульбит. И все тайное снова становится явным.

В те последние сутки, что мы провели в пещерах горных людей, я не только сторонилась Эйдера. Я почти не разговаривала. Я держала язык за зубами, напуганная собственными способностями. И особенно тем, что мой дар и раньше давал о себе знать.

Я сразу вспомнила Тигра и его молчание после того, как я приказала ему держать язык за зубами, и как он заговорил, когда после я сама же отменила собственный приказ. Но это было мелочью. Это было действительной мелочью, хотя даже одно только это сотрясало до глубины души.

О, как я желала, чтобы эти мои способности проявились только здесь, на этих дальних берегах, но я знала, что это не так.

Сколько раз в своей жизни я добивалась чего-то, стоило мне сказать нужное слово? Частенько. Я легко уговаривала профессоров простить мне несданный реферат. А однажды на трассе я сказала другому велосипедисту, что он доедет до

финиша и с лопнувшей резиной, ничего, мол, страшного, осталось чуть-чуть, не сдавайся. И он доехал.

Но мне и в голову не пришлось бы, объяснять это магией.

А еще… А еще. Конечно, было кое-что еще, уничтоженное памятью, как нестерпимо постыдное. Но события того дня вспыхнули перед моими глазами так же отчетливо, как трещины в полу пещеры.

Я снова вспомнила, что, покинув кафе, в котором оставались Питер и Хлоя, я проклинала друзей на чем свет стоит. Я желала им и того, и другого, и третьего, а в придачу еще эдакого, если вдруг им покажется мало.

Я была зла. Я крутила педали и из меня сыпались проклятия одно за другим, и вероятно, просто не было иного способа заткнуть меня. Мироздание как бы недвусмысленно намекнуло мне, что пора заткнуться, и тогда мой велосипед, вильнув, угодил в канаву. Но к этому мигу я и без того уже слишком далеко зашла в своих проклятиях.

Конечно, я никому не говорила об этом. Да и кто бы поверил мне? Эйдер Олар поверил бы, окажись он там, но я встретилась с ним гораздо-гораздо позже.

Вот почему я не прыгала от счастья перед столбом огня, а взирала на него с нескрываемым ужасом. Теперь-то уж я знала, что это не удачливость и не красивые глаза позволяли мне добиваться многого раньше. Теперь я знала, на что способна, если произнесу правильные слова. И если настроение у меня будет соответствующим.

Эйдер тоже разозлил меня.

Только однажды в разговоре с психологом я обмолвилась, что виновата в гибели друзей, но он пустился в объяснения того, что так бывает, так случается, и что никто не виноват. Но я-то знала.

А теперь убедилась.

— Айя.

Эйдер унял пламя. Мне казалось, что я не вижу пещеры и его самого из-за внезапного полумрака, но затем он коснулся моих щек, вытирая слезы. Он притянул меня к себе и обнял. Я разрыдалась на его плече, освобождая всю ту боль, которую держала внутри за семью печатями и которую не смогли унять никакие достижения современной фармакологии. Маг водил рукой по моим волосам и что-то тихо шептал на своем, и это было в стократ лучше любого терапевтического сеанса, любых утешений, которые я выслушала от родителей и других знакомых в университете. Мне никто не помог в том мире.

Для этого, вероятно, и нужно было угодить в этот.

* * *

Потом он ушел. Я медленно стянула разорванную всадником рубаху, сняла джинсы и белье, и скользнула в невероятно горячую воду. Я выдохнула от наслаждения и нырнула глубже, окунаясь с головой в горячее блаженство.

Слезы высохли.

В сознании наступила поразительная тишина. Мой собственный, обвиняющий, карающий саму себя голос, наконец, стих. Не знаю, как долго я нежилась в источнике. Я перестала чувствовать вообще что-либо, кроме нескончаемого удовольствия. Вся боль и телесная, и душевная смывалась вместе с грязью. Я не задавалась вопросом, как долго мне тут лежать и что делать дальше, где искать новую одежду, не надевать же старую и грязную, пропахшую крокодилом и черти чем еще. Я просто закрыла глаза, а когда открыла их, то передо мной уже стояли две низкорослых женщины из горного племени, они низко кланялись мне и не встречались со мной взглядом.

Они из слуг или из рабов, поняла я. Тех, кого пригласили к столу позже других.

Одна расстелила на земле мою новую одежду, молча демонстрируя то, как красиво юбка по подолу расшита мелкими раковинами. Это действительно была юбка. Для низкорослых пещерных женщин она была бы где-то до колен, а мне, конечно, выше. Эдакое кожаное платье с мини юбкой. Неплохо.

Вторая занялась моими волосами. Она вымыла их и расчесала костяным гребнем, а после стала плести что-то замысловатое, поминутно вплетая в локоны опять же раковины. Господи, если так и дальше пойдет, то я же при ходьбе греметь буду, как детская погремушка!

Они помогли мне вылезти, протянули мягкую шкуру, которая, очевидно, заменяла полотенце, потом помогли одеться. Знакомых мне застежек или пуговиц на одежде не было, завязки располагались на спине. Платье в целом было похоже на фартук и одевалось примерно так же — спина оставалась голой, не считая завязок, а юбка была с запАхом. Кожа была тонкая и очень мягкая, ракушки не звенели при ходьбе, чего я так опасалась, их очень крепко закрепили.

Позже, спохватившись, я бросилась к джинсам и достала из кармана глиняный черепок. Жестами я объяснила женщинам что мне нужно и это, само собой, заняло прилично времени, но когда одна из них сбегала наверх и вернулась, я поняла, что потраченное на объяснения время того стоило.

Я спрятала черепок в небольшой кожаный мешочек и надела

его на шею. Скорректировала перевязь так, чтобы его не было видно под одеждой. И в целом, осталась довольна своим новым видом.

После они отвели меня через другой проход в стене, в общую женскую спальню, где похрапывали, завернувшись в шкуры на полу, десятки женщин. Мне указали на мою лежанку, я благополучно завернулась в коротковатые шкуры, подтянув ноги к животу, и тут же заснула.

* * *

Женщины проснулись и сразу загудели. С меня сон слетел почти тут же, как только они стали обмениваться грубоватыми резкими словечками. Их не волновало, что некоторые — ну, ладно, только я, — еще спят. Я не сразу поняла, где нахожусь и что происходит. Окон не было, света почти тоже. Лишь в центре пещеры чадила слабым голубым пламенем чем-то наполненная плошка с фитилем.

Мои соседки по спальне продолжали переругиваться. То есть я, конечно, понимала, что они просто желают друг другу доброго утра, но на слух и по интонациям эти беседы воспринимались, как охваченный паникой курятник из-за пробравшегося внутрь хорька.

Я натянула шкуру, которой укрывалась, на голову, но тут же чуть не задохнулась от ее запаха. Уж и не знаю, кем было это животное при жизни, но пахло оно ужасно. Я отшвырнула меховое одеяло в сторону и села на выделенной мне лежанке. Внешний вид мой, должно быть, был красноречив, но местных товарок было не пронять. Они покосились на меня, кто-то из них понизил голос, но одна тут же крикнула, мол, чего вы, она же не говорит по-нашему, и спор на повышенных тонах тут же возобновился.

Решение было принято мгновенно.

Впрочем, какая-то часть меня — наиболее скептически настроенная, — отмахивалась со словами: «Ой, ладно! Всякое может присниться, особенно, если рыбы пережрать накануне». Но спать хотелось очень жутко. Мне казалось, я и часа не проспала. В глаза словно песка насыпали.

Я сфокусировалась на единственной тусклой точке света. Пробормотала вчерашнее заклинание Эйдера Олара, но оно снова не сработало, поэтому снова пробормотала: «Гори, гори ясно».

Из фитиля лежащей на земле плошки выросла огненная елка.

В пещере воцарилась тишина. Все взгляды обратились на

меня. А потом они одномоментно вылетели вон, и я осталась одна.

— Ах, вот ты какая, магия, — сказала я. — Хватит!

Елка исчезла, огонь унялся, снова став похожим на слабое синенькое пламя газовой конфорки.

Я устроилась поудобнее и закрыла глаза.

Глава 10. Лагерь погонщиков слонов

Через сутки мы снова отправились в путь. Но на этот раз дикарки во главе с Тиной Тёрнер, увешанные ракушечными ожерельями, шли позади повозки. В повозку же вместе со мной усадили глубоко беременных горных женщин, чьи выпирающие животы не прикрывала меховая одежда, а у некоторых и налитая, тугая грудь оставалась обнаженной.

Я тоже хотела сойти, но Эйдер Олар усадил меня обратно. Так мы и тронулись.

Повозка снова покатилась в гору по черному песку и дробленым камням, скрипя от натуги и подрагивая. Груди передо мной колыхались, их кожа была обмазана высохшей и потрескавшейся красной глиной.

Я не присутствовала на вчерашнем пиру, только слышала из спальной пещеры, что праздник приобрел новые обороты. Этих беременных женщин я видела еще вчера, в той же спальне, там-то они и обмазывали выпирающие животы друг друга жидкой глиной. Из одежды на них были только ожерелья из раковин, и после, когда приготовления были окончены, они присоединились к пирующим. Я тоже пошла, но маг велел мне оставаться в спальне, и я не сильно сопротивлялась. Я все еще сторонилась его и тогда, и сейчас, словно это он был виноват в моих способностях.

Я зарылась в меха, к запаху которых успела привыкнуть, и снова заснула, но сильные частые стоны вскоре разбудили меня. И доносились они из пиршественного зала. Я воздала хвалу Эйдеру Олару и тому, что на этот раз праздник продолжается без меня. Но крики продолжались, сменялись голоса, но понятное действие не кончалось довольно-таки долго. Пока в спальню не завели одну из беременных.

По ее лбу катился пот, она стискивала зубы, не давая прорваться наружу крику. Ее уложили в углу, засуетились вокруг. Появились другие беременные женщины, и все еще влажная глина на их телах хранила отпечатки рук и пальцев, а ожерелий на них только прибавилось. Так это… они там?… «зажигали»?

Лежащая навзничь заорала не своим голосом, и ей сунули в зубы полоску твердой кожи. Крик превратился в мычание. Столпившихся женщин растолкала сморщенная старуха, зычным голосом, раздавая приказы, и беременную мученицу подхватили под руки и потащили прочь из спальни. Она исторгнула новую порцию криков, но никто не обращал на это внимания.

Я лежала ни жива, ни мертва. Еще час назад я упивалась

своим сказочным необыкновенным даром, хотя и страдала из-за того, каким образом, мне довелось окончательно убедиться в нем. Но теперь жизнь снова поставила меня на место, забыла я что ли, в каком мире оказалась? Забыла об истинном предназначении женщины от первых дней сотворения мира?

Я не могла больше лежать, я подскочила и отправилась на поиски Эйдера Олара, в надежде выбить из него всю правду, куда мы и зачем направляемся. Почему горные туземцы так воспевают дикарок и словно бы поклоняются им? А самое главное, какая в этом всем моя роль? Если еще днем я допускала мысль, что мне предстоит стать волшебницей, обуздать свой дар и вообще повторить путь Гарри Поттера в древнем мире, то теперь, при столкновении с жестокой реальностью, с неприкрытыми мучениями и очевидной дремучестью по части физиологии, все эти «розовые» мечты казались несусветной глупостью. Эти края не были миром антибиотиков, антисептиков и анестезии, но в тот момент я готова была променять или даже отказаться от магии в пользу хоть одного из этих компонентов.

Эйдера Олара я искала с замиранием сердца, боялась, что найду и на его руках следы свежей глины. Но следов не было. Он сидел на земле у входа в пещеру, под темным небом, на котором только зарождалась молодая луна. Перед ним тлел костер и он, судя по виду, молился.

Молитва эта продолжалась долго, пламя в ответ на мысли мага то вздрагивало и стелилось к земле, то, приподнимаясь, освещало его тонкие черты лица и позолотой вспыхивало на рыжих волосах ниже худых плеч.

Я замерзла, пока ждала. И даже успокоилась. Ни в его, ни в моих силах не было хоть что-то изменить из предначертанного. А кроме того, мне нужно было выучить его язык, чтобы озвучить хотя бы один из того множества вопросов, что бередили ум.

Открыв глаза, он не удивился мне. Кивнул и позволил сесть напротив, а после снова принялся за мое обучение. На этот раз оно не касалось стихии, только язык. Новая порция слов и оборотов. Невероятно сложных, алогичных, на первый взгляд. Я вникала, повторяла, забивала голову глаголами и существительными, чтобы вытеснить из нее те животные, первобытные стоны и крики, которые последовали за ними.

Я женщина. В этом все дело. Мне уже повезло, что я родилась в той эпохе, когда многие права женщин были отвоеваны до меня другими, и мне оставалось только наслаждаться привилегиями. Здесь, среди океана и скал, как я догадывалась, прав у женщин было немного. А общее предназначение — короткое и ясное. И оно ужасало.

Конечно, тем вечером я не задала важных вопросов и не получила ни одного ответа, проливающего свет на дальнейшее наше путешествие. Даже если Эйдер и начал бы рассказывать мне о традициях этого мира, я бы не поняла ни слова. Но я была прилежной ученицей. И когда мой учитель устало вскинул руки, словно умоляя остановиться, я только нахмурилась. Я не чувствовала усталости.

На следующее утро той самой беременной женщины в повозке не было. Но четверо других, так и не смывших глины со своих тел, бодро залезли в повозку и, помахав соплеменникам, отправились вместе с нами сначала в гору, а затем по зеленой равнине.

На первом же привале я упросила Эйдера прояснить мне времена глаголов и взялась за конструкцию вопросных предложений. Вопросы свои они строили непривычным мне образом, и я хотела знать, как делать это правильно. Ведь мне нужны были ответы и как можно скорее.

Кое-что я уже начала понимать. Беременность была Даром Матери-Солнца. Солнце огненный маг, разумеется, солнцем-то и не звал. Светило обозначалось таким трудно выговариваемым словом, что я и повторить-то его не смогла. Просто запомнила, что оно означает солнце.

Итак, солнце было матерью и благословляло женщин. Как-то этот Дар был связан с огнем, но как точно я не поняла. Дикарки, следовавшие за повозкой, тоже были Даром для Матери, но они не выглядели беременными, и сомневаюсь, чтобы первобытные люди могли определить беременность раньше, чем она станет очень уж очевидной. Моя роль в этом была еще более непонятна.

Эйдер продолжал настаивать на том, что я — «мастеа», и впервые я стала догадываться, что очень даже ошибалась, переводя это слово, как «женщина». Эйдер однозначно ответил отказом, когда я указала на беременных женщин, значит, они не могли считаться «мастеа», как и неандерталки. Неизвестной «мастеа» из всех была только я. И это пугало. Это звание так же не было связано с огнем и моими способностями, потому что дар повелевать стихией обозначался тем, что я поначалу приняла за фамилию Эйдера — Олар. Он мог быть Эйдер Огненный, хотя сам огонь звался иначе. Это слово я выучила еще в пещере возле горячего источника.

Голова моя пухла, мягко говоря. Неспособная записать хоть что-то, мне все приходилось запоминать на слух и повторять десятки раз одно и то же слово, чтобы четко запомнить чередование звуков. Пару раз на привалах я расчищала землю и, вооружившись палкой, к удивлению мага принималась

записывать его слова в русской транскрипции, чтобы запомнить их хоть как-то.

Мои записи привели Эйдера в неистовство. Он стер их ногой и до самой ночи отказывался снова браться за обучение. И только пообещав, что больше не буду творить подобного, он с хмурым видом согласился продолжить.

Так я осталась даже без таких конспектов.

* * *

По плоским равнинам, мы двигались на запад, строго по направлению к солнцу, изредка держась правее его красного диска. Трава местами на обочине была выше повозки, а протоптанная колея то и дело терялась в зарослях. Упрямый вол и раньше не горел желанием тащить тяжелый груз, теперь же, при виде сочных лугов, и вовсе то и дело останавливался, с самозабвенным хрустом уминая все, до чего мог дотянуться.

Смеркалось. По озадаченным лицам солдат из конвоя было понятно, что становится лагерем посреди этих равнин, им не хотелось. Я видела в небе и на земле птиц, каких-то гигантских, как и всё кругом, травоядных, сбившихся в стада, но ветер доносил чье-то рычание, а значит, страх их был оправдан. Эйдер приказал двигаться дальше. Вол, повинуясь приказу, с неохотой оторвался от сочного пастбища.

Я глядела на босых и притихших дикарок, которые смирено шли позади нас, и думала о том, что Тигр и его соратники почему-то связали их, пока вели к океану, словно там они еще могли сбежать, а здесь — уже нет. Они и не собирались бежать. Они шли, увешанные дарами, едва ли не согнувшись под тяжестью ожерелий и браслетов, и килограммы ракушек словно бы заменяли им кандалы. Я покосилась на прикорнувших будущих мам, снова подумала о том, что только я одна среди них не могу похвастаться никакими украшениями. Даже у Эйдера на шее были три вязанки бус. У меня же — только пришитые к юбке крошечные ракушки. Я с тоской разгладила кожаное платье, как вдруг ощутила на себе тяжелый взгляд Тины Тёрнер.

Она глядела исподлобья, сведя черные брови, и при этом что-то шептала на своем. Их язык даже близко не был схож с языком мага. Но ведь она должна бы понимать, что мне неведома их участь, что я не выбирала своей и если бы могла, то тоже шла бы рядом с ними, а не ехала верхом. В ее взгляде улавливалась жгучая ненависть, но она, впрочем, на все и с самого начала глядела именно так.

Я отвернулась от нее, едва находя в себе силы следить за дорогой. Ежесекундно мне хотелось обернуться и проверить, перестала она пялиться или нет?

Я так увлеклась этой демонстрацией деланного равнодушия, что и не заметила, как стемнело, а затем, как из темноты вдруг откуда-то сбоку раздался трубный оглушающий звук.

Солдаты закричали. Из тьмы на дорогу, подминая под себя заросли травы, выступил мощный, как бульдозер, слон с массивными пожелтевшими бивнями, украшенными плетенными из цветов венками. На головокружительной высоте, позади колышущихся, будто два веера, ушами-локаторами, на слоновьей спине высился треугольный павильон, тоже увитый цветами и освещенный факелами.

У меня отвисла челюсть.

Из травы на обочине, в опасной близости к столпам — слоновьим лапам, вынырнули темнокожие люди, в их руках тоже были факелы.

Они опустились ниц в пыль и траву, сложив руки над головой, перед нашей повозкой, только их предводитель громко приветствовал Эйдера Олара, оставаясь на ногах. Маг спрыгнул наземь и возложил правую руку на голову тощего туземца. На его груди были ожерелья из когтей или зубов хищников, а в руке он держал, очевидно, что-то вроде посоха.

Вдруг слон затрубил изо всех сил. Я едва успела зажать уши. В ответ с окутанной тьмой травяной равнины донеслось высокое хрипловатое рычание.

Вождь озабоченно покачал головой и ударил посохом о землю, возвращаемся, мол, кого надо встретили, а с ночными прогулками пока повременим. Не могу с ним не согласится. Эйдер вернулся в повозку, остальные туземцы тоже поднялись. Земля вздрогнула, слон потоптался на месте, разворачиваясь, и медленно, величаво двинулся вправо от дороги, по которой мы ехали. Павильон на его спине шатался, словно на волнах. Боже, как там, должно быть, укачивает!

Еще несколько раз на равнинах раздавалось задиристое рычание, но так, для проформы. Сегодня хищник явно не был голоден и не собирался нападать. По звукам, похоже, кто-то из кошачьих.

Слон, добравшись первым, остановился, согнул сначала передние лапы, потом задние и тяжело лег наземь… рядом с другими слонами! Это словно была остановка для передвижных домов только не на колесах, а на слонах. На спинах всех слонов крепились павильоны, каждый украшенный по-своему — черепами животных, цветами, даже черепами… неандертальцев.

Нельзя было не узнать эти характерные черепа. Я обернулась и тут же наткнулась на острый, как бритва, взгляд Тины Тёрнер. «Понимаешь? — читалось в ее взгляде исподлобья. — Теперь-то ты понимаешь?!»

Понимала я по-прежнему мало.

Я ведь даже не знала, был ли этот лагерь слоновьих кочевников конечной нашей точкой или нет.

Нас встречали, как и в пещерах так, словно мы привезли долгожданные и радостные вести. Снова звучала барабаны и, в сравнении с пещерной музыкой, в музыке равнин даже мой слух улавливал некий простенький ритм.

Подношения дикаркам тоже повторились. Окаменевшие, они стояли, сжав губы и глядя поверх голов суетящихся вокруг них людей. Они не обращали ни малейшего внимания на дары — на этот раз цветочные венки на головы, плетенные из трав жилетки, пояса из костей. Они позволяли это все надеть на себя, но стояли как отрешенные манекены.

Тем временем, беременным женщинам помогли спуститься с повозки, а мне Эйдер велел оставаться на месте. К беременным тоже потянулась река подношений, но не такая бурная, а подарки подвергались тщательному изучению. Будущие матери пробовали на зуб обработанные до блеска костяные гребни, подбрасывали на ладонях, взвешивая, сверкающие камешки, которые им подносили мужчины. И затем, выбирали того, чей подарок им пришелся по нраву больше или же, вероятно, имел большую стоимость. С этим мужчиной они поднимались по приставленным к слоновьим спинам, словно корабельные трапы, сходням в освещенные павильоны. О дальнейшем было понятно по доносившимся из павильонов сдавленным стонам.

Эйдер Олар, объяснив Вождю и получив разрешение, отвел меня в дальний с краю слоновьего лежбища древесный шатер, стены которого были сплетены из веток и листьев. На земле лежали меха возле пары черных от накипи камней. Свет в лагере обеспечивали факелы и три высоких костра. Эйдер запретил мне разжигать огонь, косноязычно объяснив:

— Глаза огонь нет!

То есть, следи, чтобы никто не видел, как я приказываю огню, понятно. Сам он присоединился к пиру у костров. Одна из беременных вернулась в повозку, она тяжело дышала и кривилась. Остальных все еще не было видно. Молодой мужчина подскочил к ней, поднося в руках очередной дар, мне было не разглядеть, что именно. Женщина из горного клана долго изучала подарок, но потом, морщась, спустилась к юноше. Вместе они снова двинулись к слонам. Я долго глядела им в спины.

Мне принесли еду, и я забилась внутрь шалаша, стараясь больше не смотреть по сторонам. Я все равно не пойму этих обычаев, твердила я самой себе, я все равно не приму и не пойму этих традиций и никогда в них не поверю.

Я принялась за еду. По рукам тек мясной сок — на равнине ели убитых на охоте животных. Мясо было жесткое и полусырое, хотя и горячее, конечно, несоленое и без специй, но после двухдневной рыбьей диеты и того, что сегодня мы ничего не ели, я с аппетитом съела все предложенные мне куски. Вместе с мясом на другом широком листе, формой похожем на лопух, мне принесли безвкусные белые коренья, с виду один в один имбирь, связку кисловатых листьев, вкусом они напомнили мне те травяные веревки, которые я старательно грызла, кажется, целую вечность тому назад в лагере Тигра и Одуванчика, и склизкий кусок расчлененной улитки. Его я не съела. Хотя принесли бы мне только его, может быть, и проглотила бы, не задумываясь. Голод не тетка.

Скрутившись на меховой подстилке, я и сама не заметила, как заснула после еды, а проснулась я резко и с бившимся в ужасе сердце. Костры лагеря горели, но слабо. Ветер шелестел в траве, кругом стояла тишина. И тут кто-то коснулся моего плеча во второй раз.

— Айгонь, — прошептал кто-то. — Айгонь.

Меня рывком выдернули из сна. Мне понадобилось пару секунд, чтобы унять дрожь и вообще сообразить, на каком языке со мной говорят. Это была женщина и говорила она на языке, которому меня обучал Эйдер Олар. Это явно был не ее родной язык, произношение у нее было ужасное, да и знакомо ей, похоже, было одно только слово, которое она и повторяла, — огонь.

Я всмотрелась в скрытые тенями черты лица сидящей передо мной женщины.

Это была Тина Тёрнер. И она плакала. Размазывала по грязным темным щекам слезы и повторяла один и тот же: «Айгонь». Я подумала, что ей нужен свет или пламя, вспомнила, что на земляном полу были камня для очага, но она перехватила мою руку, зажала мне рот своими руками и, похоже, окончательно слетев с катушек, затараторила на своем, глотая слезы.

Я отпрянула, но она напирала на меня, вжимая в древесную наклонную стену тесного шалаша. Кажется, она сбивчиво пересказывала мне то, как она вообще дошла до такой жизни и здесь очутилась. Она ругалась, злилась, ухмылялась и плакала, и при этом, что есть силы, зажимала мне рот рукой, словно вдавливая верхнюю челюсть в глотку.

Ну, и как борются с истерикой у первобытных дам? Если я отвешу ей пощечину, то, что сделает она в ответ и останусь ли я в живых после этого?

Лицо болело невыносимо. Я обхватила обеими руками ее руку, пытаясь оторвать ее от себя, но Тина Тёрнер вдруг и сама отпустила меня. Затрещали костяные и ракушечные украшения — она замахнулась. Я увернулась в последний момент, рухнув на пол. Она вцепилась мне в волосы. И тогда уж я заорала не своим голосом.

Нанизанные на ее руки браслеты, запутались в моих волосах. Она выдирала из моей прически ракушки, вплетенные туда горными парикмахершами, я лупила ногой воздух, попадая в нее в лучшем случае один раз из трех.

Потом древесная стена палатки опрокинулась. Вместо Тины, я угодила ногой по ней. Шатер вздрогнул, пошатнулся и обрушилась на Тину, а та в свою очередь придавила меня. Я выдохнула и не смогла больше вдохнуть.

Кругом мелькали ноги, кто-то орал, а перед моими глазами стремительно темнело. Стену оттащили. Оттащили и Тину, а знакомая белая худая рука Эйдера Олара поставила меня на ноги. Я, наконец, глубоко вздохнула и зашлась в кашле, снова согнувшись в три погибели.

— Эра мастеа джанкойан одоран! — взревел Эйдер Олар.

Погонщики слонов рухнули передо мной на колени. Ненавистная и непонятная мне «мастеа» пронеслась по рядам. Эйдер говорил мне с самого начала, что «я мастеа». Но до этого мига я не помнила, чтобы он говорил о моей причастности к… джанкойан одоран. Именно так Эйден назвал того орлиного всадника.

Господи, какое я имею к нему отношение? Меня что, везут к нему?

Трое уже скрутили Тину Тёрнер, она рычала и кусалась, как дикий зверь. Порванные ожерелья из ракушек хрустели под ее ногами, пока ее связывали. Другие девушки неандерталки, взявшись за руки, со слезами на глазах следили за этой сценой. К ним тоже спешили охранники с копьями.

Погонщики слонов, поднявшись после коленопреклонения, принялись нести к моим ногам подарки. Они оставляли их на земле и, не разгибая спины, пятились назад, иногда даже сталкиваясь друг с другом. Но мне было не до смеха. Они заглаживали свою вину из-за того, что не уследили за Тиной и допустили нападение на меня в их лагере.

Эйдер позволил двум женщинам подойти ко мне и заняться испорченной прической. Другие принесли мне новую одежду

взамен изорванной старой. Я хотела было отказаться, единственное, чего я хотела, это забиться в какой-нибудь угол и умереть там, но взгляд Эйдера был неумолим — я должна выбрать новую одежду. Сейчас же.

Я ткнула наугад. Прямо там, в окружении всего племени, с меня сняли изорванное кожаное платье-фартук и облачили на этот раз в тунику из меха, какие они и сами носили. Закрепили на талии кожаный пояс, расшитый орнаментом из костей.

Тина орала и захлебывалась собственным криком. Она несла наказание где-то на границе лагеря от рук тех троих. Таковы были обычаи.

Вместо петухов на рассвете затрубили слоны.

* * *

Поспать больше не удалось. Впрочем, сна и не было ни в одном глазу. Крики Тёрнер стихли не сразу. Даже когда с наказанием было покончено, она тихо обреченное какое-то время выла.

Из-за меня еще никого и никогда не избивали. Это было новое, странное чувство вины и раскаяния. Обида и злость на Тину прошли достаточно быстро, еще, когда весь лагерь опустился передо мной на колени, вымаливая прощения. Кажется, если бы я знала язык, я могла бы потребовать не только наказания, но и чьей-нибудь смерти. Это читалось во взгляде Эйдера Олара, ему казалось, что одного только избиения было мало. Для чего? Я не знала. Для меня и это было чересчур.

Все раннее туманное утро нас собирали в дорогу. В первую очередь снаряжали слонов — убирали вычурные украшения павильонов, выносили оттуда меховые постилки, на которых женщины гор оплачивали лаской за полученные дары.

Сами беременные выглядели утомленными. Они мало говорили и еще меньше двигались. Они сидели в повозке, уставившись в одну точку. Возможно, сказывалась бессонная ночь. Возможно, что-то еще.

Они покинули лагерь раньше нас. Им было с нами не по пути. Их целью были щедрые мужчины из погонщиков слонов. Повозка медленно катилась по равнине, затянутой низким туманом. Вол впервые бежал на удивление бодро. Он только к утру расправился с горой сочных скошенных трав, наваленных перед ним в огороженных древесными стволами стойлах. Вол покидал равнины сытым, бодрым и оптимистичным. Пожалуй, единственный из всех нас.

Эйдер Олар пылал гневом. Он бросал на меня быстрые, хмурые взгляды и продолжал отрывисто и резко отдавать приказы. Вероятней всего было то, что ему не пришлось по нраву, что я не потребовала ужесточения кары. Он злился на меня и тот доброжелательный мир, который меня породил. Его-то мироустройство было совсем иным. Требовать этого вместо меня он, похоже, не мог, хотя очень хотел.

Вчерашние дары, поднесенные мне погонщиками слонов, остались лежать там же. Я не проявляла к ним никакого интереса, наоборот, старалась всячески держаться от них подальше. Это вызывало недоумение у дарителей, они пытались вкрадчиво обсудить это с огненным магом, что не так, мол, может быть, надо больше, но Эйдер Олар приказал снести их на спину одного слона и на том дело кончилось. Как мне казалось.

Когда слоны были готовы, накормлены и напоены, и готовы к отбытию, в лагере вдруг возник переполох — толпа засуетилась. Вождь принял решение добавить еще даров. Стали преподносить еще меха и шкуры, полосатые и пятнистые, знакомые мне по пещерам костяные флейты. Я стояла возле трапа и мечтала быстрее скрыться от посторонних глаз.

Эйдер недовольно оглядывал дары, хотя некоторые из них были прекрасны, например расшитые широкие кожаные пояса. Они были не в пример красивее вчерашних или того, что надели на меня. Вождь племени беспокойно переводил взгляд с меня на Эйдера и обратно.

Когда поток даров иссяк, Эйдер тяжело вздохнул и приказал мне подниматься. Он сухо попрощался с Вождем и последовал за мной, но окрик остановил нас на половине пути.

Вождь словно бы решился на что-то. Он суетливо отдал новый приказ, и со спины одного из слонов, очевидно, там располагался павильон Вождя, к нашему слону притащили внушительный и тяжелый меховой сверток.

Эйдер Олар просветлел. Спустился обратно, великодушно принял подарок и наконец-то освятил племя и Вождя теми же знаками, что и орлиного всадника. Тяжелый сверток подняли в наш павильон. Им оказался слоновий бивень.

Эйдер поднялся на спину слона с видом победителя, окинул меня гордым взглядом, мол, видишь, сподобились на что-то ценное, а то все несли какой-то ширпотреб. Он все еще чуть-чуть злился на меня, это чувствовалось, но бивень значительно улучшил ему настроение.

Мне, впрочем, было не до подарков и переменчивого настроения огненного мага. Павильон на спине слона казался мне ненадежной и хлипкой конструкцией. Все его части — пол и

низкие борта — были собраны из плетеных жестких циновок, которые были связаны между собой и потому вообще держали форму. Вроде бы. Помещение на деле было узким, хотя снизу казалось более просторным. Большую часть импровизированной комнаты занимали дары, так что свободного места оставалось ровно для того, чтобы, сидя, вытянуть ноги. Дары перевязали лианами, чтобы они не разлетелись по всей равнине. Кожаным ремнем меня тоже обвязали за талию, а сам ремень закрепили за бортик.

От любого движения, даже обычного чиха, павильон так отчаянно скрипел, как будто вот-вот развалится. А что будет, когда слон встанет и пойдет?

Я нервничала так, словно меня запускали в космос без скафандра.

Пол дрогнул. Я схватилась одной рукой за кожаный пояс, второй — вцепилась в мага. Уперлась босыми ногами в передний борт. Услышала тихий смех Эйдера Олара. Ему-то не впервой!

Сбоку затрубили слоны. Наш тоже вздохнул, — и, клянусь, я услышала, как он со свистом набирает полные легкие воздуха, — а потом ответил сородичам.

Боже. От этого рева я заорала в ответ, потянулась было к ушам, но слон пришел в движение, и пришлось снова хвататься хоть за что-нибудь. Эйдер громко рассмеялся.

Пол скрипел, будто разваливался, стонали лианы, которыми перевязали подарки. Застонала и я, когда пол круто наклонился вниз.

— Мамочка, мамочка, м-а-а-амочка-а-а!

Голову резко откинуло назад. Слон, видимо, поднялся на задние ноги и теперь выравнивал передние. Содержимое желудка подступило к горлу. Совершенно некстати вспомнился склизкий кусочек улитки, пусть даже и не съеденный. Рядом хохотал Эйдер Олар.

Слон встрепенулся, похлопал веерообразными ушами по павильону, от чего меня окатило новой волной ужаса, и вызвало новый приступ смеха у мага, и только потом, повинуясь погонщику, который сидел еще выше, на выступе крыши, двинулся вперед. Поначалу медленно.

Мы будто угодили в шторм. Влево-вправо, влево-вправо — весь мир наклонялся то в одну, то в другую сторону. Я запихивала подальше в сознание воспоминания о поедании сырых рыбьих глаз и мозгов Одуванчиком, но они почему-то настырно лезли в голову и ни о чем другом думать было совершенно невозможно. Благо, что желудок был пуст. Хотя еще час назад я думала возмутиться из-за отсутствия завтрака.

Было не до красот вокруг, было не до разговоров, хотя маг пытался провести очередную общеобразовательную лекцию, но наткнувшись на мой ошарашенный взгляд, снова хохотнул, завернулся в меха и тут же заснул. При такой-то качке! При таком-то шуме и грохоте!

Я нашла в себе силы оглянуться по сторонам, когда солнце уже висело высоко в небе. Равнины давно пробудились от ночной спячки. Вопили птицы, огрызались издали на слонов хищники.

Но океана, сколько я не вглядывалась в горизонт, больше видно не было.

Слон увозил меня все дальше, вглубь неведомого мне первобытного континента. Я разжала пальцы и отпустила кожаный ремень. Коснулась мешочка на шее, в котором сохранила глиняный черепок.

Я хотела коснуться его на пляже Спящих Драконов в надежде, что он перенесет меня обратно домой.

А теперь, как мне найти этот пляж? И где окажусь я, когда путешествие наше будет, наконец, окончено?

* * *

А слон не останавливался. Ко всему привыкаешь, и мне тоже пришлось привыкнуть. Даже удалось впихнуть в себя немного вчерашнего мяса. Прожевать его холодным была та еще задача, мне казалось, начни я грызть один из надаренных мне кожаных ремней, и то вкуснее и легче будет. Но к вечеру голод стал нестерпимым.

Солнце, как у него и заведено, опять садилось, но небо этим вечером было невероятно огненного цвета. Оно простиралось во все стороны, насколько хватало глаз, мощное, огромное и неспособное скрыться за высотками и небоскребами. Небо подавляло безграничной властью над этой первозданной землей, где изумрудно-шелковые равнины не знали конца и края.

Лесов по-прежнему не было видно. Можно было решить, что весь день погонщики гоняли слонов по широкому кругу — к вечеру ничего ровным счетом не изменилось в окружающем пейзаже. Я видела черные силуэты неведомых мне животных, и понимала, что всего лишь обман зрения делает их такими крошечными и знакомыми мне. Покрытые множествами рогов головы были вовсе не носороги, а длинные мощные шеи не принадлежали жирафам, ведь следом за шеей из травы вздымались и длинные хвосты.

Короче говоря, сафари по древнему миру нравилось мне

определено больше, чем то, что довелось пережить до этого.

Погонщики решили не останавливаться на ночь. Слоны продолжили ход и во тьме, по цепочке друг за другом. Может быть, они даже держались за хвосты друг друга, кто знает. Мне видно не было, но представлялось это именно так.

Когда ночь стала беспроглядной, погонщик зажег факелы на крыше павильона. Стало чуть светлее. Мне удалось разглядеть выспавшегося огненного мага. Он опирался спиной о бортик и явно ждал разрешения приступить к лингвистике. Он его получил.

Во время этого урока явно проявилась спешка моего учителя. Раньше он позволял мне повторять неизвестное мне слово, сколько угодно раз. Теперь он торопливо переходил к следующему, каждый раз начиная нервничать, когда я упрямо повторяла уже пройденный, по его мнению, материал.

Возможно, это говорило о том, что конечная точка нашего маршрута близко. А может быть, ему просто надоело учить такую тупенькую ученицу, какой была я, если честно. Звезд с небес я не хватала, хотя в обычной жизни, считалось, владела почти четырьмя языками. Но раньше никто не заставлял меня учить иностранный язык на слух. Эйдер не использовал письмо. Запретив мне вести конспекты, он и сам не прибег к этому, хотя мог бы догадаться, что мне очень не хватает учебников. Я могла бы перечитывать их на досуге.

Хотя с досугом в древнем мире, похоже, напряжёнка.

Либо с письменностью у этого языка дела обстояли еще хуже, чем с самим произношением. Мне вспоминались египетские иероглифы. Или языки еще более древних майя, которые и расшифровать-то никто так и не смог, разве что частично.

Уникальный метод обучению древнему языку непосредственным погружением в этот язык. Ура. Если вернусь, сразу запатентую и открою курсы.

Эти мысли сбивали меня с толку, но Эйдер Олар был настроен категорично. И я решила, что пора идти ва-банк.

— Джанкойн одоран, — вдруг сказала я, не сводя с него взгляда.

Он вскинул одну бровь, мол, уверена, что хочешь поговорить об этом?

— Джанкойн одоран, — настойчиво повторила я.

Маг закатил глаза. Рано, мол, не по плечу тебе высшая математика, когда и с арифметикой не в ладах.

Я смотрела на него в упор. Эйдер процедил по слогам:

— Джан-ко-йан.

Ах ты, черт. Дело снова в неправильном произношении.

Ничего он от меня не таит, как мне показалось поначалу.

Я повторила правильно, чтобы умаслить учителя, а потом снова задала волнующие меня вопрос:

— Che a mastea?

Эйдер покачал головой. Все-таки скрывает, гад.

— Che a mastea?

Эйдер облизнул губы, шумно выдохнул и повалил меня на спину. Вот так прямо, да. Я оказалась под ним. Его рыжие волосы спадали мне на лицо.

— Che a mastea? — повторил он.

Потом нагнулся и стал меня целовать. Так же напористо и требовательно, как еще минуту назад добивался от меня правильного произношения. Мне потребовалась секунда. Чтобы вообще понять, что происходит и закончили ли мы на сегодня? Или это часть урока?

А рука Эйдера Олара уже задирала на мне меховую тунику.

— Che a mastea? — услышала я, когда он на мгновение оторвался от меня. — Thera a mastea. Mastea a jankoian odoran.

Последнее он говорил, снова сидя напротив меня. Он поднялся, оправил свой сбившийся красных халат и откинул волосы на спину. Смотрел он на меня при этом самым невозмутительнейшим образом. Как будто… Ну как будто да. Это был всего лишь урок. Крохотный урок того, что мне предстоит впереди.

Я села, подтянув ноги к груди. Его взгляда я избегала. Он тоже молчал какое-то время. Потом заговорил. К сожалению, я улавливала одно слово из четырех, но с учетом только что произошедшего и того пиршества плоти в эти дни в пещерах и в лагере погонщиков слонов, общий смысл мне вдруг стал понятен.

Меня везут, чтобы я стала женой орлиного всадника.

До самого утра Эйдер Олар, как и я, не проронили ни слова.

А на рассвете меня разбудили радостные крики погонщиков. Я поглядела на мага, под его глазами залегли темные круги. Он указал рукой вдаль.

За ночь местность вокруг, наконец, изменилась, стала холмистей, лесистей. На смену травам пришли деревья с необхватными стволами. Я увидела еще одну широкую вытоптанную тропу, чуть поодаль от той, по которой шли слоны. И она тоже была заполнена людьми и волами с тележками. Люди везли дары и беременных женщин. Надвигался большой праздник Дара Матери.

На горизонте темнела высокая гора.

— Candal'Orayo, — тихо сказал Эйдер Олар.

Кто бы ни ждал меня дальше, он ждет меня там.

Глава 11. Золотой город

Примерно через час обе дороги, и та, по которой шагали слоны и не только наши, и та, по которой спешил обычный люд, слились в одну. Проехав еще немного, мы встали и с тех пор практически не двигались.

Доисторическая пробка тянулась в обе стороны. Везде кричали люди, а повозки бесстрашно шныряли между слоновьих лап, рассчитывая выиграть лишние пару метров. Пыталась протиснуться вперед телега с деревянными прутьями, за которыми рычали и скалились саблезубые тигры. Зверолову повезло, поначалу люди перед ним почтительно расступались. Он даже обогнал нас. Но недалеко, тигры ему несильно помогли прошмыгнуть вперед.

Собственно, самого понятия «вперед» больше не существовало. Встали мы намертво.

Поначалу я с опаской выглядывала за бортики павильона. Но шло время, солнце припекало, а скука одолевала все сильнее. Голова слона, а особенно его локаторы вместо ушей, очень мешали обзору. Я все сильнее высовывалась из-за павильона, чтобы рассмотреть то, что ждало нас впереди и куда все стремились. Любопытство взяло вверх над страхом, к тому же кожаный ремень на талии был своего рода гарантией и страховкой, что если я и вывалюсь ненароком, то до земли не долечу. Плетеные бортики не внушали доверия. Они хрустели и прогибались под моей тяжестью, но вроде не складывались пополам, а значит, все-таки держали мой вес.

И вот я высовывалась наполовину из своего павильона, — это я-то, которая и сидеть-то в нем всего сутки назад боялась, и с деловым прищуром изучала, словно вражеские укрепления, горизонт.

Впереди нас совершенно точно ждал город.

По этому поводу у меня даже назрела шутка, мол, стоит только выстроить город и к нему сразу же нельзя будет проехать из-за пробок, но Эйдер Олар не понял бы, да и не смогла бы я объяснить ему всего. Но городские стены и ведущие к ним пробки странным образом успокаивали, словно бы я наконец-то нашла знакомые точки соприкосновения с этими древними людьми, как будто поняла, что какие странные обычаи они бы не практиковали, они все равно очень похожи на нас, их потомков из двадцать первого века. Хотя бы тем, что разделяющие нас тысячелетия так и не научили ни тех, ни других прокладывать адекватные трафику дороги.

Даже издали массивные городские стены внушали суеверный трепет. Невозможно было поверить, что они созданы теми самыми людьми, которые все еще спали в пещерах, гибли от голода и чьей единственной защитой против хищников были заостренные палки. Одного взгляда на эти сверкающие стены, словно целиком вылитые из золота, хватало, чтобы поверить в существование Бога. Или чего-то высшего, недоступного, всемогущего, потому что такой величественный город ну никак не невозможно создать без участия Бога.

Конечно, это было не так, уж я-то знала, что всему виной рабство, миллионные смерти, каторжный труд, еще минуту назад я это знала, пока не вспомнила о том, что рядом со мной едет человек, способный приказать огню охватить песчаную полосу, где и гореть-то нечему. Да и я сама… кое-что умела. Даже в моем времени у меня сохранялись некие способности, которые здесь, возможно, я смогу укрепить и узнать лучше. Но что если… и в постройке этих стен не обошлось без магии? Какой археолог современности мог бы признать такую возможность? Никто не счел бы такую работу научной.

Но что если… Если этот мир был древнее, а его магия сильнее и доступней, и тем, кто жил в этих городах, не требовалось убивать строителей сотнями, чтобы возвести стены и дома? Что если это действительно так?

Разве мне нужно давать ответ сейчас? И что это изменит, признаю я существование магии или буду держаться рациональных суждений? Ничего. Этот мир существовал и без меня, и после меня, если мне суждено погибнуть здесь, он продолжит свой медленный путь к полному исчезновению магии.

Шарлатаны. Фокусники. Сказочные персонажи. А прямые памятники величия человеческого духа, вот они, все еще среди вас, занесенные песками или укрытые лианами. Как молчаливые свидетели угасания наших возможностей.

По сверкающим стенам впереди скользнули широкие тени. Люди издали возглас удивления, кто мог, кому позволяло свободное место, те рухнули на колени, поднимая руки к небу. Кого зажимали повозки или животные, те лишь зашептали молитвы.

Белоснежные гигантские орлы сделали круг над стенами и стали снижаться. Их всадников отсюда, конечно, было не разглядеть.

Но по рядам пронеслось восхищенное:

— Джанкойан одоран… Джанкойан одоран!

Разве могли эти величественные всадники жить где-то в другом месте? В какой-нибудь пещере, как горные низкорослые

люди? Или в плетенных из ветвей шалашах, как погонщики-кочевники? Разве в движениях того единственного всадника, что я видела, не угадывалось нечто царственное?

Кем могли они быть для этого мира? Если не самими Богами, то кем-то приближенными к ним. Это уж точно. И все эти люди вокруг, что сбились на единственной дороге к золотым стенам, приехали сюда, чтобы воздать им хвалу и преподнести жертвы. Осыпать подарками, вымаливая благость. Позже они покинут эти стены, вернутся на равнины, в пещеры, в шатры, чтобы жить на земле с мыслью, что Боги сменили гнев на милость. Что это они посылают им дары природы и животных в их капканы. И будут ли они так уж неправы в своих суждениях?

Мое мировоззрение, как и многих других, кто жил в совершенно иной цивилизации, не считалось с волей Богов. Но я бы посмотрела на граждан планеты Земля, окажись они здесь, вместо этих недалеких дикарей, которые падали ниц при виде белых птиц и всадников на их спинах. Кто из них устоял бы на ногах в таком случае?

Эйдер Олар тоже следил за птицами. Люди на дороге то и дело шептали с придыханием что-то, что можно было принять за имена или звания, но по виду Эйдера казалось, что он составляет в уме какой-то список. Тот есть, этот есть, ага, вот еще один. Огненный маг уж точно знал их всех не только поименно, но, возможно, даже в лицо.

Когда последняя птица исчезла за стенами, дорога мало-помалу стала оживать. Заскрипели телеги. Замычали под ударами хлыстов волы. Заорал и наш погонщик куда-то вниз, очевидно, предупреждая кого-то там внизу, что сейчас слон пойдет и если кого и раздавит, то пеняйте на себя.

Притихшая толпа словно скинула оковы гипноза. Ожила. Зашумела полная праведного возмущения, кому ехать первым, а кто нагло прёт без очереди. Люди такие люди. Даже если из одежды на них одни только бедренные повязки.

Мне уже были известны вопросительные конструкции, я нахмурилась, но и все же задала Эйдеру Олару вопрос:

— Сколько всего джанкойан одоран?

Впервые мы снова вернулись к этой теме с прошлого вечера, когда Эйдеру пришлось наглядно объяснить значение слова «мастеа».

Маг задумался, критично оглядев меня, как делал всегда, когда ему приходилось обращаться к понятиям, которые могли быть мне неизвестны. Затем растопырил все десять пальцев и помахал ими.

Я кивнула. Счет я знала. Значит, их десять. Может быть,

десять родов, а может быть, только десять человек, способных носить звание «джанкойан одоран». Истинное значение этого словосочетания мне до сих было неизвестно. Ошибочно я связала его с понятием «орлиных всадников», но только потому, что оба состояли из двух слов.

Эйдер стал поочередно загибать пальцы правой руки:

— Бат. Бае. Ийру. Лау. Бос.

Счет до пяти. Хорошо. Я повторила и даже запомнила, хотя счет от шести до десяти, который он произвел после, прошел уже мимо меня.

— Айя — та изен. Эйдер — изен.

Имя. Это слово я знала. Я кивнула.

— Батгаррен изен Эйдер, — произнес маг, коснувшись груди.

Одно имя или… первое имя? Я покачала головой. Маг попробовал заново, сначала счет, потом имена, я тоже повторила. Затем он указал в сторону золотых стен, снова упомянул счет и «джанкойан одоран» и выдал сложнейшую для меня фразу:

— Батгаррен джанкойан одоран, бат изен Аталас, — Эйдер загнул большой палец.

Затем:

— Баегаррен джанкойан одоран, бат изен Анкхарат, — Эйдер загнул указательный палец.

И контрольный:

— Ийругаррен джанкойан одоран, бат изен Асгейрр, — средний палец.

И вдруг, неожиданно для самой себя, я поняла его слова. Видимо, сказались дни, проведенные за отчаянной попыткой вникнуть и понять, видимо, я перешагнула тот Рубикон, после которого иностранный язык перестает восприниматься, как абракадабра. А может быть, подействовала близость золотых стен и то, что я поняла, глядя на них.

Так или иначе, я проявила поистине божественную проницательность.

Первый из потомков Бога и первый этого имени Аталас.

Второй из потомков Бога и первый этого имени Анкхарат.

Третий из потомков Бога и первый этого имени Асгейрр.

Всего их было десять, этих потомков Бога на древней земле, которые теперь слетались со всего края за эти золотые стены, чтобы в назначенный час выбрать себе жену.

Я сглотнула и выдавила из себя косноязычное:

— Кто… я жена? — вместо «Чьей женой я стану?»

Эйдер полез за горстью ракушек в карман. Он часто прибегал к ним, чтобы объяснить что-то сложное.

Он расставил десять камешков в одну линию. А горсть

раковин насыпал напротив.

— Десять потоков Бога, — сказал он, указывая на ряд камней. — Жен много, — указал он на россыпь раковин. — Один потомок — одна жена.

Он выдвинул первый камень. Камень подрагивал от шага слона и вибрации павильона, отчего создавалось полное впечатление, будто бы этот камень, олицетворяющий божественного потомка, въедливым покупателем прохаживается сквозь строй женщин. Вжившись в роль, Эйдер даже презрительно кривился, оглядывая каждую раковину то так, то эдак.

Затем потомок выбрал одну из них. Эйдер отодвинул и камень, и раковину вместе в сторону. Следующий потомок стал выбирать жену. И так все десять.

Камни кончились. Ракушки остались.

Меня могут и не выбрать, поняла я. Я могу остаться здесь, среди этих невостребованных раковин.

— Что… жены? — спросила я, заикаясь, подразумевая, что их ждет дальше.

Эйдер молча собирал камни и раковины обратно в карман красного халата.

— Эйдер! Что жены?!

— Жены огонь, — тихо ответил Эйдер Олар, не поднимая глаз.

Глава 12. Вершить предначертанное

Погонщик прикрикнул и слон, остановившись, стал опускаться на живот, поочередно подгибая то передние, то задние лапы. Я отстраненно наблюдала, как пол павильона встал на дыбы передо мной, как огненный маг придержал меня рукой, чтобы я не покатилась вперед и не вывалилась ненароком. Сама я не держалась. Я только глядела вперед на золотые стены, которые то взмывали передо мной, то скрывались за слоновьей головой.

Слова Эйдера Олара оглушили меня. Я была, как человек, который проспал свою остановку и вышел ночью в неизвестном районе, не имея при этом за душой ни гроша. Страх перемежался с растерянностью и нездоровым весельем.

Поначалу мысль, что меня могут выдать замуж насильно за неизвестного мужчину, конечно, веселила. Кажется, я опять смеялась, как тогда, когда меня связывали Одуванчик и Тигр, только теперь Эйдер Олар помогал мне спуститься со спины слона. На мне не было оков, я стояла посреди широкого каменного бульвара, подумать только, даже не на морском берегу. А золотые стены все еще оставались впереди, на пригорке, сверкавшие до одури в лучах заходящего солнца.

Хмурый Эйдер руководил выгрузкой моего приданого. Мимо меня спешили беременные женщины, худые женщины, темнокожие женщины. Их глаза горели, распущенные волосы украшали раковины и цветы, а тела… тела их были обнажены. Я не сразу заметила это. Их тела были густо смазаны той же самой красной глиной, как и тела пещерных девушек. Они как марафонцы в комбинезонах одинакового цвета оббегали меня и устремлялись вперед, босиком по мощеной улице к перекинутому через реку мосту.

Очевидно, слонов не пускали на мост. А может быть, та земля за мостом уже считалась священной и по ней нельзя было передвигаться иначе, чем босиком. Если я выживу, то узнаю нюансы.

Но чтобы рискнуть, нужно раздеться, обмазаться холодной красной жижей и побежать следом за ними, надеясь, что моя красота покорит сердце одного из потомков Бога и он сжалится надо мной.

Надо сказать, я не была высокого мнения о своей внешности. Начать хотя бы с того, что в школе я была на полголовы, а то и на целую голову, выше противоположного пола. Стрелы амура явно до меня не долетали. Это была устоявшаяся шутка в школе, как и другая: «Эй, Майя! Как там на верхотуре, не дует?!»

Только Питер внезапно, за какое-то одно лето, вдруг обогнал меня в росте и превратился в долговязого любителя баскетбола. Он вырос, а я решила, что это знак свыше. А что, все логично.

После в моей жизни, разумеется, были и другие мужчины. Но ни с кем из них не сложилось, хотя уж тогда-то рост точно был не причем. После крушения злополучного самолета, за почти полтора прошедших после трагедии года, я так и не нашла общего языка с представителями сильного пола Азорских островов. И уверилась, что внешность моя средняя и ничем не привлекательная. Никто и не пытался переубедить меня в том, что я красавица. Может быть, окажись, я уверена в себе донельзя, сейчас я бы, гордо расправив плечи, устремилась бы вперед, распихивая локтями других кандидаток. Ворвалась бы первой на смотрины и покорила бы сердце сразу нескольких всадников, заставив их биться насмерть за право обладания меня.

«Crastaa», — сказал тот закутанный в черное всадник, глядя на меня. Его глаза пылали гневом, когда он говорил это. Там и не пахло восхищением или вожделением.

Вот и ответ, почему я, осоловело, гляжу на гору подарков и понимаю всю их тщетность. Один из потомков Бога уже видел меня. Будь я главной героиней какого-нибудь фильма, покоренный моей красотой, он бы унес меня в седле своего орла прямо оттуда, с песчаного пути посреди океана. И мы бы уже жили долго и счастливо, а приглашение на ритуал по выбору новой жены он бы благоразумно произнорировал, не вылезая со мной из постели. Чем плох такой вариант, Мироздание?

Зачем Эйдер Олар возился со мной? Зачем обучал языку и магии? Может быть, каждая женщина, предназначенная в жены, умеет обращаться с огнем? Может быть, это и не редкость в этом мире?

Выживу. И узнаю.

Ревели голодные и уставшие слоны. Мимо все так же проносились красные женщины, а на холме, словно корона, блестели стены божественного города.

Я опустилась на колени.

— Прекрасное далёко, — прошептала я, сложив руки у подбородка, — не будь ко мне жестоко. Не будь ко мне жестоко, прекрасное далёко.

Эйдер Олар уловил в этом шепоте молитву и был поражен, раньше ведь я не молилась. Его так же, как и меня, интересовали чужие ритуалы и обычаи, вот почему он взялся за мое обучение.

Слова песни всплывали в памяти отрывочно, как, возможно, их и не пели никогда, но я и голосом-то не обладала, чтобы вытянуть ее. Ни голоса, ни красоты. Да что ж такое. Мне

оставалось только молиться. Что я и делала.

— Я клянусь, что стану чище и добрее, и в беде не брошу друга никогда. Слышу голос, и спешу на зов скорее по дороге, на которой нет следа. Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко. Пожалуйста…

Он коснулся моего плеча после того, как я помолчала какое-то время. Очевидно, удостоверился, что моя молитва окончена. Я поднялась с колен.

Рядом с ним стояла женщина, тоже облаченная в красный, как у него, халат. Может быть, тоже одна из магов.

— Айя, это Зурия Олар, — представил мне ее Эйдер Олар.

Он подтолкнул меня в спину. Очевидно, это подразумевало, что я должна идти с ней.

Женщина совершенно бесстрастно оглядела меня, как товар на рынке, кивнула и велела идти за ней. Огненный маг остался позади. Как и Тигр, он больше не оборачивался, глядя мне в след.

Я снова была предоставлена сама себе.

А как все хорошо начиналось… Прекрасное далёко, снова взмолилась я, прекрасное далёко, я начинаю путь, видишь? Помоги же мне, помоги!

* * *

Каменный мост был перекинут через быстро бегущую реку.

Я шла по нему следом за Зурией, и думала о том, что между их с Эйдером красными халатами и телами, обмазанными в красной глине, была какая-то связь. Даже вопиющий факт, что неудачливых претенденток сжигали, хорошо укладывался в теорию общего поклонения огню. Волосы Зурии тоже были рыжеватыми, но не такого насыщенного цвета, как у Эйдера Олара. Они, конечно, не были братом и сестрой. Олар — вероятно, было званием или уважительным обращением к кому-то, кто служил огню.

С другой стороны наличие беременных говорило о поклонении материнству, эдакой мифической Матери в лице ее смертных адепток.

Зурия обогнула толпу женщин, идущих по центру моста, и свернула к парапету.

За какие-то сутки я словно опять совершила скачок по времени и из первобытного строя угодила в древний Рим. Белый мраморный мост, украшенный фигурами мужчин и женщин, вырезанных из камня и установленных на равных промежутках на парапетах, поражал воображение. В руках статуи так или иначе

держали факелы, пока еще незажженные.

Зурия Олар свернула вправо, на набережную. Здесь было еще больше женщин, сюда-то они и стремились. Они танцевали вокруг зажженных на мраморных плитах костров. Зуб даю, этим кострам не требовалось топливо.

Били в знакомые мне костяные барабаны, доносились визги костяных флейт. Женщины танцевали и пели, сменяя друг друга у костров. Мужчин я не видела.

Стремительно темнело, и хотя поблизости было множество костров, мне не удавалось на быстром ходу разглядеть по левую руку от меня город, терявшийся в тенях. Сначала я испытала невероятное разочарование из-за этого, но потом взяла себя в руки и сказала себе: «Если я переживу эту ночь, если я останусь в живых на следующее утро, то ничто не удержит меня от экскурсий по этому городу. А сейчас вперед, за этой торопливой худощавой женщиной в красном халате!»

Зурия Олар петляла между костров, разожженных на набережной. Я теряла ее во мраке.

А потом, словно бы по мановению чьей-то руки, вспыхнули сотни городских факелов. Опустившаяся было на город тьма, взорвалась светом, заметались тени танцующих. Казалось, танцует весь город. Били барабаны, грубо и гулко, а другие часто и звонко.

Зурия свернула с набережной налево и стала подниматься, по широкому, запаянному в камень, проспекту. Тени факелов метались от ветра, выхватывали сужающиеся кверху уровни зданий, что делало их похожими на пирамиды. Из-за игры света и тени вырезанные на парапетах лица или маски словно оживали, подмигивали, отворачивались. Дома были огромными, непривычными, дверные проемы были стилизованы под разинутые пасти каких-то зверей. И в то же время издали доносились лошадиное ржание, стук копыт. Иногда люди взрывались криками, а потом снова стихали.

Ипподром? Здесь?

А почему нет? Если у них на берегу спят ящеры, размером с трехэтажный дом, то им нельзя строить стадионы, как это делали древние римляне? Но это ведь точно не Рим?

Я бежала за Зурией, и это мало способствовало осмотру окрестностей. Но очертаниями здания, как ни странно, больше напоминали… храмы майя.

Мы миновали ипподром, потому что испещренные фигурами животных стены остались позади, а впереди нас снова ждал мост. Тоже каменный, но на этот раз… я даже остановилась.

Мост был облицован нефритом. Свет преломлялся в

нефритовых плитах, а те сверкали зелеными искрами, и в темноте ночи, при первом впечатлении, казалось, что мост вылит целиком из зеленного стекла.

Река под мостом была спокойней и уже, чем первая. Возможно, это была одна и та же река, а ее исток находился где-нибудь выше в горах. По ощущениям, мы поднимались выше от той первой набережной.

За мостом Зурия остановилась в ожидании меня. Я опомнилась и побежала вперед.

Она свернула к каменной арке, над ней возвышалась огромная махина дома, рассмотреть который, к сожалению, не удалось. Арка вывела нас в каменный туннель, без окон, эхо отсчитывало шаги Зурии и мои спешащие следом. Вдоль стены с правой стороны по полу вился огненный ручеек. Он-то и освещал проход.

Откуда-то впереди снова донеслись барабаны и женский смех. Зурия свернула влево и вывела меня во внутренний двор, озаренный высоким костром в центре под открытым небом.

Весь двор был заполнен женщинами. С первого взгляда поражало то, насколько они все похожи друг на друга, как будто все они были сестрами. Некоторые еще были одеты, на других уже не было одежды и служительницы огня в красных халатах обмазывали их тела той самой глиной. Ни на одной из них не было ожерелий или браслетов. Никаких украшений. Только их распущенные длинные волосы и голое тело.

Все они были блондинками, как я. И такими же высокими.

Я сглотнула. Быстро перепроверила в воспоминаниях, и действительно оказалось, что за все это время ни одна из встреченных мною женщин не обладала светлыми волосами, ни в пещерах, ни среди аборигенов, ни на стоянке погонщиков слонов. А при встрече со мной на песчаной отмели Эйдер Олар первым делом коснулся моих волос и только затем улыбнулся. Он уже тогда понял.

Мне должно дьявольски повезти, чтобы среди тридцати блондинок фотомодельной внешности хотя бы один из десяти мужчин выбрал именно меня.

Черт.

Кем бы ни были эти потомки Богов, да будут они прокляты!

Зурия Олар подвела меня к огню и принялась снимать с меня одежду.

* * *

Крепкое тело танцовщицы словно выплавили из меди. Налитые обнаженные груди колыхались в медленном ритуальном танце. Я не могла отвести глаз. Не представляю, что чувствуют глядя на нее мужчины.

«Мать трижды благословила ее», — с горем пополам объяснила мне Зурия, пока смешивала глину с водой и красным порошком. Ее не сильно удивило, что я не знала их языка. Она пожала плечами и неопределенно махнула рукой, мол, таких иностранок тут много.

Это наводило на определенные мысли. Например, что девушек со светлыми волосами собирали едва ли не по всему миру ради этого мероприятия. А когда они здесь все закончились, то и пришлось объявлять межвременный поиск. Ведь если неудачливых претенденток сжигают, то не запасешься же на них блондинок.

Зурия аккуратно сняла с меня меховую тунику и пояс, я вцепилась в мешочек на шее, но она настояла. Перед смертью не надышишься, верно? Я сняла мешочек с шеи и положила на гору мехов. Следом отправился и мой бюстгальтер. Зурия, конечно, повертела его в руках, даже подозвала еще одну служительницу огня, но фурора поролоновый лифчик не вызвал. Жаль. Он полетел к остальной куче одежды.

Нижнее белье мне тоже велели снять.

А затем Зурия приступила к подготовке к ритуалу. Прежде всего, она обтерла мое тело смоченным в ароматной воде кусочком меха. Я тут же продрогла. Костер давал жар только одному боку, тем которым я и стояла к нему ближе. Спина нещадно мерзла.

Смыть дорожную пыль было правильным решением, не спорю. Мой запах мог отпугнуть кого угодно и не только будущего мужа. И это еще повезло, что я успела принять ванну в горячем источнике, а если бы нет? Другие поглядывали на эту процедуру с интересом, значит, их самих так не обмывали прелюдно. Возможно, у них было время в запасе и они прибыли в город несколькими днями раньше. И может быть, у них здесь были свои горячие источники.

Зурия сокрушалась над моими царапинами и ссадинами, полученными во время схватки с крокодилами. Она бережно обтирала их водой, сначала на плечах, потом грудь, живот и по бедрам до ступней. Если вас никогда не обмывали в присутствии тридцати других обнаженных танцующих женщин, то глупо даже пытаться объяснить ту гамму чувств, которые успеваешь прочувствовать от начала процедуры до ее окончания.

Скажу только, что когда Зурия, наконец, приступила к

покраске, от моего стыда не осталось и следа.

А еще я глазела по сторонам. Меня немного успокоила тонкая набедренная повязка на девушках. Да, они все-таки не были полностью голыми. Просто повязка эта была из такой же красной, как и краска, кожи и сливалась с телом. Лицо обмазывали тоже. Вот что было странным. Эта маска из глины, можно сказать, всех уравнивала между собой. Оставаться прежней красавицей с истрескавшейся на физиономии глиной задача не из простых. Волосы тоже смазывали чем-то, они создавали впечатление влажных, и делали это, видимо, для того, чтобы они не лезли в краску и не портили покрытия на спине и плечах, а то все старания служительниц огня шли прахом. Тряхнешь кудрями разок в танце и все. Опять тебя закрашивай.

Пронаблюдав достаточно долго, пока Зурия приводила меня в божеский вид, я стала различать, что тип глины на женских телах. Какая-то из них почти не сохла, как у этой грудастой, что полностью завладела центральным костром. Ее краска оставалась словно бы чуть влажной, она поблескивала, придавая ее формам сходство с ожившей медной статуей. У других глина вела себя как глина, их тела аккуратно смачивали полосками влажного меха, но глина все равно подсыхала от движения, ветра и жара костра. И если ты не была красавицей до этого, то уж пятна треснувшей глины на лице тебя лишали любой привлекательности.

Я опустилась на колени к Зурии, перехватила ее взгляд, она в это время все еще возилась с глиной, и указала на пляшущую у костра матерь плодородия.

— Мать трижды благословила ее, — тогда-то и ответила мне Зурия.

Я не сразу разобралась с числительными, потом с тем, что она имела в виду, ей понадобилось изобразить жестами «мать» совсем так же, как это делал Эйдер Олар. А благословление это тот жест, которым Эйдер благославлял и погонщиков после того, как они выдали ему слоновий бивень, и пещерных людей после двухдневного праздника.

Тройное благословление Матери означало… что у нее уже есть трое детей.

Женщина! Что ж тебе дома-то не сидится! Вот почему она танцевала с таким знанием дела, она танцевала и знала, что ей здесь нет равных. А еще все дело в краске.

Я снова завладела вниманием Зурии, ткнула пальцем в краску и сморщилась. Указала на трижды благословленную и снова на краску. Зурия, похоже, попыталась убедить меня, что и эта краска не плоха, но я оттолкнула ее руку, когда она

попыталась начать меня красить.

«Хочу такую же краску! — говорило мое насупленное лицо. — Здесь и сейчас!»

Зурия тяжело вздохнула, как мать, уставшая от капризов ребенка. Я отобрала у нее плошку, склонилась над влажной глиной и провела пальцами, изображая киношные заклинания волшебников.

Брови Зурии поползли вверх. Она смотрела какое-то время, как я колдую над глиной, потом вернула себе плошку назад, распахнула полу халата и из потайного кармана, подшитого с изнаночной стороны, достала небольшой глиняный пузырек. Она разбила его о бортик ступки, как разбивают куриное яйцо, и вылила в кашицу густое масло.

Я улыбнулась ей. В ее взгляде читалось: «Будешь должна».

Зурия перемешала краску и велела мне закрыть глаза. Я повиновалась.

Она начала покрывать меня ею с головы до ног.

Ветер донес до нас топот копыт. Девушки всполошились, я не видела их, но слышала их сдавленные вскрики, понятные во все времена.

Очевидно, гонки на ипподроме кончились. Начиналось самое интересное.

Глава 13. Ритуал

Где-то через четверть часа рядом, за стенами дома, которые окружали внутренний двор, забили барабаны.

Докрашивала меня Зурия в спешке. Девушки суетились, в последний раз увлажняли или подправляли глину, взбивали волосы.

Зурия распустила и мою прическу. Умело и быстро вынула все раковины, вплетенные мне в пещерах, втерла в волосы остатки масла, из-за чего они сделались влажными на вид. Последней она повязала поверх моих бедер красную повязку и, критически оглядев, велела становиться в строй к остальным.

Из-за толстого слоя влажной глины нагота ощущалась не так остро, как если бы меня выпустили в толпу в одной лишь набедренной повязке. Поначалу я прикрывала грудь локонами волос, но заметив, насколько бесстыже остальные выпячивали грудь, отбрасывая волосы на спину, я решила следовать местным традициям. Расправила плечи. Втянула живот. И отбросила волосы.

Давай, прекрасное далёко, я иду.

Барабанщики застучали быстрее.

Служительницы огня запели низкими голосами и колонна тронулась. Мы снова прошли по коридору без окон, освещенного струящимся вдоль стены ручейком огня, и вышли во двор. Над нашими головами улыбался тонкий серп зарождающейся луны.

Положение луны может говорить о моем местоположении на планете, промелькнуло у меня, и похоже, я близко к экватору, ну и что с того, черт подери, если сейчас мне предстоит выйти замуж или сгореть во славу других молодоженов?

На улице стояли барабанщики. Это тоже были женщины. Вероятно, до встречи с мужем девушкам запрещено смотреть на других мужчин.

Ненадолго все стихло и воцарилась тишина. Девушки встали по трое, насколько хватало ширины дороги. Пока я разобралась, кто куда, то заняла свое место в последних рядах. Надеюсь, места не будут влиять на смотрины.

Барабанщицы выстроились с одной стороны, служительницы с другой. Зурия шла где-то во главе.

Снова взлетели деревянные палочки, зародилась новая песня, и строй двинулся вперед по улице. Поверх макушек тех, кто шел впереди меня и по бокам, мне мало что удавалось разглядеть. Только вдали, над крышами зданий, словно звездочка на верхушке новогодней ёлки, горела гигантская жаровня. Пламя

металось на ветру, стелилось и пригибалось, выхватывая из тьмы летающих вокруг него тех самых белых орлов-гигантов. По идее, их там должно быть порядка десяти штук, если я правильно поняла Эйдера Олара и его рассказы о божественных потомках.

Но если орлы здесь, значит, их всадники уже насмотрелись на гонки и готовы к сватовству. Остались только мы.

Рванный, асинхронный барабанный ритм сводил с ума. От ароматических масел, добавленных в глину и которыми были смазаны мои волосы, кружилась голова. Каждая из девушек выбрала свой неповторимый запах, я шла практически последняя и дышала одним только приторным шлейфом.

Орлы перекрикивали даже барабаны. И я не сразу поняла, что птицы летали там не просто так, не красоты ради. Для них было сотворено собственное пиршество — охота.

Они налетали на что-то во тьме, спорили друг с другом и дрались из-за подхваченных в воздухе жертв. Все это явно было организовано, чтобы этой ночью не только наездник показал себя, но и его птица проявила себя лучше других.

А нас не заставят делать что-то подобное?…

Я шла нагая по улицам древнего города под песни настоящих магов, а над головами кричали птицы, верхом на одной из которой, возможно, летает мой будущий муж.

Если мне повезет, и я вообще дойду живой до места встречи. Если не задохнусь по дороге.

Казалось, упади случайная искра с установленных на домах факелов, и наш конвой вспыхнет, как пучок соломы, до того некоторые были обмазаны маслом с головы до ног. На мраморе позади нас оставались множество отпечатков босых ног, черных в свете факелов.

Мы вынырнули, наконец, из тисков улицы. Похожие на пирамиды дома остались позади. Подул ветер, и я с наслаждением вдохнула свежего воздуха. Шаги впереди идущих ускорились. От ветра глина сохла быстрее, поняла я, девушки торопились. Нельзя было потерять товарный вид.

Все побежали. Я тоже.

Марафон нудисток устремился по широкой, нескончаемой лестнице, которая тянулась вверх и вверх. Ступеням не было конца. Барабанщицы не отставали и, не замедляя ритма, бежали вровень. Пение задыхалось, но взмывало снова и снова, раз за разом покоряя все более высокие ноты. Красные халаты волшебниц развевались.

Кто-то не выдерживал. Моя соседка споткнулась и едва не потянула меня за собой. Ее пальцы скользнули по моему телу, но только размазали глину. Она сбила с ног ту, что бежала позади

нее. Только третья увернула в сторону и побежала дальше, занимая освободившееся место.

Я заметила это мельком, оборачиваться было опасно. Впереди постоянно возникало какое-то препятствие. Нужно быть начеку, если хочешь добежать до вершины.

Наши ряды поредели. За лестничными балясинами внизу темнела лента реки. Снова река. Она опоясывала город, извиваясь змеей меж улиц.

Эта лестница была еще одним мостом? Куда она вела и почему была такой бесконечной?

Меньше недели назад моя жизнь состояла из тренировок пять раз в неделю. Пусть я во многом отстаю от местных: в лепке из глины, в танцах у костра, в красоте, — но уж в выносливости и скорости я дам им прикурить.

Никто не объявлял мне правил, никто не предупреждал меня, можно ли так делать или нет, но я, вдохнула поглубже, и пошла на обгон той, что бежала впереди меня. Надоело тянуться в хвосте! Что-что, а бегать я умею! Пожалуй, это единственное полезное умение, которое я вынесла из двадцать первого века. Не самое лучшее, а поди ж ты, пригодилось!

Я обогнала первую соседку, затем вторую и взяла курс на Зурию. Служительницы огня радостно загалдели, видя мои маневры. Они подбадривали меня. Значит, я все ничего не нарушила, слава Богу, и меня не скинут с лестницы в реку в качестве наказания за самоуправство.

Зурия дышала тяжело. Ее лоб покрывала испарина. Ее глаза округлились, когда она заметила, что я бегу теперь рядом с ней, но ей не хватало дыхания, чтобы сказать хоть слово. Она показала глазами, беги, мол, дальше, вперед, если можешь, не держись меня.

Я побежала.

Мои силы тоже кончались, по правде сказать. Вся моя еда сегодня это холодное куски зажаренной подошвы, которую я с трудом прожевала, сидя на спине слона. Но обида гнала меня вперед. Эти, птичьи командиры, поди, не карабкались на гору пешком, их туда орлы доставили в наилучшем виде! Даже вспотеть не успели.

Трижды благословленная бежала во главе. Ну конечно. Где же еще ей бежать. Внушительный бюст так же внушительно бился при беге, но, кажется, это не доставляло никаких неудобств его обладательнице.

Она услышала крики служительниц огня. Те как будто болели за меня. По крайней мере, мне хотелось в это верить. Заметив, что я хочу потеснить ее, благословленная припустила

так, что пятки засверкали.

Кстати, сверкали они взаправду. Только пятки оставались не закрашенными, ее красное тело слилось с тенями.

Только тогда я вдруг поняла, что огонь факелов больше не освещает дорогу. Это за счет лунного сияния белые мраморные ступени источают бледное свечение. Другого света не было.

И я поняла еще, за миг до того, как стало слишком поздно, что тьма это неспроста.

Лестница совершенно внезапно кончилась. Я резко затормозила. Это была круглая площадка из белого мрамора, но ее края подозрительно тонули во тьме. Я слышала торопливые шаги — это остальные участницы. Только они и ступили в этот круг. Ни барабанщицы, ни соратницы Зурии не показывались.

Я нашла взглядом трижды благословленную, в надежде, что раз уж она, как минимум, дважды прошла этот путь, то должна знать, что тут и как.

Я ошиблась.

Сильный поток воды сбил ее первой. Затем других, кто оказался рядом. Вода хлестала из тьмы, как выпущенный на волю водопад. И она не знала преград. У этой круглой площадки не было бортов.

Трижды благословленную и нескольких других вода понесла следом за собой. И обрушилась вместе с ними с головокружительной высоты куда-то вниз. Они не успели даже крикнуть.

Вода исчезла так же внезапно, как и появилась. Несколько секунд, и вот только мокрый мрамор и лужи напоминали об убийственной стихии.

Воцарилась тишина. Выжившие девушки даже дохнуть лишний раз боялись. Я вслушивалась так же напряженно, как и они.

Но даже пусть я и различила приближающийся гул, не знаю, что бы я смогла предпринять, окажись я в том месте, куда угодил огненный шар. Он обрушился с неба ярким метеором и разлетелся каплями обжигающей лавы. Именно капли посекли стоящих ближе к нему девушек. У кого-то вспыхнули волосы. Кто-то покатился по оставшимся после воды лужам. Я пригнулась. Но Мироздание было ко мне благосклонным. Со времени испытания водой я не сдвинулась с места, а огонь ударил почти туда же. Может, так было задумано. Ведь не желали же они убить всех нас… Так мне казалось, по крайней мере.

Площадку затянуло дымом. Пахло гарью. Я услышала новый гул.

Не знаю, что руководило мной в тот момент больше — месть,

злость, страх или обида? Да и какая, по сути, разница. Я сделала так, как посчитала нужным. Позволить уничтожать девушек ради развлечения, я не могла. Ведь я знала, что могу помешать этому.

Огненный шар, размером примерно с перезрелый арбуз, появился действительно из ни откуда. Просто материализовался на секунду в воздухе над центром площадки, готовый сорваться и рухнуть в непредсказуемое на этот раз место.

Девушки закричали.

Я тоже:

— На месте ЗАМРИ! — проорала я огненному шару.

Я даже вытянула руку, как заштатный экстрасенс. Не знаю, зачем я это сделала. Главное, что это помогло.

Шар подрагивал, но оставался на месте. Он походил на солнце в миниатюре, вокруг него разливался жар и ослепляющий свет.

Девушки отшатнулись от меня так же оперативно, как еще минуту назад прятались от огня. А я направила вытянутую руку вправо и вверх, доверившись внутреннему чутью, раз больше нечему было, и прокричала:

— Хотите поиграть, джанкойан одоран? Так я готова!

* * *

Это слова стали последними для меня.

Заговори я с ними на нуатле, их родном языке, все закончилось бы только хуже — для человека без роду, без племени, как я, неуважительное обращение к сыновьям Бога заканчивалось смертью.

Но в гневе я всегда переходила на русский. Даже много лет спустя. И это не раз спасало мне жизнь, потому что была я, мягко говоря, человеком несдержанным, а традиции и ритуалы, подчас необоснованно жестокие, частенько выводили меня из себя.

В ту ночь Ритуала Матери я в очередной раз поплатилась за свою несдержанность. В очередной и далеко не в последний раз. Мне все еще предстояло научиться держать язык за зубами. И сдерживать свой гнев.

А еще в ночь Ритуала Матери я впервые испытала на себе наказание молчанием.

Оглядываясь назад, я понимаю, что не стоило играть со зрителями в огненный волейбол. Нападение такой неумёхи, как я, в принципе, легко было отразить. По сути, это был бессмысленный, хоть и эффектный жест.

Прими я иное решение, отошли я метеор в пропасть, с

которой обрушились потоки воды вместе с погибшими девушками, голос остался бы при мне.

А я показала бы всю свою силу позже, гораздо позже после испытаний на арене.

Однако в тот миг, той ночью, после утомительного бега, я только и думала о том, чтобы отомстить тем десяти мужчинам, ради которых девушки расплачивались жизнью. Высокородные потомки, скорей всего, находились где-то здесь, скрытых такой же магической, как и огонь, тьмой, которая не понравилась мне с самого начала.

И если водная стихия вышвырнула девушек с мраморного диска по правую руку от меня, значит, трибуны будут точно напротив.

От напряжения по спине катились капли пота. Исходящий от метеора жар превратил мою кожу в истрескавшуюся пустыню, несмотря на использованное масло. Не самое привлекательное, должно быть, зрелище. Не стать мне ничьей женой сегодня. Особенно после того, что я задумала сделать.

Так чего тянуть?

Пылающий арбуз целиком завладел моим вниманием. По ощущениям, кто-то невидимый выкручивал мне руку в спарринге по армрестлингу — это огненная стихия сопротивлялась моим желаниям. Раскаленный воздух обжигал носоглотку. Не разжимая стиснутой от напряжения челюсти, я процедила приказ:

— Фас!

И, словно ракеткой, ударила воздух ладонью.

Огненный шар полетел во тьму.

Лучше бы я обматерила их до десятого колена. Они все равно не знали русского, но чудодейственное применение мата помогло бы мне хоть как-то сбросить скопившееся напряжение, и, может быть, огненный шар не полетел бы в трибуну, а я сохранила бы голос и спасла бы невинные жизни.

Нет, я никого не убила из зрителей. Мне не хватило бы сил противостоять всем высокопоставленным жрецам и жрицам огня, которые, прячась в тенях, следили за Испытаниями огнем и водой.

Этими Испытаниями Боги выражали свое благоволение женщинам, действительно достойным стать женами потомков Богов. А то как выбрать действительно достойную среди трех десятков? На первый взгляд все хороши. Правильно! Ударим по ним водой и огнем и те, которые выживут, сразу понятно, что они-то и выбраны Богами в жены своим потомкам.

Так что, отправляя огненный шар обратно, я, ни много ни мало, вмешалась в божественное волеизъявление.

Тот факт, что огненные жрецы вообще допустили, чтобы я обрела власть над стихией, легко объясняется — в этом мире путь к сердцу мужчины лежал через убийство. Одними борщами было не обойтись. Глядя на меня, зрители не испугались. Многие решили, что так я решила расправиться с конкурентками. Убийства не возбранялись и, конечно, даже приветствовались.

До меня никто не пытался атаковать избранных Высокородных, ради которых и затевался весь этот праздник. Вот почему огненная комета была перехвачена слишком поздно и едва не настигла зрителей.

Огонь разлетелся фейерверком. Искусственная тьма тут же рассеялась.

Я увидела множество людей — в красных или белых халатах, даже полуобнаженных. Среди них были женщины, это я тоже заметила. Люди с криками повскакали с каменных трибун. Над ними, на каменной стене, в широкой жаровне горело пламя, ни дать ни взять, олимпийский огонь. Та самая, которая виднелась мне неимоверно высокой и далекой. Значит, мы достигли ее, пока побежали по лестнице и, значит, лестница не случайно показалась мне неимоверно длинной.

На парапетах каменных стен по обе стороны от жаровни смиренно сидели десять белых орлов.

Жрецы спешно тушили разлетевшиеся искры. На все про все ушло порядка десяти секунд. Пострадавших, кажется, не было. Но никто не садился обратно на свои места.

Все они смотрели на меня.

Седой мужчина в белом, подпоясанный синей лентой и с замысловатыми ожерельями на груди, медленно стал сходить по ступеням вниз. Он остановился внизу трибуны, не сводя с меня глаз, и переплел унизанные перстнями пальцы рук.

Ни дать, ни взять, директор школы собирается отчитать первоклашку за разбитое на перемене окно.

Директор кашлянул. Сочувственно развел руками и обратился ко мне, невообразимо растягивая гласные. Его акцент лишал меня всякой возможности понять сказанное.

Когда он замолчал, я попыталась объяснить, что не понимаю его, но изо рта вырвался один только хрип. Я схватилась за горло.

Мне сохранили жизнь, но отобрали голос.

Директор продолжал говорить, витиевато строя свои фразы, отчего я вычленяла только простейшие слова, но никак не улавливала общего смысла.

Из-за его акцента и особенностей произношения я различила только повторяемое слово «Кто».

Не трудно было догадаться, над чем он так сокрушался.

«Кто привел ее сюда?»

А потом сверху трибун донесся твердый резкий голос. Все зрители обернулись к нему. Мужчина поднялся и стал спускаться вниз.

Тот самый всадник, встреченный на дороге посреди океана.

На нем больше не было черного плаща, скрывавшего его с ног до головы. Он был полуобнажен, на нем тоже была только золотая набедренная повязка, но в то же время не меньше дюжины сверкающих ожерелий на груди, широкие браслеты на кистях рук и даже на предплечьях. Золотистые волосы были собраны в хвост на затылке.

Другие джанкойан одоран оставались на своих местах, похожие на него и друг на друга, словно дети от одной матери. В отблесках факелов и жаровни их драгоценности переливались всеми цветами радуги. Я стояла слишком далеко от них, чтобы разглядеть лучше их лица, но что-то мне подсказывало, что ни один из них не проявляет ко мне излишний интерес.

При виде всадника седовласый директор произнес:

— Ийругаррен джанкойан одоран, бат изен Асгейрр.

Так, третий потомок, но первый этого имени, Асгейрр, спешно перевела я в уме.

Асгейрр спустился вниз и раскатистым басом провозгласил то, от чего сердце у меня рухнуло в пятки:

— Эйдер Олар!..

Красные халаты на трибунах зашевелились, но только один из служителей огня поднялся на ноги и стал спускаться вниз, и его несложно было узнать по отличительному признаку.

У одежды Эйдера Олара не было рукавов.

Даже у Зурии халат был с рукавами, запоздало поняла я, она старательно закатывала их до локтя, чтобы не запачкать в краске. У всех служителей, в белых или красных одеждах, рукава были на месте.

Только Эйдер Олар был лишен их.

Эйдер не поднимал глаз. Даже, когда поравнялся с третьим божественным потомком Асгейрром. Седой директор задал ему короткий вопрос, Эйдер тихо ответил:

— Да.

Одним движением седой сорвал с шеи Эйдера Олара три нитки бус. Раковины посыпались на пол. Эйдер не дрогнул. Только костяшки его стиснутых пальцев побелели. Он держал руки сжатыми, перед собой, словно…

Неуловимо быстро Эйдер поднял глаза. Встретился со мной взглядом. И улыбнулся, указывая взглядом на свою правую ладонь.

Он на миг раскрыл ее, показывая мне то, что он бережно хранил в своих руках.

Мой глиняный осколок. Я оставила его в кожаном мешочке вместе со своими вещами. Эйдер забрал его. И теперь его глаза светились неподдельным счастьем, словно у человека осуществились все мечты скопом.

Почему?

Он спешно опустил глаза. Не время и не место для такого счастливого вида. Он напустил на себя покорный вид, ссутулил плечи и выслушал еще несколько поучительных фраз от седого директора, замотанного в белую простыню.

Эйдер Олар подошел к другим красным жрецам.

Это все? На этом его наказание закончено? Можно выдыхать?

Директор ударил в ладони.

Девушки, про которых я забыла напрочь, мои оставшиеся в живых конкурентки, подхватили меня за руки и закружили в хороводе.

Да вы с ума сошли, танцевать?! Сейчас? И в таком виде?

Они и сами выглядели не лучше, но продолжали вести хоровод. Праздник продолжался. Я извернулась, силясь разглядеть Эйдера Олара, но не нашла его среди других красных жрецов. Те, что носили белые одежды, сбились в другую группу. Это они насылали воду, поняла я, строгое разделение обязанностей.

Выстроились барабанщицы, которые вели нас по улицам, влились во взятый хороводом ритм. Заскрипели костяные дудочки. Огласили ночь оглушительным криком белые орлы.

По ступеням с самого верха стали спускаться девять оставшихся джанкойан одоран.

Глава 14. Ах, наша свадьба, пела и плясала…

Хоровод разбился на мелкие группы. Меня оставили одну и в самом центре. Но я не танцевала. Чертова глина высохла, и каждое движение отзывалось болью.

Остальные танцевали, превозмогая эту боль. Скорей всего, у этого преодоления боли тоже имелся свой ритуальный смысл, но мне было не до того.

Я все еще не могла говорить.

Музыка, ну или по крайней мере то, что они принимали здесь за музыку, становилась все громче. Страх проникал под кожу, добирался ледяными тисками до сердца. Когда хоровод вышвырнул меня в центр арены, оставив одну, мой ужас настиг такого пика, что, казалось, меня сейчас вырвет от страха.

Я согнулась пополам, но вместо этого заорала изо всех, какие у меня только оставались, во всю мощь разработанных спортом легких.

Ни звука.

Я не издала ни звука.

Мои ноги подкосились. Это как, насовсем? Или, как у Русалочки, все пройдет, если в ближайшие три дня меня поцелует влюбленный принц?

А если насовсем?…

А что такое «насовсем» этим вечером? Только дождаться, когда выбор будет сделан. А затем костер, на котором я даже не смогу орать.

Кто-то коснулся моего плеча.

Я подняла глаза. Надо мной стояла Зурия и она протягивала мне глиняную чашу. Я осушила ее залпом.

Жидкость по вкусу напоминала холодный суп-пюре со шпинатом. Первая еда за эти дни с более-менее привычным вкусом. Я вернула ей пустую чашу и попыталась объяснить жестами, что хочу еще.

Жестами. От осознания того, что теперь я могу изъясняться так до конца жизни, едва не навернулись на глазах слезы. Но я взяла себя в руки. Частично.

Зурия забрала пустую тару и покачала головой. Больше, мол, не положено. И ушла, оставив меня одну, в центре беснующихся в хороводе девушек. Им тоже подносили еду, такие же чаши, выпивая свою порцию, они снова принимались за танцы.

Я по-прежнему сидела на полу. Сил подняться не было.

Апатия достигла невероятных размеров.

Через мельтешение танцующих я рывками, как смена кадров в старом кино, видела джанкойан одоран. Им подносили еду в блестящих широких чашах, в боках которых сверкали драгоценные камни. Они пили и глядели на девушек.

Я в наглую рассматривала их, ведь сидела ниже уровня их глаз. А в каждом из них… Ну, в них было от двух метров и выше. Баскетбольная команда, как на подбор.

Они отличались друг от друга. Кто-то, особенно более щуплый паренек, сразу видно, моложе остальных, глядел на девушек с азартным вожделением. Он слегка двигался в такт с музыкой, и если бы не приличия ритуала, он точно устремился бы на танцпол первым.

Всадник, третий потомок Асгейрр, который выдал с потрохами Эйдера Олара стояла в окружении двух других потомков. Они были немногим старше тех, что сбились вокруг щуплого любвеобильного паренька. Отчего-то сразу становилось понятным, что это не первое их сватовство. Они не реагировали и не хохотали, когда одной из девушке удавалось наиболее залихватски изобразить какое-то движение.

Вдруг я перехватила взгляд одного из них.

Он стоял справа от Асгейрра, высокий, ему пришлось чуть нагнуться, чтобы разглядеть меня на полу за лесом танцующих. Он пригубил чашу с прищуром, не сводя с меня глаз.

А я? Ну а что делают девушки, когда на них смотрит парень?

Тут же отвернулась, конечно. Подождала пару секунд и тут же из-за плеча, как бы исподтишка, сама стала наблюдать за ним.

Он молча выслушивал то, что ему говорил Асгейрр. Похоже, от чертового всадника не ускользнул тот факт, что меня заметили, и теперь он в красках объяснял, кто я такая и при каких обстоятельствах он меня повстречал.

Черт. Черт. Черт.

Ну, кого я обманываю? Неужели я рассчитываю пережить эту ночь? Я мало того, что сижу на полу, сгорбившись, вся перемазанная высохшей грязью, так я еще и немая с этой минуты.

Я с кряхтением поднялась. Пол под ногами качнулся. Это что-то новенькое.

В глазах двоилось, и танцовщиц теперь было в два раза больше. Опа, а супчик-то был не со шпинатом.

Я сделала пару шагов, но меня качало так, что я остановилась вцепившись во что-то, что вдруг стало мне опорой. Это была чья-то рука. Твердая, как камень. Я подняла глаза. Уставилась на ожерелья на обнаженной мужской груди.

Глаза пришлось поднять еще чуть выше. Там была светлая,

чуть рыжеватая борода. Где же у тебя глаза?

Глаза оказались еще выше. Со мной такого еще не случалось — мне пришлось запрокинуть голову. Вот это рост!

Глаза у мужчины были интересные — настолько светло-карие, что казались почти желтого, янтарного цвета. Правильный ровный нос, светлые нахмуренные брови и темно-русые волосы, обхваченные ремешком на затылке. Но я не видела его целиком, сколько ни смотрела. Мой взгляд тут же терял фокус, стоило ему остановиться на чем-то. Если я видела глаза, то не видела остального лица. Если переводила взгляд на брови, то теперь больше ничего не существовало, кроме них. Даже немного жаль. Там явно было на что посмотреть, но супчик со шпинатом делал свое дело.

Я не понимала, это мы танцуем или меня просто шатает? Попыталась танцевать, но сделалось только хуже. Факелы разгорелись с невообразимой яркостью, я невероятно четко видела его лицо, каждую волосинку в бороде и усах над верхней губой. Каждую складку возле уголков глаз, когда он улыбался.

А он улыбался.

Понятия не имею, почему. А мне очень хотелось знать, чем я рассмешила его, потому что его хотелось смешить, хотелось с ним говорить, ну и всякое тоже хотелось.

Кажется, он говорил что-то, я не слышала. Кажется, даже я что-то отвечала и в этот миг у меня был голос, хотя его совершенно точно не было, но он звучал в моей голове и этого было достаточно.

Встретить мечту своей жизни и не быть способной сказать ему об этом? Спасибо, Мироздание, ты все еще умеешь удивлять меня.

Потом он подхватил меня на руки. Прижал к себе. И мир, кажется, прекратил свое бешенное вращение. Хоть немного. Хотя перед глазами все так же вращалось, хотя я и закрыла их.

Он коснулся моего лица, и я снова открыла глаза. Он протягивал мне свою тяжелую, украшенную камнями чашу. Я поняла, что испытываю невероятную жажду и с жадностью отпила… простую воду.

В голове тут же прояснилось. Удивительно как скоро. Как будто эта вода сняла какое-то заклинание.

Мужчина спросил меня о чем-то. Он поддерживал меня за талию, я почувствовала его руку и то, что сама прижимаюсь к нему едва ли не всем телом. Я сделала шаг в сторону.

Он рассмеялся.

Похоже, он спрашивал, в порядке ли я, и теперь понял, что понемногу я прихожу в себя, раз больше не прижимаюсь к нему.

Господи. Меня что, выбрали? Меня действительно выбрали?

Мы стояли у трибун. Арена пустовала, но недолго. На смену танцующим девушкам пришли служители огня.

Девушки стояли поодаль, рядом с другими джанкойан одоран. А те, кого не выбрали, стояли живые-здоровые с другой стороны арены. Они не выглядели опечаленными или испуганными и уж по их лицам точно нельзя было сказать, что они вот так, со спокойствием пассажиров, ожидающих автобус, коротают минуты до костра, котором их и сожгут.

Может быть, я неправильно поняла Эйдера Олара? Может быть, есть вероятность, что я ошиблась?

Но тогда почему жрецы берутся за руки, зачем они вообще здесь?

Небо светлело, целая ночь прошла почти незаметно для меня. Я снова покосилась на мужчину рядом с собой. Как током, меня ударило осознание, что я стою рядом с ним в одной только набедренной повязке.

Аккуратно, стараясь двигаться куда как более незаметно, я прикрылась распущенными волосами. И тогда же, опустив взгляд, чтобы убедиться, что волосы прикрыли грудь, я поняла, что и он сам стоит рядом со мной в такой же набедренной повязке, только куда более богатой на вид, чем моя.

О боже. Дай мне сил.

Мы танцевали? Это было или я придумала? Что они, проклятье, добавили в это зеленое варево, что мне память отшибло?

А мы все еще стояли. В тишине. Как и жрецы в центре арены ждали чего-то еще.

И тогда с лестницы донесся топот. Кого бы мы ни ждали, они здесь.

Я вскрикнула. Хотела бы вскрикнуть, но, наверное, просто осталась с разинутым буквой «О» ртом. По коже побежали мурашки. Я задрожала от холода.

Мой спутник оглянулся на меня.

Я схватилась за его руку, чтобы просто держаться за что-то. Чтобы не побежать туда. Чтобы не заорать, хотя как раз этого-то бояться и не стоило.

Наступил миг моего бессилия. Моей немой ярости. Я до боли сжимала его руку. От осознания происходящего по щекам потекли слезы. Я ничем не могла помочь тем, кто выходил на арену, оставляя позади лестницу. Сдержись я вначале, не прояви я себя, то мои способности пригодились бы теперь. Я могла исправить значительно большее, чем просто нагнать страху на зрителей или поспособствовать тому, чтобы выделиться среди

претенденток.

Я могла повернуть вспять традиции.

На арену конвой солдат выводил дикарок. Тина Тёрнер была среди них.

Они шли молча. Не исключено, что к ним тоже применили заклинание немоты и, возможно, их тоже одурманили чем-то.

Потому что не могут люди идти на костер добровольно.

Всклокоченные неандерталки разительно отличались от людей, бесстрастно наблюдавших за их казнью. Они были гораздо ниже ростом, крепче и коренастей, кожа темнее. Волосы почти черными, а их грязные и кое-как сшитые накидки из шкур вызвали смешок в рядах зрителей. Они были связаны, но шли, точно марионетки, одна нога, вторая нога, без резких движений, не глядя по сторонам. Их большие головы были опущены, втянуты в плечи, отчего шеи как будто не было вовсе.

Я жадко ловила взгляд Тины. Я словно бы наяву услышала ее торопливый злой говор: «Айгонь! Айгонь!», повторяла она той ночью, когда единственный раз ужас предстоящего взял вверх над ее разумом. Тогда я не находила объяснений ее злости. Теперь я понимала.

Это была ее единственно возможная попытка отомстить недосягаемым джанкойан одоран, которые, должно быть, веками требовали неандертальских женщин для своих ритуалов. Почему они не сопротивлялись? Почему их собственные мужчины вели их на верную смерть и передавали в руки представителям этой высшей расы?

Возможно, наказание за непослушание было еще более жестоким. Возможно, проще было заплатить такую цену, чем позволить людям небес на крылатых орлах уничтожать целые племена.

Питер и Хлоя не раз и не два выдвигали различные версии, рассуждая, как же именно произошло, что однажды люди из расы кроманьонцев стерли своих собратьев неандертальцев с лица земли. Те немногие исторические факты, что были им известны, указывали на жестокость кроманьонцев по отношению к низкоролослым собратьям.

Теперь я могла бы рассказать друзьям, насколько нечеловеческой на самом деле была эта жестокость.

Дикарки остановились в центре. Конвой солдат, ощетинившись копьями, свел их вместе.

Жрецы вскинули руки и запели.

Огонь взвился тут же. Без прелюдий. Голодным хищником набросился на молчаливых девушек, обступая их стеной.

«Айгонь! Айгонь!»

Мои ладони зудели, но я не умела приказывать без голоса. Я несла наказание молчанием за собственную же несдержанность. Я молча оплакивала почти два десятка дикарок, собранных ради праздника великих сыновей Бога со всего, возможно, мира. Я вспоминала, как впервые увидела их, связанными, и как мне казалось, что ничего хуже рабства быть не может. Вспоминала, как они хоронили рыбий пузырь и насколько сильно отличались от гортанные песни от тех, что сейчас взмывали над костром в каменном городе с золотыми стенами.

Черный дым заволок арену, заволок светлеющее небо. Завопили орлы. Ужасающий запах горящей плоти раздирал глотку и щипал глаза.

Внезапно мой нареченный муж резким движением развернул меня к себе лицом. В его руке был нож. На каменном острие плясали искры.

Я не успела понять, что происходит. Меня схватили со спины, выгнув левую руку, а правую насильно вытянули вперед. Мужчина замахнулся ножом.

Острая боль прошила меня насквозь. Мою правую руку, по ощущениям, тоже охватил огонь.

Слезы застлали глаза. Немые крики застряли в горле. А черный нож взлетел во второй раз.

Но на этот раз мужчина полоснул самого себя чуть ниже локтя, в районе кисти.

На его бронзовой коже проступила багровая кровь. Он шагнул ко мне, а два человека, которые держали меня, вывернули мою истекающую кровью кисть.

Мы соединили руки.

Мы смешали нашу кровь.

Отныне я стала его женой, что бы это ни значило в этом мире. Женой того, чьего имени я даже не знаю. А сожженные в честь Матери души благословили наш брак.

Глава 15. Анкхарат

Второй сын и первый этого имени вошел в пиршественный зал Матери последним. Все девять братьев были уже здесь. Рядом с мужчинами в облаке разноцветных одежд сидели их избранные спутницы. Девушек отмыли, переодели и причесали на принятый среди знати Нуатла манер.

Рядом с Анкхаратом избранницы не было. Он был один.

Это не ускользнуло от внимания Асгейрра, третьего божественного сына. Асгейрр наградил Анкхарата вежливой улыбкой, и Анкхарат ответил ему тем же, пока шел вдоль стены позади колон, поддерживающих свод в центре зала, к своему столу.

Анкхарат знал, как много скрывалось за этой улыбкой.

Асгейрр же, взявшись за кувшин, до краев наполнил родовую чашу, украшенную драгоценными камнями, и протянул сидящей рядом с ним женщине.

Анкхарат не раз видел и хорошо знал, что на людях Асгейрр всегда был безукоризненно почтителен со своими избранницами.

Всегда и несмотря ни на что.

Даже когда прошлая его избранница едва не заколола ночью Асгейрра его собственным же кинжалом. На виду у сбежавшихся на шум охраны и братьев, Асгейрр проявил завидную выдержку. Лишь громко сокрушался над ее помешательством и скорбел об ее участи — за такой поступок девушку ждала неминуемая казнь.

Но Анкхарат знал, и знал это от самого Асгейрра, что в ночь перед казнью он навестил в темнице свою, уже бывшую избранницу. Без свидетелей. После такой встречи один на один смерть больше не страшила ее, упивался воспоминаниями Асгейрр, после этого она молила его, чтобы он позволил ей, наконец, умереть.

Асгейрр о многом рассказывал Анкхарату. В память о былых деньках, как он сам объяснял.

Анкхарат занял свое место у стола его рода, за которым когда-то сидел его отец, а до него отец его отца. Все вторые сыновья сидели за этим широким, из зеленого камня столом. Сегодня к столу придвинули два деревянных стула, но Анкхарат пришел один.

Засуетились между его столом и центром зала рабы. Они бесшумно шныряли мимо колонн, где над углями тлела почти целая туша овцебыка. Дым тянулся и исчезал в проеме крыше, в котором виднелся квадрат темного ночного неба.

От аромата жареного мяса Анкхарату все еще было не по себе

Еще и сутки не минули с ритуала Матери. Анкхарат видел, что на некоторых столах мясо так же лежало нетронутым, но таковы традции. Он позволил рабам поднести ему достойные его рода куски туши, позволил наполнить его чашу.

По левую руку от стола Анкхарата заливался смехом вместе со своей избранницей Асгейрр. Хрупкая девушка смеялась, прикрывая рот ладонью. Асгейрр снова подлил ей слишком крепкого для женщины напитка в опустевшую чашу.

«Выпивка помогает притупить боль. Хотя бы вначале». Анкхарат не раз слышал эти слова от Асгейрра.

Асгейрр гордился тем, что родил уже троих сыновей. Боги благоволили ему, и он взялся объяснить молодым сыновьям десяти родов, какого обращения заслуживает избранная после ритуала Матери женщина.

Анкхарат был с ним не согласен. Но многие, особенно младшие, слушали Асгейрра с раскрытыми ртами. Анкхарат не раз слышал, как Асгейрр говорил им: «Проявленная ночью сила однажды дает жизнь сильному сыну».

Гвембеш, четвертый сын и самый ярый последователь Асгейрра, и сейчас не отставал от наставника, как заметил Анкхарат, глядя в сторону его стола. Гвембеш тоже спаивал свою избранницу. Но молодой Гвембеш, подливая избраннице и самому себе, похоже, не рассчитал силы и перебрал раньше времени. От внимания Анкхарата не ускользнули размашистые неловкие движения низкорослого четвертого сына, пока он пытался справиться с едой на тарелке.

Гвембеш — было его детским прозвищем. У него, как и у остальных, было свое божественное имя, но никто из семьи не обращался к нему иначе, чем Гвембеш.

Его это злило, разумеется. Ведь его прозвище означало — «кривоногий».

Гвембеш был ниже ростом и его ноги в детстве походили очертаниями на колесо от телеги. Именно его кривые ноги и стали объектом для насмешек.

Анкхарат с Асгейрром были вторым и третьим сыном, соответственно, почти одного возраста и роста и похожи, как две капли воды, хоть и от разных матерей. Во времена их отцов, не раз сокрушался Асгейрр, избранницы были так же, как и они сами, древней крови, и иные до ритуала Матери не допускались. Но Боги Океана решили по-своему, и ко времени, когда Аталас, Анкхарат, Асгейрр и остальные семеро нареченных братьев достаточно подросли, чтобы участвовать в ритуале продолжения своего рода, жрецы Океана и Огня вынуждены были собирать достойных девушек со всех земель Нуатла.

Асгейрр с самого первого ритуала считал их всех недостойными и часто говорил о временах действительно «чистой крови». Чтобы родить первенца от такой женщины, следовало применить всю свою силу, как считал Асгейрр. Только у него было трое сыновей, по числу проведенных ритуалов. У него были основания верить в свою правоту.

Анкхарат стал первым, кто отстранился от Асгейрра и его жестоких развлечений, а вот Гвембеш — наоборот. С годами четвертый сын вытянулся, а его ноги немного выпрямились, конечно. Именно в лице Гвембеша Асгейрр приобрел надежного союзника, каким Анкхарат так и не стал.

Это настораживало Анкхарата. Ему претило разбивать единство десяти братьев, но, похоже, с подачи Асгейрра, все к тому и шло.

Анкхарат снова с сожалением подумал о том, что старший и первый, мудрый Аталас, решительным жестом мог бы остановить эти братские междоусобицы, если бы только его интересовало что-то, кроме узоров на звездном небе.

Ничто не вызывало интереса Аталаса вне стен его астрономической башни. Седой старший брат, конечно, выбрал и себе избранницу на ритуале Матери. Но все знали, что он посетит ее постель, только если все звезды рухнут на землю и на небе не останется ничего, за чем Аталас мог бы наблюдать часами.

По ночам к избраннице Аталаса, по внегласному среди братьев правилу, иногда забредал самый молодой из них, десятый сын, Аспин. Его силы хватало и на свою избранницу, и на Аталаса. Аспин и теперь иногда, нет-нет, да поглядывал через зал на новую избранницу Аталаса, от Анкхарата не укрылось и это.

Асгейрр поднялся из-за стола с чашей в руке.

— Прошу твоего позволения, старший сын! Хочу говорить!

— Говори, — отозвался Аталас со своего места.

Это была его привилегия и почетная обязанность руководить пирами, произносить речи во благо Богов, но Аталас настолько давно уступил ее Асгейрру, что Анкхарат и не помнил, на каком пиру так повелось впервые.

Анкхарат тоже поднялся. Заскрежетали отодвигаемые стулья — первую речь на пиру следовало слушать стоя. Гвембеша сильно качало. Странно, торжество едва началось. Или же Гвембеш начал праздновать раньше, сразу после окончания ритуала Матери.

Анкхарат почувствовал на себе взгляд Аталаса. Старший сын кивнул, указывая взглядом на пустое рядом с Анкхаратом место.

Если бы Аталас приказал, Анкхарату пришлось бы привести новую избранницу на пир силой, хотела бы она того или нет. Но Аталас никогда не отдал бы подобного приказа, хотя Анкхарат и

знал, что некоторые в этом зале очень рьяно следовали закону традиций.

Когда все поднялись и шум стих, заговорил Асгейрр:

— Да подарит нам свет и тепло Небесный Огонь и да наполнит наши бокалы Матерь, потому что наше вино сегодня во славу наших избранниц, выбранных и отмеченных Испытанием Огнем и Водой!

Асгейрр прекрасно изъяснялся на высшем нуатле, принятом для ведения ритуалов. Возможно, даже лучше самого Аталаса, кажется, потому старший брат и передал эту привилегию третьему брату.

Асгейрр повернулся вполоборота к своей избраннице, а затем по очереди останавливал свой взгляд на каждой из них в зале:

— Ты выбрана божественным потомком, — говорил он, — и будешь облагодетельствована им, и примешь его подарки, и когда придет час, ты произведешь на свет его наследника. Да примет Мать души, сгоревшие в Небесном Огне, и наделит тебя силой и покорностью перед избранником твоим!

Покорность — вот что, главное для Асгейрра, думал Анкхарат. Вот чего он добивается от своих избранниц любой ценой.

Чем женщина строптивей, тем интересней сломить ее и заставить подчиняться. Асгейрр с легкостью добивался своего. И не только в отношениях с избранницами.

Избранницы были обузами для свободных сыновей Бога. Об этом тоже никто не говорил вслух. Почему-то женщины верили, что сами божественные потомки изнывают, места себе не находят, в ожидании ритуала Матери.

Конечно, это было не так.

Но девушки Нуатла продолжали верить в легенды о прекрасных избранницах божественных сыновей, упиваясь рассказами о почестях и богатствах, которыми наградят их, если они родят сына. Каждый третий год, когда приближался ритуал Матери, Анкхарат надеялся, что поток желающих участвовать в ритуале иссякнет. Сыновья Бога лишь однажды остались без избранниц, когда Солнечный остров с женщинами чистых кровей, которых так оплакивал Асгейрр, ушел под воду из-за гнева Богов.

Но жрецы умилостивили Бога Океана и созвали подходящих женщин со всего Нуатла. В результате поток избранниц не только не иссяк, но и увеличился.

Анкхарат часто думал о том, какой удар по их обществу нанесла бы правда. Их мудрые отцы предусмотрели это. Они выбрали самый отдаленный и труднодоступный Солнечный остров, оправдывая свой выбор тем, что ни один другой мужчина

Нуатла не имеет права касаться избранниц сыновей Бога.

Конечно, это правило нарушали, думал Анкхарат, даже на Солнечном острове были мужчины, а в Сердце Мира были другие женщины, хотя по традициям, мужчина должен был беречь силы между ритуалами только для единственной избранницы. Тогда Боги пошлют ему сына.

Три сына Асгейрра опровергали эту истину.

К одной из этих женщин, которые по законам жрецов, как бы и не существуют в Сердце Мира, Анкхарат отправится сегодня, когда сможет покинуть пир, не вызывая подозрений.

Для той женщины, к которой Анкхарат отправится сегодня, в кожаной сумке на поясе у него имелся браслет из бивня мамонта. Скорей всего, браслет не из бивня и, очень может быть, что даже не из костей мамонта, но эта женщина без роду и племени, и даже такой подарок она примет с радостью.

— Осушим наши чаши! — воскликнул Асгейрр.

Анкхарат пригубил вино, но внезапный окрик Асгейрра остановил его и остальных, кто собирался сесть обратно:

— Мои названные братья, еще мгновение!

Они остались стоять с пустыми чашами в руках. Асгейрр лукаво улыбнулся и посмотрел сверху вниз на свою избранницу. Девушки остались сидеть.

Мимо столов безликими тенями скользнули рабы, подливая вино в опустевшие чаши. Мясо на столе Анкхарата остыло, подернувшись белой пленкой застывшего жира. Остатки туши медленно переворачивали над потрескивающими углями.

— Не томи, Асгейрр, — кашлянул Аталас.

— Я предлагаю устроить соревнование, — отозвался Асгейрр.

— Тебе не хватило вчерашней гонки на ипподроме?

— Нет, я не говорю о гонках. Я предлагаю устроить соревнование с участием наших милых избранниц.

— Женщинам не место на ипподроме, — нахмурился Аталас.

Асгейрр рассмеялся.

— Что ты, мудрый Аталас! Во имя звезд, я не собираюсь сажать их в седло! Я предлагаю соревнование братьям, в котором мы можем сразиться, благодаря участию наших избранниц.

— Не мути воду, Асгейрр. Говори прямо.

— Следующий заезд на ипподроме назначен перед Церемонией Очищения огнем, верно?

— Тебе прекрасно известно, что это так.

Асгейрр кивнул, обошел свой стол и направился с бокалом в руке по кругу, мимо всех столов. Спиной к Анкхарату.

— Мы занимали наши места вначале гонки, — громко сообщал Асгейрр, прохаживаясь вдоль колонн, — согласно

нашему роду. Так, ты Аталас, пока участвовал в гонках, всегда стоял на первом ряду, а я на третьем. Но я предлагаю изменить это правило к следующей гонке. Внести небольшие перемены.

— Как же мы определим новые дорожки? — встрепенулся Аспин.

Как десятый сын, он начинал дальше других. Его сильно заинтересовало предложение Асгейрра, заметил Анкхарат.

Какое-то время Асгейрр прошел молча. Он почти приблизился к столу Анкхарата. И Анкхарат понимал, что это произошло не случайно.

— У нас есть избранницы, — заговорил Асгейрр. — И все они, рано или поздно, должны познать на себе дар Матери. Я предлагаю занимать дорожки на новом заезде ипподроме в том порядке, в каком мы, братья, сможем доказать, что Боги услышали наши молитвы. Чья избранница первая заявит, что ждет ребенка, тому и первая дорожка, — последние слова он произнес, остановившись прямо напротив Анкхарата. Будто бы теперь ему нужно разрешение или ответ именно второго брата. Хотя по уму, по чести и роду, Асгейрр должен был требовать подобного от Аталаса.

— Я согласен! — выкрикнул первым Аспин.

— Я тоже! — громыхнул Гвембеш.

— Это будет интересно!

— Разреши, Аталас!

«Хоть кто-то вспомнил про Аталаса», — подумал Анкхарат.

Асгейрр растянул губы в улыбке.

— А что ты скажешь, Анкхарат?

— К чему нам спешить, Асгейрр? Если мы сделаем, как ты хочешь, то к Церемонии Очищения огнем избранницы уже покинут Сердце Мира.

Асгейрр изобразил удивление.

— Надо же. Не думал об этом. А впрочем, к чему они нам на Церемонии, сам подумай, Анкхарат? Церемонии проводятся раз в цикл Тамат, а ритуал Матери мы проводим в два раза чаще. Лучше бы нам сосредоточиться на общении с Богами, как мне кажется. А женщины со своими желаниями будут нас отвлекать. Я прав? — выкрикнул он в сторону.

— О да, — ответил Гвембеш, еле ворочая языком.

Анкхарат выдержал пристальный взгляд Асгейрра.

— Ты должен спрашивать Аталаса, не меня, — сказал он.

— В память о былых временах, Анкхарат, в память о них, — ответил Асгейрр и отошел к своему столу, а оттуда к возвышенности стола Аталаса. — Даешь ты свое согласие, мудрый старший брат?

Анкхарат содрогнулся, когда Аталас обвел тяжелым взглядом исподлобья молодых братьев. На миг ему показалось, что старший брат отметет предложение Асгейрра, но затем Аталас сухо произнес:

— Прими мое согласие, Асгейрр.

Анкхарат тихо вздохнул.

— Благодарю старший брат, — склонил голову Асгейрр и после сразу обернулся к залу: — Наполните свои чаши, братья! Подкрепите силы! Они вам сегодня понадобятся.

«Эти птенцы, — думал Анкхарат, — готовы начать соревнование прямо здесь, на пиршественных столах, прямо сейчас».

Он опустил пустой бокал на стол, но не позволил рабу долить вина. Анкхарат вышел из-за стола, поклонился Аталасу, как того требовали традиции, и направился к выходу из зала.

— Спешишь, Анкхарат! — донесся ему вслед пьяный смех Гвембеша.

Анкхарат вышел на каменную террасу и громко свистнул. Внизу мерцал огнем факелов каменный город, за свое величие прозванный Сердцем Мира.

С небес на террасу, чуть поодаль от своего наездника, опустился белоснежный оседланный орел. Анкхарат запрыгнул в седло и снова свистнул. Орел взмыл в небо.

Холодный ветер, вот что ему сейчас нужно было. Хмель не кружил его голову, только злость. Но ветру было не по силам унять ее.

Его избранница была где-то там, внизу, в доме Анкхарата в пределах третьего Кольца — священном центре Сердца Мира. Анкхарат повел орла на второй круг, чтобы проветриться и поразмыслить прежде, чем он снова спустится наземь.

Мыслями Анкхарат снова вернулся к самому началу ритуала Матери. К мигу, когда в трибуны зрителей угодил огненный камень.

Даже Асгейрр в этот миг прервал свои рассуждения о ничтожных избранницах, недостойных рожать сыновей потомкам Бога на земле. И о том, что достойных с каждым ритуалом Матери находится все меньше. Асгейрр заинтересованным видом стал изучать женщину на арене, совершившую подобное.

Ее ждала казнь, если бы не ритуал Матери. На трибуну к десяти сыновьям Бога спешно поднялись Жрецы Небесного Огня и объяснили, что, вероятней всего, женщина по неопытности просто не справилась с нравом огня, когда, конечно же, захотела уничтожить других избранниц. На каком языке она говорила, никто не понял, поэтому жрецы посоветовали обезопасить всех и

наложить на нее гнет молчания до поры, до времени. Если ее не выберут, решили жрецы Небесного Огня, то они заберут ее к себе в послушницы.

Оставалось только узнать, кто из жрецов привел ее сюда и почему не сообщил заранее о ее способностях.

Тогда-то Анкхарат и заметил, что Асгейрра давно нет рядом с ними на трибунах.

А затем третий брат появился на арене. И вместе с Эйдером Оларом.

Когда-то Эйдер Олар был жрецом Огня в Речных Землях, принадлежащих Анкхарату. Но задолго до ритуала Матери жрецы Небесного Огня по неизвестной для Анкхарата причине запретили Эйдеру Олару проводить службы и обращаться к Богу Огня напрямую. Ему оторвали рукава робы в знак его наказания. Он не был отстранен совсем от службы Богу, но мог заниматься лишь низшими поручениями.

Как, например, сопровождать женщин из лесных племен к Сердцу Мира, обеспечивая им безопасность по пути.

Эйдер Олар не имел права приводить на арену избранницу.

Каждая деталь этого случая удивляла Анкхарата, и упрямство Эйдера Олара идти наперекор приказам Высшей касты жрецов, и то, откуда Асгейрр узнал и почему был так уверен в том, что именно Эйдер Олар привел эту женщину сюда. Ведь все это время Асгейрр не покидал Сердца Мира.

Лишь один раз Анкхарату удалось поймать взгляд Эйдера Олара, стоявшего на арене, но ни слова не было сказано. Их разделяло значительное расстояние. Эйдер только и мог, что глазами указать Анкхарату на девушку. Во взгляде жреца Анкхарат прочел мольбу.

Анкхарат сделал свой выбор, следуя желанию Эйдера Олара. От него не ускользнула усмешка Асгейрра, когда он увидел, на кого пал выбор Анкхарата. Его следующий выпад с этой гонкой в деторождении также, прежде всего, бил точно в цель и этой целью тоже был… Анкхарат.

С мотивами Асгейрра Анкхарату еще предстояло разобраться.

Сам Эйдер Олар отныне был навсегда изгнан из Сердца Мира. Он также не имел права возвращаться в его родные Речные Земли. Он был изгнан на остров в Закатном море, на котором коротали свои дни бывшие избранницы десяти сыновей Бога Нуатла.

Конечно, там были мужчины… Как и в Сердце Мира были доступные женщины.

Анкхарат направил птицу к земле, пролетел над крышей дома, под которой отныне его ждала его новая избранница, но направил орла дальше, ко второму Кругу Сердца Мира, куда

ведут нефритовые мосты.

Если бы не Анкхарат, девушку уже отправили бы на другой конец Нуатла готовить к обучению в жрицы Огненного Бога. Но пусть он согласился на предложение Асгейрра, это еще не значит, что он собирается включаться в гонку за наследником. Если это именно то, чего хочет Асгейрр, значит, Анкхарат поступит наоборот.

Сегодняшнюю ночь он проведет вне дома. Может быть, следующую тоже.

А в завывании ветра в вышине можно было различить отдаленных грохот разрушительного океана, и это настраивало Анкхарата на мысли о его настоящем доме. Совсем скоро он с новой избранницей покинет Сердце Мира и вернется в Речные Земли.

Там не будет Асгейрра. А значит, будет проще.

Глава 16. На новом месте приснись жених невесте

Скоропалительное замужество не прошло даром для моей психики. Ритуальные костры стали последней каплей для долгого и странного путешествия, которое привело меня черти куда. Да еще я осталась без обратного билета. Мне вернули меховую тунику и пояс, но не мешочек, в котором я сохранила злополучный осколок.

Его забрал Эйдер Олар. Безумно счастливая улыбка жреца при виде этого осколка не укладывалась в голове. Зачем было красть кусок глины, словно это было величайшим сокровищем, я тоже не понимала.

Но больше всего меня пугал этот высоченный гигант, улыбка которого растаяла, как только мы покинули ритуальную арену.

Мой муж.

За все те несколько дней, что мы провели в городе с золотыми стенами, я ни разу не видела, чтобы он проявлял хоть какие-то эмоции. Он оставался таким же бесстрастным, как статуя, и настолько же равнодушным.

А я боялась. Очень боялась.

С самой первой секунды, когда он бесцеремонно взял меня за раненную руку. Я вскрикнула от боли, он не обратил внимания. Он свистнул, над головами захлопали крылья. На край арены приземлился белый орел. Он потащил меня к птице.

Мы что, будем лететь?!

Да я лучше обратно по лестнице, ничего не долго, я быстро, только, пожалуйста… О, нет!

Наказание молчанием делало свое дело. Сохрани я речь, то птичке от меня досталось бы, как и ее всаднику. А так, я могла только упираться ногами, махать головой. Но как объяснить жестами, что я боюсь высоты, я не придумала.

Он был сильнее. Я молотила по его плечу кулаками, когда он подсаживал меня в седло, но собака лает, караван идет. А я оказалась на спине доисторической курицы.

Муж обошел птицу, замер на мгновение внизу, поправляя какие-то ремни. А я залилась краской. Набедренные повязки… ну, если от души раздвинуть ноги, как и надо, чтобы сидеть в седле, то повязка как бы медленно превращается, превращается… в кожаный пояс.

А мой новоиспеченный муж как-то уж очень заинтересовался креплениями под седлом. Наконец, он выпрямился и сказал:

— Oi Ankharat.

Я кивнула. Решил, значит, что пора познакомиться. После всего. Ну, привет, Анкхарат, извини, руки протянуть тебе не могу, они мне нужны обе, чтобы кое-как удержать на месте мое скудное облачение.

О большем Анкхарат решил не распространяться, собеседник из меня все равно был не ахти, поэтому он одним быстрым движением запрыгнул в седло, впереди меня.

С недоумением поглядел на меня через плечо и буквально оторвал мои руки от набедренной повязки, которую я старательно вдавливала в седло. При этом он, кажется, хмыкнул, но я не уверена. Уверенным жестом он положил мои руки себе на талию. Держись, мол, за меня за дурёха, а не то свалишься с верхотуры.

Я вцепилась в Анкхарата. Черт, а ветром эту кожаную тряпочку не снесет? Она вообще благодаря чему на мне держится?

А если там, куда он меня везет, родители, родственники, семья, и я такая, из одежды только волосы, здравствуйте, принимайте к себе, жить буду с вашим сыном. О боже!

Орел поднялся на ноги. Или лапы? Потоптался на месте.

К черту, главное пока жизнь сохранить, о достоинстве потом думать буду.

Анкхарат что-то сказал, я не поняла. Он выгнулся и рукой прижал меня к своей спине, показывая, что между нами не должно быть свободного места.

Вдох-выдох. Своей обнаженной грудью я вжалась в его обнаженную спину. А ведь только пять минут знакомы. Я сомкнула ладони на его груди.

Анкхарат провел руками по моим бедрам. С ногами-то что?

— Выше, — сказал Анкхарат.

Ага, это слово я знаю, но куда выше-то? На плечи тебе их закинуть?

Он промучился еще какое-то время, объясняя и подтягивая мои ноги до нужного уровня. На языке вертелся законный вопрос, это скольких же ты, Анкхарат, на своей курице катал, если тебе известны все нюансы?

Надеюсь, первые наездницы свалились в пропасть, подумала я со злорадством. О боже, я уже ревную? Как все быстро-то.

Наконец, Анкхарат остался доволен моей посадкой. Получалось, что я должна обхватывать ногами его, а не птицу. Теперь мои колени были примерно на уровне его ребер. А повязка… О, даже не спрашивайте. Хорошо, что еще не до конца рассвело, а остальные джанкойан одоран держались достаточно

далеко от нас. Надеюсь, никто из них не страдал особо пронзительной дальнозоркостью…

Признаю, приготовления Анкхарата оказались очень даже уместными и правильными. Я упиралась пятками в какие-то выступы на седле, руками обхватывала его самого, и в целом сидела гораздо увереннее и надежнее, чем до этого.

Да и качало меньше, чем на спине того же слона.

Орел сделал еще пару шагом и замер над пропастью. Я мигом забыла обо всем на свете. От красоты пейзажа и головокружительной высоты у меня перехватило дыхание. Внизу простирался город. Крыши пирамидальных домов тонули в тумане.

Эй, а для орлиных наездников никаких ремней безопасности еще не придумали? Анкхарат мог быть спокоен, я вжалась в него, кажется, каждой клеточкой своего тела. Пожалуйста, взмолилась я в последний раз, все-таки можно я спущусь по лестнице?

Моим персональным кошмаром был роупджампинг. Я и со стороны-то глядеть на падающие тела не могла, не то чтобы прыгнуть. Из нас троих пару раз прыгал Питер, а меня еще два дня трясло — один до и один после прыжка.

А сейчас ни веревки, ни страховки, даже крикнуть не кому: «Плачу любые деньги, только верните меня на землю!»

Анкхарат еще раз свистнул. Черт, черт, черт!!

Орел камнем сорвался вниз. Замелькали факелы. Сердце рухнуло в пятки. Земля стремительно приближалась. В ушах свистел ветер.

Я так и не успела зажмуриться, и глаза оставались широко раскрытыми. Клянусь, я видела кладку в стенах домов. Даже брусчатку на улицах. Мы взлетать-то будем?!

Но орел решил не превращаться в лепешку, раскрыл крылья и резко взмыл вверх. Если бы Анкхарат не исправил положение моих ног, то ступнями я бы упиралась в крылья. Вот оно для чего все было.

Крылья заворожили меня. Белые перья, каждое размером с мою руку, трепетали на ветру. Мы поднимались вверх. На нужной высоте орел взял немного вправо. Я-то думала ужасы кончились.

Даже в самолете я покрывалась холодным потом, когда земля в иллюминаторе вдруг поднималась и превращалась в стену. А уж сейчас…

Крыльями орел не двигал. Мы парили.

Под нами проплывали мосты, перекинутые через реку. Река, извиваясь змеей между домов и улиц, серебрилась в лучах восходящего солнца. Вспыхивали позолоченные орнаменты на домах. Сверкали драгоценные камни, вставленные в глаза

чудовищ, вырезанных в камне.

Город был огромен. Сложно было осознать, что такой мегаполис существует в седой древности вместе с неандертальцами и гигантским голодным зверьем.

Улицы разбегались в разные стороны. Каждая из них была разной длины и ширины, они могли резко заворачивать в бок или обрываться у реки, упираться в дом или вообще в оградительную стену. Или даже идти кривым зигзагом. Ничего похожего с ровными кварталами современных городов.

Основной и самой крупной магистралью была река. Огибая дома, она словно бы делила город на примерные районы. Я поискала взглядом ее исток и скорее услышала, чем увидела, грохот водопада.

Осмелев, я даже оглянулась. Вдали белела та самая лестница, вырубленная в скале. Она огибала гору и вела к вершине, где круглым диском, словно парила в воздухе, арена и тускло при дневном свете горела гигантская жаровня над ней. А гора тянулась все выше, древние зодчие одолели лишь четверть ее высоты. Должно быть, водопад где-то там… И может быть, именно его воду и использовали жрецы для Испытания, погубившего трижды благословленную.

Орел стал снижаться. Заложило уши, и я открыла рот. Снова пришли в движение крылья.

Убрать шасси, то есть лапы! Идем на посадку. Вернулся страх, и я почувствовала, что меня всю колотит от холода. В следующий раз без летной куртки, шарфа и шапки в седло не сяду!

Под нами росла пирамида, не такая высокая, как те в центральном округе, куда вначале этой ночи меня привела Зурия и мимо которых я бежала под бой барабанов вместе с девушками позже. Вокруг дома-пирамиды простирался сад, а среди макушек деревьев выглядывала крыша еще одного каменного строения.

Негусто, Анкхарат. На дворец точно не тянет.

Нас здорово тряхнуло в момент приземления. Я еще крепче вцепилась в Анкхарата, поскольку немного ослабила хватку, пока мы вполне расслаблено летели над городом.

Орел прошелся по узкой плоской площадке на вершине пирамидального дома, заменявшей ему взлетную полосу, остановился и лег на пузо. Шелестели листья густого то ли леса, то ли сада.

Анкхарат кашлянул.

Ой.

Я отпустила его, снова озадачилась своей одеждой, пока он спешивался, но, похоже, зря и никого, кроме меня, мой внешний

вид не волновал. Он подхватил меня за талию и снял с орла. Потом отпустил и принялся за подпруги под сидением. Я осталась стоять рядом, не совсем понимая, а дальше-то что?

Анкхарат снял седло, сообщил что-то орлу, слов я не разобрала, и свистнул. Орел ответил хозяину, расправил крылья и слетел вниз, где и исчез среди деревьев.

Мы остались одни.

Кивком Анкхарат велел следовать за ним.

Он оттащил деревянный настил, под которым оказалась узкая темная лестница, ведущая вглубь пирамиды. Анкхарат стал спускаться первым.

Со мной он больше не разговаривал.

Да, все мои страхи оказались беспочвенными. Орлом Анкхарат интересовался больше, чем мной. В узком каменном чулке на нас неожиданно налетела Зурия. Неожиданно для меня, разумеется. Анкхарат бросил ей несколько слов и свернул в другой коридор, оставив нас одних.

Зурия повела меня дальше.

Однообразными узкими коридорами мы попали на первый этаж, а оттуда в сад и по тропинке направились ко второму строению, которое я приметила с крыши. Я буду жить отдельно, что ли? Надеюсь, не с орлом вместе?

Но нет, это оказался крытый горячий источник. А ведь я уже успела свыкнуться с ощущениями от растрескавшейся глины на коже.

Зурия помогла мне оттереть глину, вымыла волосы от масла и выдала новую одежду. Я не поверила своим глазам — это было платье из тонкой, словно шифон, ткани насыщенного медного цвета, а тяжелый ворот был расшит драгоценными камнями. Неужели со шкурами покончено?

Без помощи жрицы, самостоятельно я бы не облачилась в это, длинное, безразмерное, похожее на те платья, которые я воображала себе, заворачиваясь в детстве в оконную тюль, пока мама не видела.

К платью прилагался пояс, тоже непомерно тяжелый, с огромным желтым камнем в центре. Пояс и весом, и внешним видом напоминал те чемпионские, что выносили на ринг перед боксерами.

Зурия долго возилась с креплениями пояса, но у нее так ничего и не вышло. Она тихо ругнулась, я различила знакомое: «Crastaa». Значит, при виде меня тот черный всадник тоже ругался. С чего бы это?

Мои силы были на исходе. Кажется, я уже спала, стоя и с открытыми глазами, поэтому, отбросив ремень в сторону, Зурия

снова повела меня к дому.

Я мигом проснулся от одной только мысли, что сейчас снова встречу Анкхарата. Я не знала, что делать в таком случае. Как себя вести. Он заявил права на меня, смешал свою кровь с моей, но я четко осознавала, что не стоит от него ждать нежности, разговоров и привычных мне ухаживаний. В его обществе были приняты человеческие жертвоприношения, черт возьми. Анкхарат находился на ступень развития выше, чем те же Тигр или погибший Одуванчик, его народ не был кочевниками, как погонщики слонов, и не жил в пещерах, как те люди с рыбной диетой.

Но все эти достижения, судя по всему, никак не повлияли на отношения между мужчиной и женщиной. А они явно оставляли желать лучшего.

Например, почему эти десять могучих, широкоплечих, как на подбор, Зевсов не занимались поиском жен самостоятельно? Ни одну из тех женщин, перемазанных глиной от кончика носа до мизинцев на ногах, не удерживали силой и не принуждали к участию в Состязании Невест. Значит, отбоя от желающих не было. Выйди такой, как Анкхарат, в город, к нему тут же выстроилась бы очередь из желающих, так для чего следовать таким жестоким традициям?

Мы с ним чертовски разные. Я вряд ли пойму и приму их обычаи, и уж точно никогда не перестану задавать вопросы. Нас отделяет бесчисленное множество веков, должно быть, мы даже мыслим иначе.

С детства я мечтала о свадьбе и пышном белом платье, о принце, который увезет меня в свой замок, но никак не о том, что ради счастья молодых нужно будет сжечь с дюжину невиновных женщин.

Лабиринт коридоров привел меня в спальню.

Анкхарата там не было. Интересно, это моя или наша спальня? Как у них заведено? Может быть, я даже не единственная жена в этой пирамиде?

Комната была в форме квадрата три на три, но с непропорционально высокими стенами, по ощущениям, башня, в которой не построили лестниц. Убранство было скудным и это еще мягко сказать. В центре этого каменного колодца стояла застеленная шкурами широкая постель. Всё.

Я нервно сглотнула.

На каменных неоштукатуренных стенах висели шкуры и кожаные полотна, расшитые раковинами и костями. На стенах напротив друг друга высоко над полом были прибиты два факела, сейчас потушенные. Дневной свет проникал через единственное

узкое окошко, похожее на бойницу.

Сначала я задумалась, как же они зажигают факелы и зачем их поместили так высоко, но потом Зурия просто взмахнула рукой, и они зажглись.

Магия. Я все еще забываю.

Дверей не было, только прямоугольный проем, оформленный в виде разинутой пасти какого-то животного. Может быть, даже нескольких. Глаза и зубы были вырезаны в камне. Невероятно красивая работа, но хотелось бы некое уединения.

Из ведущего в комнату коридора замечательно просматривалась кровать, как и наоборот. Хоть бы шторку повесить, что ли.

Когда мы только вошли, Зурия озадачено огляделась. Я поняла, что она удивлена отсутствием Анкхарата. Мое сердце забилось чаще.

Пока Зурия занималась мехами на кровати, я шагала из угла в угол. Потом жрица подошла ко мне и помогла снять платье. Пижама не была предусмотрена. Я нырнула обнаженной на меховую простыню и укрылась таким же мягким пушистым одеялом. За окном уже рассвело.

Я была уверена, что вот-вот услышу эхо его шагов. Вцепившись в шкуры, я лежала ни живая, ни мертвая, и дышала через раз.

Зурия тоже топталась на месте. Похоже, по правилам Анкхарат должен быть здесь.

Но его не было.

Я позволила себе расслабиться, устроилась поудобнее и закрыла глаза. Мех источал приятные ароматы, не то что те сырые и короткие шкуры, которыми я укрывалась в пещерах. Ну и кровать была рассчитана под рост Анкхарата. Одной мне было более чем просторно.

Если жизнь и налаживалась, то как-то очень медленно.

В чем-то мне повезло, наверное, ведь я была все еще жива и вроде как облагодетельствована. Да и достался мне в мужья Анкхарат, а не тот черный всадник, встреченный на берегу океана.

Может быть, мне повезет и я снова встречу Эйдера Олара. Может быть, узнаю, в чем ценность глиняного осколка. Надеюсь, наказание Эйдера ограничилось сорванными бусами. Если меня оставили в живых за попытку нападения на высокопоставленных потомков, то не будут же казнить вместо меня Эйдера только за то, что он привел меня туда? Надеюсь, что нет, но кто их знает…

А еще речь. Я все еще нема как рыба. Я и раньше-то, оказавшись на этой земле, не блистала ораторским искусством,

но уж теперь… Как мне найти общий язык с мужем? И нужно ли это вообще?

Я не представляла, какая участь мне уготована и на какое отношение со стороны мужа могу рассчитывать. Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко.

И еще мне совершенно точно нужно придумать, как вести счет дням, ведь я осталась без календарей и часов. А календарный счет дней может помочь мне, если Анкхарат… все-таки окажется в моей спальне.

* * *

Анкхарата я не увидела даже, когда проснулась ближе к вечеру. Зурия встретила меня с поджатыми губами, принесла еды — холодного мяса и абсолютно каменную лепешку. Я съела все. И снова завалилась спать.

На следующий день я повторила выработанную тактику: «сон-еда-сон». Я не знала нормального отдыха с первого дня своего путешествия, а прибавьте к этому еще и стресс, в котором я пребывала постоянно… Но в сомнамбулическом времяпрепровождении был и свой минус. Так я окончательно сбилась с подсчета количества дней, проведенных на первобытной земле. Пора было начинать новый календарь, от первых дней замужества, но я все спала и спала, и только каждый раз думала, что вот как проснусь, обязательно выпрошу у Зурии какой-нибудь каменный нож, чтобы, как всякий заключенный, чиркать на стенах.

Это оказалось занятием не из простых.

Еще несколько дней я объясняла жестами Зурии, что именно мне нужно, в полной уверенности, что как только получу орудие для настенной живописи, то тут же задним числом отмечу эти потраченные на переговоры дни. Черта с два.

Когда в моих руках все же оказался нож, я не могла вспомнить, сколько дней назад Анкхарат привез меня в седле своего орла в этот дом. Дело усложнялось тем, что спала я не только ночью, но еще и днем, и в результате из этой идеи с наскальными черточками ничего хорошего не вышло. На то, чтобы выцарапать каменным ножом на камне одну проклятую черточку, я тратила едва ли не полдня. С одной стороны, я все-таки нашла для себя хоть какое-то занятие. Но настолько однообразное и утомительное, что меня… что? От него сразу тянуло в сон, правильно. А проснувшись, я какое-то время соображала, а закончился ли этот день уже или наступил новый, а

эта темнота за окном — это прежняя ночь или уже новое утро?

Потом я стала делать надрезы на кожаном полотне, на котором костями был выложен зигзагообразный орнамент. Но не исключено, что некоторые надрезы и там были лишними.

Скука была невероятная. Тишина стояла оглушающая. Если бы я могла говорить, я бы пела сама себе. Я пела мысленно, а хотелось мне орать во всю глотку.

Я гуляла в лесочке у дома, под неприступным надзором хмурой Зурии. Ни дать, ни взять заключенный на прогулке.

Жрица держалась на несколько шагов позади меня, сцепив на груди руки, и никогда не начинала говорить первой. Я объяснялась жестами, как с ножом или когда испытывала голод или жажду, но на большее меня не хватало.

Мне казалось, я медленно схожу с ума.

Иногда я подхватывала с земли какую-нибудь палку и принималась избивать подвернувшиеся деревья и папоротники. Однажды после такой выходки, Зурия отобрала у меня нож.

Иногда я слышала орлиный крик и шелест его крыльев. Но он оставлял всадника на вершине пирамиды, а сам спускался вниз. В глубине парка я обнаружила дерево, размерами похожее на секвойю. В ее ветвях-то у орла и было свое гнездо. Иногда я стояла внизу, надеясь, что может быть он спустится вниз или что Анкхарат сам придет сюда. Я слышала, как орел клацал клювом, расправляясь с одной из своих жертв. Он ловил их прямо здесь, вокруг дома шныряло множество мелких зверьков. Действительно мелких, хвала богам этого края.

Хмурая Зурия упорно продолжала причесывать и наряжать меня каждое утро в новое платье, но щеголяла я в этих нарядах только перед куцыми белками, шнырявшими между папоротниками. Даже орел так ни разу и не заинтересовался мной. И не слетел вниз поздороваться.

После, только заслышав орла, я стала выбегать в коридоры, пытаясь добраться до Анкхарата и придушить его собственными руками. Ножа-то у меня не было. Проклятые лабиринты ни разу не вывели меня на вершину. Они разветвлялись, петляли и приводили меня в тупики. Один раз я проплутала там до вечера, пока не наткнулась на Зурию, которая и привела меня обратно в спальню.

За это время я сильно устала и проголодалась, а еще, окончательно заблудившись, всерьез стала опасаться, что нарвусь на какой-нибудь зачарованный проклятиями лабиринт, в котором Анкхарат скрывает свои секреты. На ум приходили истории про неудачливых египетских археологов и жуткие кадры из фильмов про Индиана Джонса.

Но тем вечером я полностью убедилась, что никаких других жен в пирамиде не было. В ней вообще, кажется, кроме меня и Зурии никого не было.

После того, как Зурия спасла меня от бесконечного странствования по коридорам, я окончательно расклеилась. Я шла обратно в спальню и плакала.

К моему удивлению, жрица обняла меня и по-матерински провела несколько раз рукой по волосам, даже сказала мне несколько слов. Хотя они и звучали, как: «Ну-ну, хватит», — мне казалось, это самым лучшим утешением на свете.

Мое отчаяние было безграничным. Заснула я тоже в слезах той ночью. От мысли, что я уже несколько дней не занималась своим самопальным календарем, слезы полились сильнее прежнего.

Так что сон, приснившийся мне той ночью, был закономерным исходом нервного перенапряжения.

Вначале я долго шла по длинному темному коридору. Впереди призывно мерцал огонек, и ноги сами несли меня к нему. Сначала коридор казался нескончаемым, но стоило мне только подумать об этом, как я тут же очутилась на пороге комнаты.

За письменным столом спиной ко мне сидел мужчина. Вокруг него высились стопки книг. Я точно знала, что это словари, а мужчина занят переводом. Было неловко отвлекать его, но он обратился ко мне первым и сказал вполоборота:

— Привет, Майя.

— Питер? — выдавила я.

— Ага, садись, — он махнул на стул рядом с собой.

Я скорее рухнула как подкошенная, чем села. Я не отрывала от него глаз. С удивлением, я осознала, что внешне Питер очень напоминает… Анкхарата. Правда, без бороды и лет на десять моложе.

— Что ты так на меня смотришь, как будто никогда не видела? — спросил он, не отрываясь от записей перед собой.

— Я действительно давно тебя не видела.

— А где Хлоя? Мне бы пригодилась ее помощь в переводе.

Я знала, что бесполезно спрашивать, но все равно спросила:

— Может быть, я помогу тебе?

Он даже оторвался от книг.

— Неужели ты заинтересовалась историей?

— Кажется, да.

— Ну смотри, если тебе пора на тренировку, то…

— Нет, я останусь. Что ты переводишь?

— Платона.

— Понятно.

— Майя, — рассмеялся Питер, — иди, я дождусь Хлою.

— Хлоя не придет.

— Почему?

Я не стала отвечать и перевела тему:

— Ты представить себе не можешь, Питер, как сильно меня интересует история. Например… например, каменные ножи! У Платона есть что-то о ножах?

— Почему ножи? — он растерялся.

— Ну, тогда о городах, есть? Ты знал, что в древности существовали огромные мегаполисы? Вижу по твоему лицу, что знал. Только я не знала. А в твоих толстых пыльных книгах не сохранились названия этих городов?

— Я как раз перевожу текст про такой город. С помощью одной такой «толстой пыльной книги».

— Здорово! — я пропустила мимо ушей его сарказм. — И что там пишут?

— Я пока перевел только три первых предложения, — мрачно ответил Питер.

Я сразу скисла.

— Не густо.

— Это точно, древнегреческий чертовски сложная штука.

— А ты можешь произнести пару слов на нем?

— Зачем?

— Ну, можешь?

Питер нахмурил лоб.

— Просто произнеси пару слов, — взмолилась я.

— Ты сегодня очень странная, Майя, — вздохнул Питер, но выполнил мою просьбу.

Настал мой черед хмуриться.

— Не похоже, — покачала я головой.

— На что не похоже?

— Не важно. Так, давай вернемся к трем переведенным предложениям. Зачитаешь их?

— А ты, похоже, действительно увлеклась историей?

— Читай.

Питер поднес исписанную тетрадь к глазам, у него была близорукость, и прочел:

— «Там бог произвел на свет пять пар близнецов мужского пола. Он взрастил их и поделил весь остров на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения, как наибольшую и наилучшую долю, а остальным сыновьям дал землю в других частях и наделил властью над разными народами. Имена же всем он нарек вот какие…». Дальше я перевести не успел, ты как раз вошла.

— Там есть их имена?! — вскричала я.

— Ну, есть, конечно…

— Читай!

— Что за муха тебя укусила, Майя? В них мало толку. Мы никогда не узнаем исконных имён. Их перевели на греческий аналог, согласно местной мифологии и истории, понимаешь, так все народы тогда поступали…

— Боже, Питер, почему я никогда тебя не слушала…

— Ну, наверное, из меня рассказчик так себе, — улыбнулся он. — Тебе интересно узнать о древних городах? Я могу собрать для тебя материалы, это займет несколько дней. Ты что, плачешь? Майя!

— У нас нет этих нескольких дней, Питер. Это сон, черт возьми. Всего лишь проклятый сон. А я… Я забыла, как ты выглядел, Питер. Я смотрю на тебя, но не вижу. Ты ведь… Ты ведь был другим на самом деле. Твой голос звучал иначе… А я все забыла. Может быть, ты даже рассказывал мне об этих десятерых близнецах мужского пола, а я не слушала тебя. Мои мысли только и были, что о велогонках… Прости меня.

— Ну, ты исправилась, — растерянно произнес Питер.

— Ну, почему ты говоришь его голосом? Почему?!

— Да чьим это голосом я говорю?! — разозлился Питер.

И тут я резко проснулась. Сердце билось как сумасшедшее. Стояла кромешная тьма.

Я провела рукой по лицу. Щеки были мокрыми от слез.

Снизу донесся возмущенный голос Анкхарата. Он уже не сдерживал гнев, это чувствовалось, он почти орал на другого мужчину, который безрезультатно пытался прервать этот нескончаемый поток брани.

Я выскочила из постели, но, вспомнив о своей ногате, притормозила в коридоре и вернулась обратно за меховым одеялом, которое обмотала вокруг себя на манер полотенца. С платьем в темноте и самостоятельно я бы не справилась.

Как найти выход из моей спальни в сад, я знала хорошо.

А не на шутку рассерженный Анкхарат продолжал бушевать внизу, несказанно облегчая мне задачу — найти, чтобы придушить его голыми руками.

Хотя бы за то, что его идеальная, без изъянов внешность, напрочь вытеснила из моих воспоминаний настоящего Питера.

Глава 17. Кто сказал «мяу»

За те два дня, что Анкхарат провел в Доме Наслаждений, он видел женщин практически на любой вкус, даже самый странный.

Иначе и быть не могло. Рыжеволосая Эйкинэ, некогда бывшая жрицей огня, содержала самый известный Дом Наслаждений в Сердце Мира. Ходли слухи, что в подвале Дома Эйкинэ держит на цепях одну из племени краста — черноволосую, низкорослую и одетую в шкуры, — и предоставляет дикарку тем, кому по карману такое незаконное и запретное удовольствие.

Все эти два дня в Доме Наслаждений было не протолкнуться, дела у Эйкинэ и без дикарки из племени краста шли отлично, думал Анкхарат. Его голова гудела от вина, которое он пил все эти два дня. Вино было дешевым и разбавленным, плохо процеженным.

Эйкинэ сказала, что ему нужно подождать. И он ждал. Оставаться трезвым в Доме Наслаждений, где голоса и вздохи не затихают ни на миг, что может быть хуже?

Эйкинэ выделила ему отдельную залу, когда Анкхарат явился сюда на следующую после ритуала Матери ночь, и это не могло не остаться незамеченным.

Но есть случаи, когда нужно пренебречь традициями, и это был тот самый случай. Анкхарат о многом успел поразмыслить, сидя в пустой узкой зале с оштукатуренными стенами, расписанными непристойными картинами.

Эйкинэ даже подослала ему женщину в первый вечер. Но время ожидания все равно тянулось неправдоподобно медленно.

Анкхарат смотрел на стены, на которых художники в каких только позах не изобразили женщину, и думал о том, что катастрофически упускает преимущество в соревновании братьев. Ведь в первые две ночи после ритуала Матери Боги больше прочих дней благоволят мужской силе, думал Анкхарат. Огненному Богу отданы живые души, и Он со всеми своим великодушием направляет силу мужчины, чтобы тот в первую же ночь смог зажечь огонь новой жизни в женщине. Чем больше душ будет отдано в жертву, тем лучше. Костры в эту ночь жгли по всему Нуатлу. Бедняки сжигали быков, богатые — сжигали людей из племени краста, по недоразумению созданных Богами.

За стеной женщина исторгла высокий вопль. Анкхарат налил и опрокинул чашу залпом. Скривился. Слоновья моча, а не вино.

Проклятый Асгейрр, наверняка, не упустил первые две ночи. «Сила рождает сильного сына». Он мог позволить себе подобную самоуверенность, с тремя-то сыновьями.

Анкхарату Боги благоволили меньше. Он дал жизнь лишь одному мальчику, остальными — были девочки. Они остались на острове со своими матерями. Два старших сына Асгейрра, одному девять, второму шесть, уже обучались военному искусству в Сердце Мира, во Втором круге, неподалеку от ипподрома.

Сын Анкхарат погиб, не дожив и до трех лет.

Женщина за стеной застонала часто и быстро. Анкхарат потянул руку к кувшину и обнаружил, что он пуст.

— Проклятье.

Он поднялся на ноги, но пол предательски качнулся. Анкхарат устоял. Затем двинулся в сторону широкой костяной пластины на стене и ударил по ней каменным молотом. Пластина завибрировала.

Но никто не явился. Анкхарат ударил еще раз. Ему пришлось схватиться за шершавую поверхность стены, чтобы устоять на ногах на этот раз. Он не рассчитал силы и чересчур сильно замахнулся.

Взгляд сфокусировался на той части стены, за которую он держался, растопырив пальцы. Двое мужчин, разрисованных блеклой краской, делили одну женщину.

Анкхарат ударил в пластину изо всех сил.

В узком коридоре зашуршала ткань платья, и в проходе появилась сама Эйкинэ. Она всегда носила красное. Хотя хозяйка Дома Наслаждений больше не была жрицей, она всегда говорила, что не прекратила служения Богу Огня, ведь именно он одаривает женщин новой жизнью, а мужчинам дарит удовольствие.

Но красное, полупрозрачное платье Эйкинэ с глубоким вырезом сильно отличалось от тех халатов, что носили жрицы. Ее рыжие, как и принято у жриц, волосы были замысловато уложены и опоясаны жемчугом. На полной руке среди дюжины других украшений, Анкхарат заметил костяной браслет, который сам же преподнес Эйкинэ два дня назад, когда только переступил порог Дома Наслаждений.

Однако услуга, которую просил Анкхарат взамен этого браслета, так и не была ему оказана.

— Анкхарат, — очаровательно улыбнулась Эйкинэ, — прислать девушку?

Анкхарату пришлось упереться плечом в стену, чтобы устоять.

— Я пришел сюда не за этим, — выговорил он. — Где он? Я достаточно прождал.

Эйкинэ равнодушно пожала обнаженными плечами. Ее внушительные груди, едва скрытые прозрачным платьем, колыхнулись в такт.

— Задерживается, — сказала Эйкинэ. — Он знает, что ты ждешь и скоро…

Анкхарат надвинулся на женщину.

— Ты знаешь, кто я, правда? Одно мое слово и твое мнимое служение Богу Огня закончится. Твой дом с разукрашенными стенами сравняют с землей. Я пришел сюда не за тем, чтобы пить паршивое вино. Ты сказала, что можешь устроить мне встречу с ним. Я хочу его видеть. Сейчас же. Ясно?

— Ты делаешь мне больно, Анкхарат, — ровным голосом произнесла Эйкинэ. Она была бледна.

Он отпустил ее.

— Иди за мной, — сказала она, потирая шею. — Посмотрим, что можно сделать.

Она первой вышла в коридор.

Анкхарат последовал за ней. Он с наслаждением вздохнул свежесть ночи. Ему бы еще простой воды, но после. После встречи, если она состоится, и ему не придется снова коротать время в очередной зале, глазея на рисованных обнаженных мужчин и женщин.

Эйкинэ пересекла квадратный двор, огражденный низкими строениями, в которых ютились множество таких залов, в котором сидел Анкхарат, слушая чужие стоны. Ветер доносил обрывки смеха, криков, шлепком и даже удар хлыстом. Анкхарат был всадником, он хорошо знал этот звук.

Эйкинэ снова нырнула под крышу и стала спускаться вниз по узкой лестнице. Для женщины места хватало, Анкхарату пришлось спускаться за ней полу боком.

Подвал освещала единственная масляная плошка. Эйкинэ аккуратно подхватила ее и велела следовать за ней, по еще одной лестнице, еще глубже под землю.

Анкхарат сразу припомнил все рассказы о дикарках на цепях, которых Эйкинэ прячет в своих подвалах. Если такая краста действительно существует, то где, как ни здесь, среди этих толстых сырых стен. Должно быть, существует и какой-нибудь проход для того, чтобы проникнуть сюда незамеченным.

Наконец, Эйкинэ остановилась.

— Сюда, — сказала она и указала на стену.

— Как?

— Нагнись и присмотрись. Там у пола лаз. Туда можно проникнуть только ползком.

— Что?!

— Тихо, Анкхарат, — зашипела Эйкинэ. — Или так, или никак.

— Уйди, — бросил он.

— Я уйду, — кивнула она и положила на пол у своих ног плошку с маслом. По ее лицу скакали тени. — Он покажет тебе другой выход, наружу. Если вы договоритесь. Удачи.

«А если нет?» — едва не вырвалось у Анкхарата, но он промолчал.

Эйкинэ развернулась и ушла. Он дождался, пока ее шаги стихли, затем опустился на колени. Пододвинул тусклый свет и разглядел лаз у самого земляного пола.

Сначала он протолкнул туда плошку, но света она давала мало и разглядеть ничего не удалось. Анкхарат отодвинул плошку, насколько позволяла рука, нагнулся еще ниже и стал лезть. Земля была сырой. В слабом отблеске он различил отпечаток человеческой руки. Это была не его рука. Значит, кто-то уже был здесь и, возможно, он ждет его.

Анкхарат полез дальше. Он оцарапал спину о камни, но нагнуться еще ниже не получалось, поэтому он стиснул зубы и прополз остальное расстояние. Как только преграда сверху и по бокам исчезла, а стены были толстыми и массивными, Анкхарат выпрямился во весь рост, подхватив с земли плошку.

В тот же миг прямо перед ним вспыхнул факел. Анкхарат прикрыл глаза ладонью и сказал:

— Приветствую тебя, Шейззакс. Долго же мне пришлось ждать с тобой встречи.

Факел качнулся, но человека, который держал бы его, Анкхарат по-прежнему не видел. Потом из ниоткуда появились белки глаз. Сверкнули зубы в улыбке. На Анкхарата словно надвинулась сама тьма с глазами и зубами, но это был мужчина. Его кожа была чернее ночи.

— Второй сын и первый этого имени, — утробным низким голосом произнес Шейззакс. — Почему сыну Бога вдруг понадобился убийца?

— Времена меняются, Шейззакс. Ты ведь знаешь, что Львы Пустыни снова голодны?

— Сын Бога не должен рассказывать Шейззаксу о Львах. Львы убили племя Шейззакса!

— И сделали тебя рабом, я знаю, но ты отвоевал кровью свою свободу на арене Сердца Мира. Ты стал свободным.

— Шейззакс убил надсмотрщиков после боя. Они не хотели держать слово.

— Мне известно, почему ты скрываешься. Мне потребовались все мои связи, чтобы найти тебя. Хвала Огненному Богу, что ты здесь.

— Что тебе нужно, Сын Бога? Чтобы Шейззакс снова проливал кровь ради твоего веселья?

— Нет. Веселье скоро кончится, — ответил Анкхарат. — Я знаю, что Львы Пустыни движутся к Нуатлу.

— Львы только лгут и убивают!

— Знаю. Я буду убивать Львов вместе с тобой, если понадобится. Но сейчас я здесь не для того. Тебе известно о нашей Церемонии очищения огнем?

Шейззакс не успел ответить. За него это сделала Эйкинэ:

— Нет, — ответила она, выходя из тьмы. — Шейззакс плохо разбирается в местных традициях.

— Эйкинэ! — вскричал Анкхарат.

— Женщина! — взревел черный великан. — Тебе не место здесь, когда мужчины говорят о крови!

— Вы здесь оба под моей крышей, это мне решать, где мне быть, а где — нет, — заметила Эйкинэ. — Анкхарат, я расскажу Шейззаксу о Церемонии, что ему нужно знать. Сейчас твои объяснения затянулись бы. Что ему нужно знать, кроме этого?

Анкхарат собрался с мыслями.

— В этот день прольется кровь, и прольется она не среди Львов. Первая кровь прольется среди сыновей Бога.

— Ты уверен? — прошептала Эйкинэ.

— Если бы я не был уверен, стал бы я пить твое дрянное вино два дня кряду?

— Сын Бога хочет, чтобы Шейззакс был на его стороне? — громыхнул гигант. — А что Шейззакс получит потом?

— Свободу.

— Свобода у него уже есть, — сверкнул белыми зубами Шейззакс. — Шейззакс уходить сегодня и оставаться в живых, верно? Но если Шейззакс будет здесь, то поднимет топор за Сына Бога и прольет кровь других сыновей. Это смерть. Это гнев Богов.

— Я сделаю все, что нужно, Шейззакс, если… — Анкхарат запнулся. — Если и сам выживу.

— Шейззакс поможет тебе выжить. За это он хочет женщину.

— Что? — опешил Анкхарат.

— Эту женщину, — гигант указал на Эйкинэ.

— Вот снова ты за старое! — взвилась та. — Нашел, что просить, дубина обгорелая!

— Эйкинэ, что происходит? — спросил Анкхарат. — Я не совсем понимаю, что он хочет.

Эйкинэ тяжело вздохнула, сложив руки на груди, и смерила обоих мужчин гневным взглядом.

— Значит, тебе, Шейззакс, я расскажу про Церемонию, а тебе, Анкхарат, про нас двоих. Потом. Когда ты придешь в следующий раз. Это долгая история. И еще более запутанная, чем наши традиции.

— Ладно, — кивнул Анкхарат. — Теперь мне пора.

— Ты будешь в Сердце Мира до Церемонии? — спросила Эйкинэ.

— Нет. Я вернусь в Речные земли.

Черный гигант нахмурился:

— Шейззакс нужен Сыну Бога в Речных землях?

— Нет. Там у меня армия, которая меня защитит. Ты нужен мне здесь.

— Шейззакс будет здесь.

— Тебе нужно привести в порядок одежду, — подала голос Эйкинэ. — Ты измазался, пока полз.

Анкхарат смерил ее с ног до головы. Ее одежда была в полном порядке. Запасной вход точно имелся. Хозяйка Дома Наслаждений улыбнулась:

— Да, есть другой вход. Но ты напугал меня, Анкхарат, я должна была отомстить. Пойдем, я покажу выход.

— Прощай, Шаззакс.

— Прощай, Сын Бога.

Они пожали друг другу руки. Анкхарат впервые видел ладонь мужчины, едва ли не вдвое больше своей.

— Я с тобой не прощаюсь, Шаззи, — ткнула гиганта под ребра Эйкинэ. — Тебя еще ждет лекция о традициях Нуатла. Аха-ха, сколько времени ты избегал этого! Зря я что ли просиживала за древними свитками, пока обучалась.

Глаза гиганта заблестели.

— Шаззакс будет ждать свою жрицу, — он поклонился ей.

Эйкинэ повела Анкхарата к стене, которую обогнула, потом наткнулась на еще одну, прошла вдоль нее и снова вывернула в пространство между стен. Она шла быстро, Анкхарат понимал, ей очень хотелось поскорее вернуться назад.

Она забыла о том, что предлагал привести в порядок его одежду. Он решил, что ему плевать на испорченную одежду. Он поднимется на крышу и свистом призовет орла, который должен был держаться неподалеку. И вскоре уже будет дома.

Где его ждет избранница, в чьей постели он так и не был ни разу со дня ритуала Матери. Анкхарат мысленно вознес краткую молитву Богу Огня. Его отказ от избранницы мог привести к гневу Богов. В своем соревновании Асгейрр учел и то, что нельзя совсем отказаться от избранной женщины.

От мыслей о навязанной ему женщине у Анкхарата еще сильнее разболелась голова. Хотя, скорей всего, виной тому было выпитое вино. Хвала Богам, он уже начал трезветь. Иначе в седле не удержаться.

Айкинэ привела его по внешней лестнице, вырубленной

снаружи в стене дома, на плоскую площадку на вершине. Дул ветер. Она зябко поежилась и обняла саму себя руками. Ее огненные локоны трепетали на ветру, как языки пламени.

От ее веселья не осталось и следа.

Анкхарат понимал ее чувства. До жрицы стал доходит смысл его слов, сказанных Шейззаксу, о Львах и о грядущей битве между Сыновьями Бога.

Анкхарат свистнул. Он стоял рядом с женщиной и смотрел на притихший город. Вдали у подножия горы ярко освещали факелами Третий круг города, к которому вели мосты из орихалка. В котором даже стены домов покрывали этой наиценнейшей рудой. В глубине горы, сейчас скрытый, был вырублен Храм Бога Огня, где все предметы были покрыты или созданы из орихалка. Когда в дни Церемонии Очищения огнем зажигались все факелы, то от невыносимого блеска и яркости обстановки Храма слезились глаза.

Анкхарат до последнего не верил, что именно Храм Бога Огня выбран Асгейрром как место, где прольется кровь братьев. Долгие дни Анкхарат надеялся, что полученные им данные ошибочны.

Но Асгейрр выдал самого себя, когда придумал этот спор, который призван убрать их жен из Сердца Мира еще до начала Церемонии. Это не могло быть обычным совпадением.

Вот почему Анкхарат решил не терять время зря, а подготовиться.

— Что будет со всем… этим? — спросила Эйкинэ рядом с ним. — Что будет с городом, если сюда придут Львы? И если… если братья поднимут оружие друг против друга? Что будет с этим миром?

— Он изменится, — ответил Анкхарат и спросил: — Зачем ты послала мне девушку в первую ночь после ритуала Матери, Эйкинэ? Ведь это вопиющее нарушение традиций для жрицы.

— Может быть, мне хотелось проверить на деле, действительно ли каждая женщина может родить сына после… всех этих жертв, — добавила она тише.

— Ты тоже не веришь, что мы должны сжигать этих краста. Я прав?

— Поэтому-то меня и изгнали из жриц. Слишком многое я поддавала сомнению.

Орел приземлился почти бесшумно.

— Прощай, Эйкинэ. Воспитай моего сына хорошо, если вдруг окажется, что Боги принимают наши жертвы.

Жрица расхохоталась.

— Иди и сделай себе нового, дело нехитрое!

Анкхарат поднялся в седло.

— Стой! — вдруг воскликнула жрица. — Совсем забыла! Твоя избранница действительно несет наказание молчанием?

— Да.

— О, пока она молчит, ты счастливейший из мужей, Анкхарат!

— Да, — повторил он.

— Тебе ведь известно, что ты в любой миг можешь попросить любую жрицу снять это проклятие?

— Да.

— Я вижу, ты не очень хочешь говорить об этом.

— Да, — с улыбкой повторил Анкхарат.

— Тогда прощай.

— Прощай.

Анкхарат ударил птицу в бока, и они поднялись в небо.

Конечно, он не собирался следовать совету жрицы. Если миру, который они знают, суждено изменится, то вряд ли эти перемены пройдут без кровопролития. А если Сердце Мира падет под натиском Львов Пустыни, то Львы не оставят в живых ни одного наследника сынов Бога.

Асгейрр не мог не знать об этом, когда предлагал условия спора. Но Асгейрра никогда и не волновали дети, гораздо больше его интересовало «дело нехитрое», как выразилась Эйкинэ.

Анкхарат быстро добрался до дома. Стояла глубокая ночь, его избранница, должно быть, спит одна на огромной кровати.

Она была четвертой, кто оказалась в этом доме. Четвертая его избранница с мига, когда Анкхарат достиг подходящего для участия в ритуале Матери возраста.

Как он старался с первой! Как стремился умилостивить Богов… Сколько жизней он отдал им тогда, на пару с Асгейрром? Они были воодушевлены, они едва стали мужчинами. Они часто летали за океан и жгли целые деревни краста, надеясь, что Боги примут их подношения и пошлют им сыновей.

Боги ответили только Асгейрру.

Сын Анкхарата оказался слаб и умер. Других у него так и не было.

Возможно, это и зародило в нем сомнения. Анкхарат не был жесток. Убийства дикарей не возбуждали его, он не несся после них, перемазанный их кровью и сажей костров, к избранной женщине, как поступал Асгейрр. Не избивал своих женщин и не унижал их только потому, что выплеснутая наружу мужская сила даст жизнь сильному сыну.

Его сын действительно оказался слаб. Возможно, в этом действительно виноват Анкхарат. Но он не мог поступать иначе.

Еще в воздухе Анкхарат заметил на пороге своего дома

мужчину с факелом. Рядом с ним стояла деревянная клетка почти с него ростом.

Это был десятый сын, молодой и любвеобильный Аспин.

Анкхарат велел птице камнем броситься к земле. Он едва ли не на лету спрыгнул наземь и крикнул:

— Что тебе здесь надо?!

— Приветствую второй брат… — забормотал Аспин. — Асгейрр волнуется… он хотел уточнить, понял ли ты условия соревнования, ведь ты… ну тебя… видели в Доме Наслаждений, понимаешь, Анкхарат?

— Вон из моего дома!

— Ты не должен терять силу в Домах Наслаждений, Асгейрр говорит…

— Мне плевать, что говорит Асгейрр! — взревел Анкхарат. — Убирайся и подарок свой забери!

— Это жертва богам, — обернулся к клетке Аспин. — Это котенок зубастой кошки. Ты окропишь его кровью алтарь Бога и к тебе вернутся потерянные в Доме Наслаждений силы.

— Котенок? А почему бы мне сразу не уступить свою избранницу и ее ложе, тебе, Аспин? Ты на кого потратил свои силы? На свою или на избранницу Аталаса? Или на обоих сразу?!

Аспин вспыхнул до корней волос.

— Я просто хочу помочь, Анкхарат.

— Аталасу ты помог. Я справлюсь сам. Убирайся и кота тоже забери.

— Ты должен принести жертву.

— Почему не кто-нибудь из краста? Я ожидал от Асгейрра большего.

Аспин смешался, не зная, что ответить.

— Я… ну… не знаю… мне велели передать кота. Не гневи Богов, Анкхарат, окропи его кровью алтарь…

— Выпускай!

— Что?

— Открой клетку. Нож у меня с собой. Давай. Если я убью кота, ты уйдешь? Или мне все-таки провести тебя в спальню самому, пока ты не забрался туда под покровом ночи?

— Я никогда… никогда не позволю себе, что ты, Анкхарат…

— Открывай тогда. С меня хватит.

Аспин развязал дверцу, толкнул ее ногой и отпрыгнул в сторону. Из клетки раздалось рычание. Когтистая лапа полоснула воздух и тут же исчезла в недрах клетки.

Анкхарат достал из набедренного крепления нож. Обсидиан сверкнул наточенным острием. Он занес его для удара и аккуратно приблизился к клетке.

Вдруг на его руке повисла женщина. Анкхарат не сразу узнал ее. Конечно, ее ведь вымыли от ритуальной краски, а он ни разу не видел ее после.

Она цеплялась за его руку с ножом, но он отряхнул. Она отлетела в сторону, неловко упала, потому что не воспользовалась руками, которыми держалась за меховое одеяло, обмотанное вокруг тела.

Она под этим мехом голая? Так из кровати и выпрыгнула в чем мать родила?

— Что тебе надо, женщина?! — спросил он и только потом вспомнил, что она не сможет ему ответить.

Она не растерялась, указал пальцем на кота, на нож и яростно потрясла головой. Золотые волосы рассыпались по плечам. Шкура едва прикрывала ее бедра и то и дело норовила соскользнуть с груди.

Анкхарат посмотрел на Аспина. Тот заворожено наблюдал за незнакомкой. Вот уж чего не хватало, так этого!

— Пошел вон, Аспин. Сейчас же! Иначе я окроплю алтарь твоей кровью, а не кошачьей!

Аспин оторвал взгляд от женщины, свистнул и на лету запрыгнул в седло. Он еще выделывается, крастово отродье.

Анкхарат пнул ногой распахнутую дверцу клетки. Итак, она не хочет, чтобы он убивал кота. Приехали.

— Зурия! — оглушительно рявкнул он.

Жрица тут же суетливо выбежала из-за угла дома. Значит, все время была здесь. Подслушивала.

— Здесь кто-нибудь появлялся, пока меня не было?

— Не… нет.

— Кто-нибудь из братьев?

— Нет. Нет! Только сейчас, вот.

— Собирайся. Утром мы возвращаемся в Речные Земли.

— А с этим котом что делать?

— Ей отдай, — Анкхарат кивнул на девушку.

Она уже поднялась на ноги и с озадаченным видом вслушивалась в их разговор. С ее немотой, наверное, нужно что-то решить. Если не дай Боги что, она ведь даже позвать на помощь не сможет.

— И Зурия…

— Да?

— Сними с нее проклятие. Только не сейчас! Завтра. Сегодня с меня достаточно. Где мне лечь спать?

— А вы разве…

— Я спрашиваю, ГДЕ?

— В комнате под крышей, — жрица поклонилась.

— Спасибо. У нее есть одежда?

— Да.

— Хорошо, значит, найди ей такую одежду, чтобы вообще не было видно голого тела. И следи, чтобы она носила только такую одежду. Всегда. И особенно, если я буду рядом. Да. Особенно, если я.

Проклятье, лучше бы ее не отмывали от глины!

Глава 18. С вещами и котом на выход

На следующее утро я проснулась ни свет, ни заря. Провозилась с креплениями платья на шее, но все-таки натянула его на себя так, чтобы оно не соскользнуло в неподходящий момент к моим ногам, и пошла знакомиться.

С котом.

Если только Анкхарат не передумал и не убил его позже, пока я спала. Поэтому я побежала.

Кем был наш ночной посетитель, догадаться было несложно — одним из десяти братьев. А вот ответить который и зачем он вообще приходил, уже было сложнее. Я помнила его по ритуалу, как он зачарованно наблюдал за танцующими девушками. Внешне он казался моложе Анкхарата, но, может быть, это внушительная борода прибавляла Анкхарату еще десять лет сверху. У ночного посетителя бородка была редкой, к тому же светлой. Ну, они все были блондинами, но волосы Анкхарата были скорее темно-русыми, чем цвета сухой пшеницы.

Интересно, а ножницы уже изобрели? Хм.

Клетка стояла там же, во дворе, где ее и оставил незваный гость. По реакции Анкхарата было понятно, что он не сильно обрадовался брату. Как и животному в клетке. Интересно, почему?

Я села наземь перед клеткой. Зверь внутри зарычал.

Клетка была сплетена из лозы, эдакая большая квадратная корзина с промежутками между прутьями. А кот внутри был почти размером с эту корзину. Животное провело ночь без еды, воды и движения, понятно, что настроение с утра у него ни к черту.

Нельзя было держать и дальше его в заточении, но где его выпустить так, чтобы он не сбежал? Дверей-то тут нигде нет.

Купель с горячим источником, осенило меня. Там были небольшие каменные отсеки ниже уровня земли, каждый со своей каменной ванной и огражденные друг от друга. А спускались туда с помощью приставной деревянной лестницы.

В самый раз!

Осталось только разобраться, как дотащить до туда кота. Ночной гость ведь тоже как-то притащил ее сюда? Я обошла клетку и нашла то, что искала — тянущиеся издали следы. Снова пригнулась к земле и увидела с десяток маленьких кое-как сработанных деревянных колес. На них набрались комья грязи и

травы. Похоже, ехать она будет с трудом. Колеса нужно отчистить. Я попробовала сковырнуть грязь палкой, что подсохло, то сбить и удалось.

Потом я потянула клетку на себя. Зверь зашипел, но я стояла сзади — увидела только, как рыжий хвост задрожал мелкой дрожью. Как я спущу-то клетку вниз? Ладно, подумаю об этом на месте.

Будем решать проблемы по мере их возникновения.

Клетку я все-таки дотолкала. Несколько раз, правда, пришлось останавливаться, чтобы счистить сбившуюся под клеткой землю, но в целом конструкция клетки на колесиках превзошла все мои ожидания.

Я втолкнула клетку в каменный проход, по каменному полу она проехала резво и пришлось даже догонять ее, чтобы кот не рухнул раньше времени со стены в купель. В грязи я измазалась и сама, а за клеткой по чистому мрамору пролегли грязные полосы.

Нужно будет помыться после того, как выпущу зверя на волю. А пока осмотрю лестницу и сами купели. Крыша построенного в виде пирамиды здания сужалась кверху, макушка пирамиды была как бы срезана. Туда-то и поднимался влажный горячий пар. Четыре купели были выстроены в ряд, между ними легко можно было пройти к другой стене пирамиды, вдоль которой располагались каменные лежаки. Может быть, для массажа, может быть, для чего-то еще.

В каждую купель вела деревянная лестница, которую при желании можно было поднять. У меня желание имелось.

Я подошла к ближайшей купели.

И замерла.

Внизу в бурлящей, серной воде, раскинув руки вдоль каменного бортика, лежал с закрытыми глазами Анкхарат.

Черт.

Одежды на нем само собой не было. Плавок, наверное, еще не изобрели. Да и не ходят в плавках мыться. А это… ну, это не общественный бассейн. Это скорее ванные.

Я на цыпочках отошла от края купели. И вспомнила, что гремела клеткой и вообще не скрывала своего присутствия. Он не мог меня не услышать до этого, так что я давно должна была быть разоблачена. Я снова заглянула за край, вгляделась в его лицо.

Анкхарат спал.

Только глядя на него сейчас, когда он находился в спокойной безмятежности, я вдруг поняла, что… ну, что до этого мне не встречались настолько красивые мужчины. Разве что тот, черный всадник, но он не считается. Он ведь из этих, даже одной крови с Анкхаратом или нет, разберусь, если повезет.

«Десять близнецов мужского пола…», — сказал мне во сне Питер. Он не успел сказать мне большего, меня разбудили крики Анкхарата. Может быть, не проснись я, он рассказал бы мне, в каком историческом периоде я очутилась. Может быть, выслушал бы историка-дилетанта, каким была я.

Вчера мне хотелось придушить Анкхарата, я мчалась по коридорам с одним только этим желанием. Его обаяние коварно подменило в моих воспоминаниях того единственного, которого я никогда не хотела забывать. Но забыла.

Если бы Анкхарат каким-то чудом жил в нашем мире, он бы никогда не взглянул бы на такую, как я. Ни при каких, самых сумасшедших стечениях обстоятельств, мы не стали бы парой. Этот мир был раем для Золушек, мечтавших о принцах. Правда, вместо белого коня у них имелся белый орел. Невелика разница, если честно.

Сон преобразил лицо Анкхарата. Безмятежность и расслабленность были словно бы тем, чего он не позволял себе в обычной жизни. Например, вчера ночью, когда он с перекошенным от ярости лицом вытащил нож, собираясь зарезать кота. Когда исподлобья глядел на младшего из джанкойан одоран. Когда приказывал что-то Зурии перед тем, как уйти. Не знаю, каким чудом я вчера уснула. Я знала, что он в доме и что он имеет полное право прийти в мою спальню. Но все-таки уснула. А он так и не пришел.

Может быть, я и в этом-то мире не очень ему нужна? Я ведь не думала о таком, решила, что стоило полоснуть по вене ножом и смешать кровь, то все, «жених и невеста, тили-тили тесто»?

У него ведь кто-то может быть. Не жил же он все эти годы, целомудренно дожидаясь встречи со мной?

Мне стоит, наверное, развернуться сейчас и убраться восвояси, чтобы не глазеть на его обнаженную грудь, на руки, на… хм… все прочие достоинства Анкхарата. Будь он мужчиной из моего мира, все было бы проще. Здесь — нет. Нельзя бросаться на первого встречного и видеть в нем принца. Нельзя во всем верить Диснею. Иногда чудовища не превращаются к принцев. Просто о таких некому рассказывать сказки, убитые красавицы не слишком-то разговорчивы.

Я могла бы скинуть платье, спуститься к нему и разбудить его получше всякого будильника, но блин… Я коснулась шрама на правой руке.

Посмотрела на руку Анкхарата.

Несмотря на жару, меня прошиб озноб. Еще мгновение назад я могла бы уйти, но сейчас я спущусь. И не для того, чтобы раздеваться.

Я аккуратно ступила на лестницу. Та скрипела. Ей-то нечего было скрывать. У меня душа в пятки уходила каждый раз, стоило наступить на новую ступень.

Я надеялась, что разгляжу издали, но нет. Я пробовала и так, и так, но до конца не была уверена в том, что это не обман зрения. Нужно подойти ближе.

Не смотреть, главное не смотреть в воду. Иду по стеночке, тихо, но чертово платье шумит, как обертка от конфет в театре во время представления. Сбегать поздно, если я припущу обратно, то точно разбужу его.

Уже рядом. Так близко, что вижу бисеринки пота на медной коже предплечья. О, черт, он шевельнул пальцами? Или мне показалось?

Замираю на месте, но вытягиваюсь вперед и теперь вижу точно — три одинаковых шрама на правой руке. И рядом с ними свежая рана.

Сосчитать с первого раза не получается, три и один, боже, это значит…

Я у него четвертая.

Из меня как будто выбили весь воздух. Это как отворить подвал Синей Бороды.

Где остальные жены Анкхарата? Куда делись? Почему он меняет их так часто? И зачем заводит новых? Ладно, он заводит их не по собственному желанию, это ритуал такой, но… что если их убивают после? О боже.

Наверху истошно взвыл кот. Я подпрыгнула на месте.

Может быть, из-за жары или воду почувствовал бедняга. Но своим криком он совершенно точно разбудил Анкхарата. Я вжалась в стену. Прикрытие так себе, но другого-то нет. Если повезет, он выйдет из источника и уйдет, так и оставаясь ко мне спиной.

Анкхарат поднялся рывком. Инстинктивно сжал правую руку в поисках оружия, но рядом ничего не было. Это знатный промах. Судя по всему, в следующие разы Анкхарат будет принимать ванну вооруженным до зубов.

С моего места клетку не видно, а я стою дальше, значит, и ему не видно. Но кот решил помирать, так с музыкой и издал новый вопль. Как раз кота здесь быть не должно, Анкхарат это прекрасно понимает.

Анкхарат поднялся из воды во весь рост.

Я воздала хвалу всем Богам этого мира, что не способна издавать звуков. Даже самого жалкого писка.

Анкхарат не обернулся. Он пересек источник в два шага и запрыгнул на бортик с левой стороны, а от него рукой подать до

лестницы. Пусть он уйдет, о боже, только пусть он уйдет, молила я, кусая губы.

Но он обернулся. Уставился на меня, клянусь, квадратными глазами. Потом оглядел свое обнаженное тело и с недоверием уставился на мое платье. Он приподнял одну бровь, словно недоумевая, почему я одета, если он голый?

Он не собирался прикрываться. Краснеть. Взбегать вверх за одеждой. Он просто шагнул ко мне, как есть. А я старательно глядела ему в глаза, хотя, наверное, щеки у меня были пунцовыми.

К моему удивлению он развернул меня к себе спиной и проверил застежки на воротнике платья. Это как понимать?

Он что, не очень уверен во вчерашней ночи? Анкхарат шумно выдохнул, и все прояснилось. Кто-то вчера знатно перебрал, судя по запаху и потому, что он даже не уверен в том, что вчера было, а чего не было. А по застежкам он проверяет… не срывал ли он вчера с меня платье. Застежки там мудреные, я и сама с трудом с ними справлялась, а уж нетерпеливому мужчине и подавно недосуг разбираться с завязочками и костяными пуговицами.

На душе полегчало. Стало отчасти понятно и его вчерашнее вспыльчивое поведение. И то, почему он так крепко спал сейчас. Но я не собиралась облегчать ему задачу. Пусть помучается. Как удачно, что я не умею говорить.

Анкхарат остался озадаченным целостностью креплений на платье, но внешний вид моего платья заставил его нахмуриться. Я ведь измазалась в грязи, пока тащила сюда клетку. Кажется, Анкхарат решил, что ему пришлось тащить меня волоком, но потом я ему уступила и платье сняла сама. Настроение ему подобные размышления явно не улучшали.

Он схватил меня за руку и потащил к лестнице.

Одеваться-то он собирается или как?!

Анкхарат пропустил меня вперед. Я поднялась. Поднявшись следом, он, наконец, взял со скамьи свою одежду. Мои брови от удивления полезли вверх. Это была та же одежда, что и вчера, подпоясанная туника, и ткань на груди тоже была вся в засохшей грязи. Бурная у тебя выдалась ночка, Анкхарат. Кажется, я начинаю понимать, почему от тебя сбежали три жены до меня.

Он закрепил на талии ремень, такой же, как и мои, которые на меня надевала Зурия, только шире и камней на нем было больше. Пнул мимоходом ногой клетку и потащил меня под кошачий вой наружу.

О, котик, прости. Надеюсь, ты не сваришься раньше, чем я смогу вернуться.

Он ненадолго остановился между домом и купальнями и

быстрым движением стянул еще влажные волосы в хвост на затылке кожаным ремешком. Его движения снова стали резкими, прерывистыми, в них ощущалась грубость и сила. Губы были плотно сомкнутыми, еще чуть-чуть и он бы скрежетал зубами. От спокойствия и безмятежности сна не осталось и следа.

Это он такой нервный, потому что пьет, или пьет, потому что нервный?

Зурия тут же выскочила к нам на встречу. Ровнехонько в нужный момент, как и вчера. О, эта жрица не пропадет.

Анкхарат не отпустил моей руки. А еще и моя, и его одежда были не в лучшем виде. Зурия, кажется, тоже сделала соответствующие выводы. Когда она склонила голову перед Анкхаратом, я заметила, что она едва-едва, но улыбается.

Анкхарат процедил приказ. Зурия кивнула и обратилась ко мне:

— Говори.

Я потрясла головой, но она настойчиво повторила:

— Говори.

— Но я… — я осеклась.

Жрица только что вернула мне дар речи. Уже только ради этого стоило закатить вечеринку, но было кое-что еще. Еще более неправдоподобное и невероятное.

Я посмотрела на Анкхарата.

— Она может говорить или нет? — сурово спросил он Зурию.

— Может.

— Тогда почему она молчит?

Зурия пожала плечами. Я выдохнула:

— Я… Я понимаю вас!

Анкхарата с Зурией не проняло мое потрясение. А оно только усилилось, потому что… о клянусь, умом я понимала, что говорю на иностранном языке, но слова произносились так же легко и непринужденно, как на родном русском.

— Я не знала ваш язык, — попыталась объяснять я. — Эйдер Олар учил меня по дороге.

— Он хорошо обучил тебя, — отозвалась Зурия.

— Нет, он… я бы не выучила язык в дороге, — произнесла я и тут же сбилась, потому что без всякой запинки произнесла только что невероятно сложную конструкцию, и сама испугалась своих знаний и способностей.

Удивительный мир, в котором еще существует магия. Невероятно. Похоже, Зурия не знала, что когда снимается заклинание немоты, то после человек начинает говорить и понимать язык Нуатла. Да и откуда ей было знать, ведь наверное ей не попадались еще такие путешественники во времени, как я?

— Тогда как ты понимаешь нас? — нахмурилась жрица, но Анкхарат прервал ее:

— После. Идем со мной.

Он только сейчас заметил, что все еще держит меня за руку. И тут же разжал пальцы.

Как так, после всего, что у нас было, Анкхарат?

Я чуть не произнесла это вслух. Надо бы привыкать, что я теперь говорю как уроженка нуатла. Интересно, хотя бы акцент какой остался?

Анкхарат двинулся вперед, обратно к купальням. Мне столько нужно было спросить у него, пока я была нема, почему же сейчас не могу вспомнить ни одного вопроса? Да и как начать? С чего начать?

Немой быть проще.

— Ты была со мной прошлой ночью? — вдруг бросил через плечо Анкхарат.

С места в карьер, прямолинейный ты мой.

— Нет.

Он резко затормозил и обернулся:

— Нет?

— Нет.

Он переварил мой ответ и пошел дальше, уже медленнее.

— Зачем ты пришла ко мне?

— Я не знала, что ты там.

— Но ты не ушла, когда узнала?

— Нет.

— Почему?

Прямолинейность? Что ж, хорошо.

— Я увидела твои шрамы. На руке.

Он мельком глянул на них.

— И что?

— И что?! — переспросила я. — У тебя было три избранницы до меня.

Избранницы. Почему я так сказала? У них в речи нет слова «жена»? Похоже, что нет. Забавно.

Он опять остановился.

— Да. И что?

— Что с ними случилось?

— Хочешь узнать, живы ли они? Да. Живы.

— И где они?

— На Острове.

Черт, да из тебя щипцами каждое слово тянуть надо!

— Почему они на Острове?

Он облизнул губы.

— Где Эйдер Олар нашел тебя?

Меняешь тему, Анкхарат? Ладно.

— На тропе Восходящего солнца.

Ух ты! Она так называется? Круто.

— И как ты там оказалась?

Похоже, мы поменялись ролями.

— Случайно, — ответила я.

— Случайно? — мягко переспросил он и тут же рявкнул: — Отвечай на мои вопросы! Откуда ты родом?

— Из… далёких земель.

— Это не ответ, — закипал он.

В нуатле не было понятия «времени», я знала, что хочу сказать правду: так и так, я из другого времени, сделай мне скидку, в ваших традициях я ни в зуб ногой, — но ничего из этого сказать не могла. Ни скидки, ни времени, ни зуб ногой. Только традиции были в моем лексиконе.

— Я не знакома с традициями Нуатла. Совсем. Мои предки жили… очень далеко от Нутала.

Материка у них тоже нет. Да как же обозначить тот регион?

Анкхарат внимательно слушал.

— Очень далеко от Нуатла живут племена краста. Ты явно не из них.

Неандертальцы. Так они называют неандертальцев, ага, я действительно не из них. Ведь вы их всех перебьете в скором времени.

— Это сложно объяснить, — сдалась я. — Просто поверь.

Похоже, Анкхарат решил оставить выяснение этого вопроса на потом, как я тот, с тремя женами.

— Почему Эйдер Олар привел тебя на ритуал Матери? — на этот раз спросил он. — Что он обещал тебе? Золото? Дары? Что?

Может и обещал, только я тогда его речь не понимала.

— Ничего не обещал. Я не знала, куда он меня вел.

— Невозможно, — прошептал он.

Да ладно, Анкхарат, не сошелся свет на ритуале Матери и традициях Нуатла, ну почему тебе так сложно поверить в то, что я могу не знать о них?

А хотя, ну да… Может быть и понимаю. Его мир крошечный. Он не знает о существовании материков и целых океанов, может быть, считает, что землю держат на своих плечах атланты или даже черепаха. Он всю жизнь воспитывался в центре этих ритуалов, ну как далеко он улетал на своем орле от Нуатла? Вряд ли сильно далеко селений тех же краста, значит, сам Нуатл для него и есть пуп земли. Все вертится вокруг него и его традиций. Ведь остальные миры для Анкхарата просто не существуют. Это

иное восприятие мира, в силу обстоятельств и времени, оно у него такое. И если я оказалась где-то неподалеку от Нуатла, то я также должна была родиться где-то в тех краях, а значит, услышать рано или поздно об их традициях. В те времена не было путешественников. Они не приходили издалека. Человек жил и умирал в одном месте и так много веков подряд.

К тому же, он подозревал меня в сговоре с Эйдером Оларом.

Рассказать ему правду? Ну, а как иначе, если я начну лгать, то станет только хуже.

И я решилась:

— Первыми меня нашли люди из племени краста. Это был берег… — Я порылась в памяти, но, очевидно, названия у этого берега не было. — Они спасли меня от исчадия болот, — о мой Бог, это крокодила они так зовут?! — И потом повели меня дальше, к тропе Восходящего солнца.

Вот странно, они вряд ли называли солнце солнцем, но иного имени у этой звезды по версии Нуатла я не знала.

— Потом… я попыталась сбежать от них, но… вернулась предупредить, что исчадие болот вот-вот атакует их лагерь.

— Предупредить их? — искренне удивился Анкхарат. — Исчадия болот едят выродков, их не нужно спасать от этого. Это их судьба.

— Мои предки считают иначе.

Анкхарат выглядел потрясенным.

— Твои предки спасают краста?

— Мои предки спасают невиновных и предупреждают тех, кто не знает об опасности, если могут.

Кажется, именно после этих слов он впервые поверил мне, что я действительно родом с далёких-далёких от Нуатла берегов.

— И что потом?

— На нас напали исчадия болот, мы отбивались, но силы были неравны, пока не появился Эйдер Олар и его огонь. Он-то нас и спас. И когда явился один из Сыновей Бога, его помощь уже не понадобилась.

— Кто? — выдохнул Анкхарат.

Прямо-таки время открытий для Анкхарата. После каждой моей фразы он выглядит ошарашенным.

— Я не знаю его имени. Но он вывел Эйдера Олара на арену в день ритуала Матери.

Анкхарат скрежетнул зубами.

— Асгейрр, — прошипел он. — Он был верхом на орле?

— Да. Весь в черном. И он… — я запнулась.

— Что?

Похоже, я сильно не понравилась тогда Асгейрру, если он

назвал меня… неандерталкой.

— Он назвал меня краста, когда увидел, — ответила я. — А Эйдер Олар сказал ему, что я избранница Сына Бога.

«Mastea» вовсе не означает жена, как я думала, ведь такого слова и нет в их лексиконе.

— Эйдер Олар не ошибся, — кивнул Анкхарат. — Ты стала избранницей Сына Бога.

— Почему ты выбрал меня?

— Эйдер Олар был жрецом в моих землях. Он верно служил мне и Богу Огня. Он бы не стал нарушать традиции просто так. Но я не успел узнать правды.

— И ты выбрал меня, чтобы узнать правду от меня.

— Да, только Эйдер, похоже, утаил правду и от тебя. Я надеялся, на обратное.

Любовь с первого взгляда. Ха.

— Зачем ты пришла ко мне утром?

Вернемся к нашим баранам, как говорится.

— Я хотела выпустить кота. Он не может сидеть вечно в клетке.

— Так пусть сдохнет. Выпускать его зачем?

— Мои предки… — глубоко вздохнула я.

— Что, твои предки и котов не убивали?

Таких котов вы нам и не оставили, ну да ладно.

— Некоторые убивали. Но большинство выступало против жестокого обращения с животными.

Анкхарат глядел на меня, как на сумасшедшую.

— Жестокого обращения с животными? — повторил он. — Разве животные отличают жестокость от нежестокости?

— Ты удивишься, но да. Отличают. Мои предки в это верят.

Он двинулся в сторону купален, но на этот раз молчал до самого входа. И там бросил как бы невзначай:

— Мы уезжаем сегодня в Речные Земли.

— Я беру кота с собой, — тут же среагировала я.

— Этого я и боялся.

— Ему нужна клетка побольше.

— Спросишь Зурию. Она может достать все на свете, если хорошо попросить. Мы с тобой улетаем сегодня, она поедет с вещами…

— … и котом, — вставила я.

— И котом, — вздохнул он. — Аспин привез его в качестве жертвы Богам, твои предки расценили бы это, как жестокое обращение с животным?

— Еще бы.

— Странные люди.

— Анкхарат?

— Да?

— Ты знаешь, как меня зовут?

Он не протянул мне руки, не улыбнулся. Он пожал плечами и ответил, не оборачиваясь:

— Мне все равно, как тебя зовут.

Эти слова встали поперек горла, но я не уже могла не назваться. Я-то ждала, что-то вроде «Ах да, нас ведь поженили, но не познакомили».

— Меня зовут Айя, — глухо произнесла я.

Черт, ну почему Айя, а не Майя? Что с моим именем не так?

— Как скажешь, — отозвался он. — Иди, предупреди Зурию о клетке, я буду жду тебя на крыше.

Я развернулась, но услышала, как он крикнул мне в след:

— Айя!

— Что? — обернулась я.

— И попроси у Зурии другую одежду. Я предупреждал ее вчера. Она поймет.

Наивная, я ведь думала, что Зурия выдаст мне костюм для верховой езды. Как бы не так. Она выдала мне безразмерный балахон цвета половой тряпки. Никаких украшений, никаких расшитых поясов.

— Что это? — ужаснулась я.

— Хозяин приказал, — отозвалась она, собирая мои волосы под видавший виды платок.

Глава 19. Полосатый Швинн

Время в Речных землях бежало быстрее.

Я решила заново вести календарь от первого дня прибытия в родовые земли Анкхарата. Не успела я и глазом моргнуть, как первый месяц оказался позади. За ним последовал и второй.

Это наводило на мысль, что мои ощущения могли обманывать меня и, вероятно, я провела на землях Нуатла гораздо больше времени, чем мне казалось. Хотя прямых доказательств тому не было. Еще недавно мне казалось, что я, конечно же, навсегда запомню, за сколько дней мы с Эйдером Оларом добрались до Сердца Мира или в какой из дней мы настигли лагерь погонщиков слонов. Но в Речных землях хронология событий постепенно стала забываться.

Я помнила, что крокодилы напали на нас в первую же ночь, а дальше, что называется, путалась в показаниях.

Жители Нуатла вели собственный счет от значимых событий, так Анкхарат знал, сколько осталось до Церемонии Очищения огнем, и ежедневно напоминал солдатам об этом. Как я поняла, эта Церемония была невероятно важным событием. И к тому же опасным, если вынуждали Анкхарата провести сбор собственных войск.

Дни Анкхарата в Речных землях начинались с тренировок. Когда я впервые поднялась, разбуженная криками, то решила поначалу, что началась война. Отчасти так и было. Во внутреннем дворе, образованном стенами четырех пирамид, толпились вооруженные мужчины. Каждое утро они громкими криками приветствовали Анкхарата и после начинали тренировки. Они продолжались от рассвета до заката. Иногда даже ночью.

Это было единственное время, когда я могла беспрепятственно наблюдать за Анкхаратом. Спать под крики и звон оружия все равно не удавалось. Да и сна в Речных землях мне уже меньше требовалось.

Я выходила на каменную террасу и наблюдала за ним до завтрака.

В языке нуатла не было понятия «завтрак». В моем сознании довольно причудливо смешались сленг двадцать первого века с первобытным наречием божественных потомков. Иным словам просто не было аналога, другие я с горем пополам все-таки переводила. Зурия заинтересовалась феноменом моего ускоренного изучения неизвестного до сего момента языка. Она даже устроила консилиум других жриц и жрецов Речных земель и попросила меня выступить перед ними на исходе первого месяца.

Мы сошлись на том, что и жрецам я расскажу, что прибыла с далёких берегов Нуатла и не стану пугать людей существованием неизвестных им земель. Особенно, если учесть, что внешне я подходила под описание «достойных кандидаток в избранницы для Сыновей Бога». Это испугало бы жрецов еще сильнее, потому что означало, что некие неизвестные потомки Богов могут жить и там, откуда я родом. Вообще они были твердо все уверены, что только Анкхарат, его девять братцев и другие «чистокровные сыновья» могли дать жизнь светловоловосым детям.

Рыжих сразу записывали в жрецы. Черноволосые отправлялись в армию, темнокожие обрабатывали землю и жили в пещерах вместо домов. Им вменяли родство с племенами краста и говорили о них шепотом, чтобы не прогневать Богов. И ни в коем случае не выказывали им уважения.

Каждый день Зурия рассказывала мне историю Нуатла и объясняла их традиции. Часть этой информации все равно не желала укладываться в моих современных мозгах. Но слушая об узаконенных религией убийствах, о человеческих жертвах, я лучше понимала, почему Анкхарат так удивился, узнав о том, что мои предки даже к животным не применяли насилия. Здесь жизнь человека, особенно низшего человека, не имела никакого значения. Они отдавали жизни Богу Огня, искренне веря, что Он вернет эти души очищенными и в новой плоти. Сжигая неандертальцев, нуатлийцы действительно считали, что творят добро, а дикари должны быть им благодарны за реинкарнацию. В следующей жизни, после костра, они родятся в новом теле и уже в Нуатле.

Из истории Нуатла я узнала о седой древности, когда на земле существовал один только Бог Океана до тех пор, пока из скованных льдом глубин не вырвался на свободу Бог Огня. Я воспринимала это как ледниковый период и, возможно, даже падение метеорита, которое изменило течение истории на Земле, но это могли быть и извержения вулканов. Но это происходило так давно, что голова шла кругом.

Боги Огня и Океана поделили землю между собой, Бог Огня разогрел воду, чтобы в ней зародилась жизнь, но кое-где он перестарался, и так появились горячие источники. Позже Бог Огня поднялся на небо, откуда стал наблюдать за людьми и их служению Огню. Проще говоря, стал тем самым солнцем на небосклоне, которого, очевидно, не было видно до этого в виду тотального оледенения. К тому времени, может быть, пыль, поднявшаяся в воздух из-за рухнувшего на землю метеорита или вулканический пепел от извержений, наконец, осели, и жизнь на Земле стала налаживаться.

Но до того как Бог Огня навсегда покинул землю, они вместе с Богом Океана задумали сотворить людей. Первым блин вышел комом. Созданные люди не чтили Бога Огня и вскоре были изгнаны из плодородных земель Нуатла в холодные края, где до конца жизни терпели бушевавшие там метели и ярость ледяной воды.

Переводя на нормальный язык, это означало, что или неандертальцам так и не удалось подчинить огонь или же неандертальцы не обладали способностью к магии, какая была у жрецов Нуатла, позволявшая им управлять стихией. Согласно легендам, изгнанные неандертальцы поселились вдали от зеленых лугов, где-то на границе ледника, который, если мне не изменяет память, получается, до сих пор сковывает земли Европы.

Первое в истории изгнание из рая, подумать только.

После неудачи Богам удалось создать идеальную… женщину. Но им никак не везло с мужчинами. Поэтому Боги решили, что это знак и сделали ее Богиней Матерью, а Боги стали братьями и ввели соревнования за право обладания ею. Боги дарили ей жизни краста, которые заполонили все ледяные просторы, и Бог Океана не отставал от брата в его жестокостих дарах.

Сколько это продолжалось неизвестно, но однажды братья решили, что они оба одинаково хороши, а значит, Богиня Мать не достанется одному из них, а каждый из них возьмет ее по очереди и каждый из ее сыновей станет равным перед другим. Они по очереди входили к ней каждые три года, и в итоге населили эту землю прекрасными и сильными людьми, в чьих жилах текла кровь Богов.

Эти мужчины, а рождались у Богини только мальчики на радость Богам, и были праотцами Анкхарата. Издревле их было десять и каждый из них наследовал в равной мере земли Нуатла, поделенные между ними.

От этих слов у меня кровь стыла в жилах, потому что они в точности повторяли слова Питера из моего сна, а значит, даже в наши дни какая-то часть этой легенды была известна широкой общественности. И если бы я ненадолго выбросила из головы велосипеды и гонки, то узнала бы от Питера много интересного. Но довольствоваться приходилось только сном.

Божественные совокупления и дали начало ритуалу Матери, проводившемуся… примерно раз в три года. Но здесь не исчисляли годы в привычном для меня понимании, разумеется. Высшая каста Огненных и Водных жрецов вели счет календарям в Храме Бога, и именно они сообщали общественности, когда приходило время для тех или иных ритуалов.

Когда Зурия попыталась объяснить мне основы их

летоисчисления, я поняла, что никогда в жизни не осилю всех тонкостей, и если бы каким-то непостижимым образом у меня в голове не появились знания о языке Нуатла, я никогда бы не разобралась в трех днях, трех парах по трем дням и так далее. Тройки множились и каждый последующий отрезок времени именовался иначе. Когда Зурия произносила «арбаз», я автоматически уже знала, что это означает «шесть дней», а когда «сайвер», что это «три года». Мой ум, заполучив благодаря магии неведомые знания, автоматически переводил их в понятные мне единицы времени. Уже легче, хвала Богам Нуатла.

Тем менее, я пользовалась и привычным для меня календарем, округлив для надежности все месяцы до тридцати дней. Мой организм был лучшими часами, и до тех пор, пока Анкхарат не интересовался мной, можно было не беспокоиться о том, что он даст сбой.

Ради женщин и по завету Богов, мужчины Нуатла проводили за пару дней до ритуала Матери скачки, соревновались в силе, заваливали женщин подарками.

И… тут я вспомнила о тех беременных женщин в повозке, и спросила Зурию об этом.

Оказалось, что самым престижным считалось накопить столько даров, чтобы до ночи Ритуала овладеть той, которая была уже отмечена даром Матери. Это было невероятно дорого, но мужчины шли на это, так как считалось, что такое действие подарит им силу и Боги точно наградят их сыновьями. Женщины шли на это, чтобы заработать. Некоторые теряли детей после таких ночей, но это означало, что женщина разделила свои силы между слишком многими мужчинами. В обычные дни перед беременными пиетета никто не испытывал. Они работали наравне со всеми, особенно в бедных племенах, и после родов, пройдя очищение огнем у жриц огня, они возвращались к своим обязанностям.

И вот тут Зурия стала рассказывать о том, отчего волосы у меня встали дыбом.

В Нуатле не было семей, как таковых. Отсутствовало само понятия — семьи, этой пресловутой ячейки общества. Здесь ее не было.

Допустим, было племя. В нем жили мужчины и женщины. Во время ритуала Матери племена приходили к соседям, соревновались в силе, кичились богатствами и урожаем, и выкупали одну-две девушки, сколько могли себе позволить. Первым с этими женщинами возлежал Вождь племени, затем его сыновья. Это повторялось до тех пор, пока женщина не беременела. Воины и охотники имели право спать только с уже

беременными женщинами, чтобы не растрачивать свои мужские силы попусту. Ну, а вдруг война, а он не отдохнувший…

Каждый мужчина Нуатла всегда верил и надеялся, что женщина носит его сына. Дочерей любили, но никогда не было точно известно, кто именно из племени был ее отцом, и значит… Если ее к этому времени не отдавали в другое племя, то да, первым был Вождь, затем его сыновья и так повторялось испокон веков.

Сыновья Бога придерживались той же схемы. У них тоже рождались девочки, разумеется. Их селили отдельно, поскольку в Сердце Мира могли жить только мужчины божественной крови. Девочки жили на острове, очевидно, на том самом острове, куда и угодили предыдущие жены Анкхарата.

Долгие годы братья, так или иначе, спали со своими сестрами, родными или же не очень. Я понимала, чем это чревато, но Зурия объяснила дальнейшее тем, что Сыновья навлекли на себя гнев Богов и те стали посылать им слабых сыновей, а одной ночью разбушевавшийся океан и вовсе стер с лица земли Солнечный Остров и всех населявших его женщин.

После жрецы долго умасливали Богов сменить гнев на милость, но океан бушевал, а еще на земли Нуатла впервые напали люди пустыни, прозванные Львами Пустыни. Они перешли из дикого и сухого края, в котором жили среди песков, а после таяния льдов на севере, вспоминала я уроки географии, на экваторе как раз таки и начали распространяться пустыни. Считалось, что когда-то давно вместо пустыни Сахара были леса и вполне себе плодородные почвы. Но климат менялся и все хорошее скоро кончилось. Судя по всему, даже я здесь, уже не застала тех лесов.

В дни, прозванные Гневом Богом, Львы Пустыни впервые проникли на земли Нуатла и воспользовались тем, что Сыновья Богов были ослаблены, рассказывала Зурия, и дошли до самого Сердца Мира. Война длилась долгие годы, пока однажды жрецы не сплотились воедино и не призвали на помощь стихии.

Все прибрежные зоны, которые находились в опасной близости к Пустыням и к землям племени Краста, в одночасье ушли под воду. Нуатл оказался отрезан от остального мира. Только по воле жрецов, в нужные времена, из-под океана поднимались тропы, по которым можно было проникнуть на остров или же покинуть его.

По такой-то тропе мы и шли с Тигром, Одуванчиком и Тиной Тёрнер, пока не встретили Эйдера Олара. Задача жреца и заключалась в том, чтобы скрыть под водой тропу после того, как им будут переданы дикарки, чью судьбу предрешит костер. В

какой момент Эйдер Олар сомкнул воды океана, я не знала, но очевидно, он сделал это без свидетелей. Если бы я увидела это тогда, то, наверное, тронулась бы умом.

Изолированный Нуатл быстро развивался. Климат и отсутствие громадных хищников, которым не было хода на остров с материка, запустили развитие цивилизации полным ходом. И пока остальные дикари Европы дрожали от холода в не отапливаемых пещерах, даже не способные зажечь огня, а на юге умирали от засухи и жажды Львы Пустыни, Нуатл жил себе припеваючи.

Пока Боги вновь не прогневались.

Никто не знал, почему гневались Боги, да и как было узнать, но воды Океана взбесились и добрались, как и армии захватчиков, до самых стен из орихалка Первого и Священного округа. Уцелел только Храм Бога, да и то, потому что оставался на горе.

И тогда одному из жрецов было видение о небывалой грядущей катастрофе, он просил других не трогать воды, дать им уйти самостоятельно, но жрецы его не послушали. Магия снова пришла им на помощь. Земли осушили магией.

А того жреца, которого никто не послушал, звали Эйдер Олар.

Это был первый раз, когда он пошел против большинства. Ему простили на первый раз. Но он никого не послушал и снова совершил нечто вопиющее, за что ему и сорвали рукава, в знак понижения в касте жрецов. Зурия не знала что. Даже ей он не рассказал всей правды.

После ночи ритуала Матери Эйдер был навсегда изгнан из Речных земель.

— Почему даже тебе? — осенило меня.

— Мы были жрецами Речных земель, наши дети должны были занять наши места, — ответила она.

На объяснение отношений между жрецами ушел еще один день. Оказалось, что жрецы, так же, как и Сыновья Бога, для сохранности рода, имеют право спать только друг с другом. В каждую из десяти областей Нуатла отправляю пару, которые дают жизнь нескольким детям, детей потом забирают в Храм Жрецов, где обучают всему необходимому, а по достижению нужного возраста они отправляются в родные для них земли служить тому из Сыновей, которым служили их отцы и матери.

— И у вас есть дети? — спросила тогда я.

— Двое, — ответила Зурия. — Но, наверное, у меня будут еще дети… Если Анкхарат выберет нового жреца. Рано или поздно он должен будет сделать это.

— Вот почему Эйдер передал меня тебе, в Сердце Мира, той ночью. Другая жрица не согласила бы провести меня на ритуал.

Зурия ничего не ответила. Только кивнула. Она верила в Эйдера, как и Анкхарат. И если он шел против течения, то значит, у него имелись на то свои причины.

Но они были известны одному только Эйдеру Олару.

Другого жреца Анкхарат подбирать явно пока не собирался. Ему вообще, по прибытию в родные земли, стало не до жрецов и не до меня. Его волновали только солдаты и тренировки.

Он метал копья вместе с ними, он устраивал для них гонки на лошадях, у двоих тоже были орлы и они часами летали, тренируясь в ведении боя в воздухе. Иногда они целыми днями не вылезали из реки, которая протекала неподалеку от родового поместья Анкхарата, и часто поднимались в горы, откуда со всего разбегу прыгали в воду.

Анкхарата я видела только глубокой ночью.

По правилам или традициям, он должен был хотя бы вечером делить пищу вместе со мной. Очевидно, предполагалось, что это настроит нас на соответствующий лад и заставит продолжить томный вечер уже в спальне.

Анкхарат набрасывался на мясо, рвал его руками и вообще пища его интересовал куда как сильнее, чем я. Несколько произнесенных фраз за ужин — считалось признаком отличного настроения. Но чаще он был мрачен и неразговорчив. Еще бы.

Его с ног до головы покрывали шрамы, свежие царапины, синяки и кровоподтеки. Он кривился от непрекращающейся боли в мышцах, когда вставал со стула. После еды у него подгибались ноги и он чудом не засыпал прямо за столом. Он поднимался к себе, и по каменному дому без окон и дверей через мгновение уже разносился его храп.

Многое прояснилось после рассказов Зурии. Я стала понимать Анкхарата и его отношения с женщинами до меня, хотя это никак не объясняло мне то, что происходило между нами. Мной он не интересовался. Не глядел в мою сторону. Обходил загодя окольными путями, стоило ему заметить меня.

Если бы не совместные ужины, то я бы видела его только издали с террасы во время утренних тренировок. Иногда он поднимал глаза и ловил мой взгляд. Но его лицо ничего не выражало. А я… Ну, а я поддалась самой нелогичной женской мысли — если какой-то мужчина совсем тобой не интересуются, то, значим, им заинтересуешься ты. Да так, что он будет занимать все твои мысли. И днем, и особенно ночью.

Раз за разом я просила Зурию рассказать мне об одном и том же и слушала, не веря своим ушам, что семей, в общепринятом

понятии, здесь никогда не было. Было племена, в мироустройстве которых я вроде бы разобралась, и были десять сыновей Бога, чьи традиции вгоняли меня в ступор.

Их первые наследники наследовали их земли, а другие служили в армии Сердца Мира. В десяти областях у каждого из них была своя армия, и при нападении на свои земли, они могли рассчитывать только на нее. На помощь сыновья друг другу не приходили, что для меня было дико и не логично, но Зурию, например, не удивляло.

Моногамия вообще была глупостью несусветной, но была актуальна только до тех пор, пока избранница Сына Бога не беременела. После она отправлялась на Остров, где рожала и воспитывала детей. Сын Бога оставался предоставлен сам себе. Вряд ли он придерживался целибата до следующего ритуала.

Изгнанная на остров жена трехлетних сыновей отправляла в Сердце Мира, а дочерей оставляла себе. И она сама, и ее дочери после могли участвовать в последующем Ритуале Матери. Никого не волновало, если их выберет их же собственный отец.

Детьми Сыновья Бога не интересовались. Их волновал первый наследник, возможно, второй, но третий уже редко. Первый наследовал земли и право зваться Сыном Бога, второй занимал высокий пост в армии, а третьему ничего не светило, кроме как места в элитной гвардии Сердца Мира. Их тоже набирали из потомков, от которых, похоже, отбоя не было.

Каждый вечер, глядя через длинный каменный стол на Анкхарата, мне хотелось заговорить с ним о любви и семье, но с тем же успехом я могла бы обсудить с ним квантовую механику. Более того, в языке нуатла слов «семья» и «любовь» даже не было.

Однажды я не выдержала и спросила Анкхарата:

— Что ты чувствуешь, когда касаешься женщины?

— Желание, — только и ответил он.

— А после?

— Голод.

— А что, по-твоему, чувствует мать, когда касается своего ребенка?

— Страх, — неожиданно ответил он.

— Почему?

— Потому что если этот ребенок мальчик и его отец — я, то жить ему осталось недолго.

Их общество нарекало металлы и животных, сорта глины и виды деревьев, но весь спектр человеческих эмоций был явно лишним в этом первобытном строе, что даже и слов-то для них до сих пор не нашлось.

Я снова и снова пытала Зурию, желая знать, что происходит и

какая война нас ждет, но она только пожимала плечами. Жрица и сама с нарастающим страхом следила за ожесточенными, непрекращающимися тренировками Анкхарата. Ему что-то было известно и это явно не давало ему покоя, но он не собирался предупреждать остальных. Как будто щадил их чувства? Он способен на такую эмоцию? Он отдает себе отчет, что он вообще чувствует и почему так поступает?

С каждым днем тренировки становились все жестче, все опаснее. Анкхарат заставлял воинов проливать кровь и даже однажды повел их лодку к водопаду, с которого они и обрушились с головокружительной высоты вниз. Слава Богам, все выжили.

* * *

Анкхарат сдержал слово, и кот действительно приехал вместе с Зурией, живой и невредимый, в клетке больших размеров.

Когда он шипел и обнажал когти, то напоминал мне Анкхарата.

Я понимала, что животное дикое, что ему не место в клетке и что мне тем более не превратить его в домашнего уютного котенка. Я выпустила его в похожем каменном мешке, когда-то там тоже была купель с горячим источником, но вода ушла после одного из потопов и больше не возвращалась. Я кормила кота кусками мяса, которые добывали для нас охотники, и Зурия каждый раз отрезала мне их скрепя сердце. Она не понимала моих попыток сблизиться с диким хищником.

Анкхарат, впрочем, тоже.

Я лежала на краю каменной стены и разговаривала с котом, чтобы тот привыкал к моему голосу, когда позади неожиданно услышала голос Анкхарата:

— Ему лучше будет на свободе.

Я поднялась и села. Юбка задралась, но я не стала поправлять ее. Эта уродливая одежда была еще одним так и не заданным вопросом, но я боялась озвучивать его ровно, как и получать ответ.

— Тебе, наверное, тоже, — спросила я, не глядя на него, — хотелось бы быть свободным?

— Я не знаю свободы. Со дня, когда я появился на свет, меня готовили к тому, чтобы стать вторым Сыном Бога. Я никогда не был свободен.

— Я не об этом. В моих… землях о мужчине, у которого нет избранницы, говорят, что он свободен. Ты хотел бы такую

свободу?

Понятия «холостяк» у них отсутствовало.

— А ты? — усмехнулся он. — Раз спрашиваешь об этом.

О, нет, я не хотела.

Я хотела превратить Чудовище в Принца.

Но вместо этого я вспомнила, что брак здесь нужен только для того, чтобы дарить сыновей, которых я, после того, как им исполнится три, никогда больше не увижу, и неожиданно для самой себя ответила ему:

— Да.

Мне хотелось причинить ему боль, которую он так умело причинял мне. Я осознала, как глупо это было, но было уже поздно.

Я посмотрела на него снизу вверх. Он криво усмехнулся.

— Скоро, — пообещал он. — Сегодня я получил вести, что избранница Аспина ждет сына. Скоро ты будешь свободна.

Спрашивать, какое отношение это имеет ко мне, было уже не кого. Он тут же развернулся и ушел.

А я посидела немного и медленно опустила ноги в купель, а затем и спрыгнула вниз. Что такое оказаться один на один с котенком саблезубого тигра после вот таких вот разговоров с Анкхаратом? Плёвое дело.

С тех пор я не только разговаривала, но и проводила какое-то время рядом с котом. Тигренок, а он быстро рос и становился действительно похож на тигра, а не на кота-переростка, вначале воспринимал мою близость в штыки. Но постепенно стал привыкать. Он метался по купели, и я понимала, что он жаждет свободы.

Поэтому решила рискнуть.

Я выпросила у Зурии плотный кожаный ремень метра два длинной с петлей на одном конце, чтобы обматывать вокруг своей руки, и другим ремнем на другом конце, который заменил бы тигру ошейник. Зурия не поверила мне, что я собираюсь гулять на пару с тигром и пришла посмотреть, но мне вскоре пришлось отослать ее прочь, потому что на присутствие чужого человека тигр только рычал и отказывался меня слушаться.

Когда мы остались одни, он разрешил мне надеть ему на шею ошейник, какое-то время я терпеливо перевязывала между собой крепления, которые упросила сделать крепче обычных. Тигр шумно дышал и щекотал мне руки усами. Я впервые провела рукой по его шикарному блестящему меху, и он не зарычал в ответ, а только зажмурился.

Вторым фактом, вызвавшим мое безграничное удивление, стало то, что тигр мог беспрепятственно покинуть каменную

купель давным-давно. Он легко запрыгнул на стену с пола и терпеливо дождался, пока я поднимусь к нему по лестнице.

— Надо тебе имя придумать, как считаешь?

Тигр махнул хвостом, мол, зови, как хочешь, я не против.

Мы пошли вперед. Вернее, он меня вел, я шла следом. Я пыталась, конечно, управлять им, как заядлый собаковод, но это же, черт подери, прародитель котов, которые до сих пор-то гуляют сами по себе.

Короче, я шла за ним и думала о том, как нам найти дорогу назад и вообще, как мне повернуть с ним назад? Тигр наслаждался свободой, он не убегал, он вышагивал королем на параде, и я понимала, что это оттого, что поблизости, вероятно нет достойных его хищников. Бояться ему тут некого.

Но мы отдалялись все дальше. А я не очень хорошо знала окрестности. Я гуляла вокруг домов и площади перед ними, которую Анкхарат превратил в плац, даже доходила до реки, в которой пару раз плавала при хорошей погоде под присмотром Зурии. В этой-то реке, но чуть выше по течению Анкхарат и тренировал своих бойцов. Он привязывал их за талию к дереву на берегу и заставлял плыть против течения, фактически, на одном месте. Может быть, нас все-таки ждут Олимпийские игры, а не война?

— Так, поворачиваем, — сказал я тигру, тот и ухом не повел.

Я ничего другого не придумала, как сесть ему на спину. Тигр просел под моей тяжестью, зарычал недовольно, попытался уползти, но силенок у него все-таки еще было мало, хоть он и вымахал уже размером с пони.

Я натянула поводок и снова велела ему разворачиваться. Он послушался. Мы вернулись к купелям, он дал отстегнуть поводок и запрыгнул внутрь, где тут же принялся за недоеденное мясо.

С тех пор мы ежедневно совершали наши прогулки, и один раз я даже проехала до его каменной клетки верхом. Это стало моим единственным развлечением и отдушиной.

Но для этого развлечения мне нужна была другая одежда.

Зурия была непреклонна. Другой одежды не было и не будет, сказала жрица.

Я была не лыком сшита. Я нашла нож и разрезала одну из этих безразмерных юбок-мешков до короткого мини, чтобы можно было устроиться на спине тигра. В ней я ходила на свидания к тигру, а дома переодевалась, и все были довольны.

Пока в лесу однажды я не встретила Анкхарата.

К тому времени я нарекла тигра Швинном, в честь моего верного велосипеда, оставленного в одиночестве на берегу Азорских островов.

Мы шли густым пролеском, когда Швинн зарычал, но я не обратила внимания — он иногда порыкивал на мелких зверьков, шнырявших в кустах.

А потом он зарычал сильнее, шерсть на его загривке под моими руками встала дыбом. Доигрались, подумала я, нашли хищника, который нас-то и сожрет.

Но Швинн рычал на Анкхарата, чьей запах, конечно, был ему знаком, но друзьями они не были.

Анкхарат вышел на тропу и остановился. Не знаю, что сильнее поразило его — мой внешний вид или то, что я ехала верхом на тигре.

Из-за его спины возникли другие лица, его солдаты, мокрые с головы до ног. Они возвращались с заплывов. Два десятка глаз уставились на меня, и другие все еще пребывали, шепотом спрашивая, что там впереди, почему стоим?

Под тяжелым взглядом Анкхарата я легонько шевельнула коленями, и Швинн, хоть со мной и несогласный, с недовольным ворчанием, под пристальным вниманием зрителей, все-таки пересек тропу. Какой позор был бы, ослушайся он меня именно сейчас, но котик, мой умный добрый котик, повиновался. Я потрепала его за загривком, когда мы оказались возле деревьев с другой стороны. Там я позволила себе оглянуться назад.

По тропе вышагивали солдаты, едва ли не сворачивая себе шеи, стараясь разглядеть среди деревьев нас с тигром. Некоторые улыбались.

Не улыбался только Анкхарат. И в этом было уже что-то привычное, стабильное. Если бы он улыбнулся или рассмеялся, я бы, наверное, свалилась бы со спины тигра на землю от удивления.

Он не сказал ни слова. Только сжал кулаки и пошел своей дорогой.

Скоро я обрету свободу, сказал он. Может быть, он прав хотя бы в том, что не стоит привязываться к тем, кого суждено потерять навсегда?

Глава 20. Мужчина решает, женщина подчиняется

Время летело, как сорвавшаяся с горы телега. Ничего не менялось: ни в распорядке дня Анкхарата, ни в наших ужинах, проведенных в молчании.

До меня, кажется, впервые стало доходить, что это навсегда. Вот так, с мужчиной, который мне совсем даже и не рад, я могу провести остаток жизни. «Жили долго и счастливо и умерли в один день», это явно писали не про нас.

Не знаю, делала ли такая жизнь Анкхарата счастливым. Я редко с ним говорила и было бы странно вот так с наскоку взять, перегородить ему дорогу и заговорить с ним счастье тонном заправского проповедника: «Позволь мне рассказать тебе о счастье, дорогой муж?»

«Счастье» в их языке было, но что именно приносило счастье мужчинам Нуатла мне оставалось только гадать.

Я тоже стала избегала Анкхарата. Благо обширные владения позволяли разойтись, как в море корабли, и не встречаться нигде, кроме как за обязательным ежевечерним приемом пищи.

Отправляясь со Швинном на прогулки, я загодя узнавала, какие тренировки сегодня проводил Анкхарат и где. Если они устраивали заплывы, то я держалась как можно дальше от реки. Если солдаты с криками и копьями атаковали деревянных манекенов в лесочке неподалеку, то мы с Швинном отправлялись к тихой речной заводи, где и купались. Иногда вместе.

Со временем Швинн привык и к Зурии. Наверное, свою роль в этой любви навеки сыграло и то, что жрица стала делиться с тигром особо лакомыми мясными кусочками. Зурия, конечно, ворчала при этом, но с улыбкой.

Швинн рос еще быстрее, чем дни сменяли друг друга. Если поначалу мне приходилось поджимать ноги, потому что иначе пятки царапали землю, то на исходе четвертого месяца моего личного календаря, сидя на спине тигра, я поняла, что в этом больше нет нужды — я перестала дотягиваться до земли. А чтобы забраться на спину, теперь приходилось подпрыгивать.

Тогда я наведалась к мастеру кожевнику, который от восхода до зари плел нагрудники из кожаных лент, чтобы обмундировать армию Анкхарата, и объяснила ему, что мне нужно. Дольше всего я объясняла не то, что такое стремена, их-то давно изготавливали для орлов Сыновей Бога, а то, зачем они мне вообще понадобились. Кожевник не верил мне до тех пор, пока я не

привела к нему Швинна, который, как истинный кот, тут же развалился в проходе и заснул.

Работа в кожевне встала. О нагрудниках все забыли.

Подмастерья принялись прилаживать, подтягивать, укорачивать орлиные стремена из запасов Анкхарата. Обмеряли меня и спину тигра, поначалу с опаской, но Швинн был настроен благодушно и даже перевернулся белым пузом кверху, чтобы обмерить грудную клетку.

Вообще, если честно, своим поведением Швинн мало напоминал настоящего хищника, рожденного на воле. Поначалу глядя на него, я видела то, что хотела, а именно его тоску по свободе, но я ошибалась — саблезубых котов разводили специально для жертвоприношений, объяснила мне Зурия. Получается, предки Швинна давненько уже были одомашнены, не до такой степени, конечно, чтобы лезть к котикам с поцелуями, но в достаточной, чтобы Швинн легко свыкся с постоянным присутствием людей рядом с ним.

А мое обаяние и мягкое с ним обхождение довершили дело. Ну, мне хотелось так думать.

Уехала я от кожевников укомплектованная по самое не могу. Они подогнали по тигриной спине мягкое седло со стременами для детей, начинающих орлиных всадников. Анкхаратово седло было раза в два больше, если он мог летать даже вместе со мной за его спиной. Оказывается, наличие второго всадника было предусмотрено в некоторых сёдлах. Но ремней безопасности все равно не было.

Швинну заменили старый ошейник на новый и вместо поводка, который к этому времени перетерся от того, что я постоянно накручивала его на руку, смастерили полноценные поводья подходящей для меня длины.

Мастер очень сокрушался, что у него нет под рукой правильных поводьев для тигра, и обещал достать их для меня в скором времени. Я понимала его озадаченность. Сейчас поводья крепились к ошейнику и это было ненадежно, а тигр не конь, на уздечку согласия не даст.

На головы орлов надевали своего рода клобук, сшитый из кожаных лент, который не мешал птичьему обзору. За клобук и крепились поводья, и я не раз видела, как во время выматывающих лётных тренировок, Анкхарат вынужден был приземляться, только потому что клобук слетал или сползал орлу на глаза, а от перегрузок рвались завязки на птичьей шее. Это был наиболее опасный момент для всадника, и мое сердце не раз замирало, когда Анкхарат приземлялся, что называется, без рук, держась только ногами.

Швинн носить кожаную сбрую наотрез отказался. Может быть, из-за меня. Я хохотала до икоты, когда увидела тигра в кожаной маске, словно из БДСМ-отдела. В ответ на мой смех чувствительный Швинн тут же отозвался оскорбленным рычанием, а мастера отпрыгнули в стороны, едва живые от страха.

Так что поводья пришлось прикрепить по старинке к ошейнику, как ни сокрушался мастер, но я клятвенно обещала ему, что не собираюсь воевать верхом на тигре, а для простых прогулок по лесу хватит и этого.

Кожевники переглянулись.

— Разве ты не готовишь тигра к гонкам перед Церемонией Очищением огнем? — удивился главный мастер.

Он даже выглядел чуточку расстроенным. Столько стараний, а красоваться придется перед белками.

— Разве я могу участвовать в гонках?

— Нет, женщина не может. Но ты можешь тренировать тигра. А наездником будет мужчина.

Черта с два я отдам Швинна какому-нибудь мужику!

Я поблагодарила мастеров и поехала обратно к каменным купелям. Пока мы добрались, сгустилась ночь. Какое-то время я возилась в темноте, снимая с тигра снаряжение, пока не поняла, что не вижу ни зги. Утомленный Швинн к этому времени улегся рядом и уснул, все еще с седлом на спине.

Я же сгребла в кучу хворост и сухие листья и велела им:

— Горите!

Ничего не произошло.

Я повторила попытку, но результата не было. Неужели дар оставил меня? Ведь после ритуала Матери я ни разу не обращалась к стихиям, может, они решили, что раз я боюсь их, то и повиноваться такой трусихе они не будут?

Когда я перепробовала все на свете формулировки, Швинн уже перевалился с живота на бок и видел седьмой сон, отголоски которого ловил передними лапами.

Я подняла голову — в побелевшем небе висела полная луна. Та же самая, круглое белое лицо, так похожее на недожаренный блин. Я улыбнулась ей, как старой знакомой, хотя я была знакома с ее значительно постаревшей версией в своем-то двадцать первом веке.

Я спросила луну:

— Почему у меня не получается?

Но лицо на поверхности луны только загадочно улыбалось, рассеянным белым светом заливая окрестности леса.

Что же изменилось, снова подумала я, и в сознании

моментально всплыл ответ.

Язык.

Почти пять месяцев я говорила на одном только нуатле. Я даже думала на нем. А стихии как раз таки реагировали на мой родной язык. Когда я повторяла заклинания за Эйдером Оларом в подземной пещере возле горячего источника, ничегошеньки не происходило. Но стоило мне обратиться к огню на русском, как его реакция превзошла все мои ожидания.

Я растерла ладони, предвкушая, как сейчас спалю кучку хвороста ко всем чертям и как языки моего пламени взмоют до самой луны, но вместо этого я так и осталась стоять с разинутым ртом и вытянутыми руками.

Я стала забывать русский. Невероятно, но чтобы вспомнить приказ, мне пришлось проговорить его сначала на нуатле, а потом — подумать только! — перевести на русский.

Так дело не пойдет, если впредь я хочу управлять стихией. Мне нельзя забывать родной язык. Можно попробовать отдавать приказы Швинну, если не ради него, то ради себя, он-то реагирует на интонацию, выражения моего лица и движения тела, когда я сижу в седле. Он и не почувствует разницы.

Но, по правде сказать, мне бы здорово помог словарь заклинаний, с помощью которого я могла бы регулярно повторять необходимые русские фразы. Иначе в нужный момент и, не дай Боги, более опасный, чем это противостояние с кучей хвороста, я запнусь и пиши пропало.

Но от Зурии многим раньше я узнала, что письменность в Нуатле была под запретом. А впервые столкнулась с неприятием письменных слов, когда Эйдер Олар стер мои конспекты, выцарапанные палкой на земле.

До великих потопов жрецы пользовались свежими глиняными табличками, чтобы записывать историю Нуатла, говорила Зурия, но после природных катастроф история стала передаваться исключительно устно.

Записанные на свежей глине заклинания, как казалось жрецам Нуатла, мог прочесть каждый, а подобное самоуправство грозило обернуться катастрофой. В потопах и винили какого-то неизвестного мага-неумёху. Кто прочел запрещенные таблички, конечно, так и осталось неизвестным, но в назидание потомкам их просто перестали вести. На всякий случай, чтобы ни у кого не вызывали любопытства.

«Получается, любой может владеть магией?» — переспросила я.

«Когда-то так и было», — ответила Зурия.

В допотопные времени каждый гражданин Нуатла мог

обменять у жрецов, скажем, корзину кислых яблок, размером с грецкий орех, на пачку глиняных отпечатков и за вечер овладеть «Магией для чайников», чтобы впредь не опасаться засухи или потопов. И дело было даже не в прирожденной способности некоторых индивидуумов, как мне казалось раньше.

Но после разгула недовольной стихии жрецы посчитали, что негоже беспокоить стихию каждому. Дидактические материалы разлетелись на осколки. А магия стала доступна только определенным кастам жрецов, да и то — вода и огонь отдельно.

Шли годы, и люди стали забывать, что когда-то магия была общественным достоянием, а не только привилегией жрецов.

Само по себе, общение со стихиями было задачей сложной, но решаемой. Вот почему я так легко нашла общий язык с огнем, хотя Зурия и удивлялась тому, что огонь с такой охотой отозвался на мои приказы. Словно бы я знала, как именно их нужно было произносить.

И все же жрецы все-таки не зря ели свой хлеб. У стихии имелись свой характер и свое мнение по поводу того, где гореть или куда течь. Сильный жрец умел сломить гордость стихии и заставить ее подчиниться своим желаниям. Слабый, или такой как я, добивался незначительных результатов. То есть для меня это фокусы на уровне: «Хочешь зажгу свечку взглядом?» и ничего выдающегося.

Лишь однажды в истории Нуатла все жрецы сплотились и сломили гордую волю стихии — когда велели отступить водам из Сердца Мира обратно в океан.

И только Эйдер Олар не принял в этом участия, а даже осудил насилие над стихией.

Если даже Анкхарат сомневался, что животные страдают из-за жестокости, то что уж говорить о стихиях? Конечно, жреца-отступника никто слушать не стал. Подумаешь, соленая вода какая-то.

А огонь, похоже, действительно предпочитал, чтобы к нему обращались на русском. По крайней мере, я. Не знаю, может ему нравится мой акцент?

— Гори, гори ясно… — прошептала я.

Я ощутила смятение и заинтересованность, и если бы не знала заранее, то никогда не поверила бы, что эти чувства испытывает вспыхнувший передо мной огонек.

— Спасибо.

Напряжение спало. Огонь понял, что ничего сверхъестественного я требовать не буду. Лишь немного дрожащего оранжевого света, потому что холодного лунного света, чтобы развязать крепления на тигрином пузе, было

недостаточно.

Я занялась снаряжением, но мои мысли снова и снова возвращались к Анкхарату. Я вдруг поняла, что впервые пропустила наш совместный ужин. И тут же огорчилась, что никто не встревожился, не отправился за мной на край леса, далеко-то идти не надо было. Выйти из дому и пройти по тропинке…

Но буйное воображение рисовало, как с минуты на минуту из лесу выскакивает Анкхарат во главе спасательной команды. И бросается ко мне со словами: «Я думал, что навсегда потерял тебя!»…

Ну ладно. Даже в мечтах это чересчур эмоционально для такой неприступной скалы, как Анкхарат.

На самом деле, появись он сейчас здесь, он нахмурился бы при виде меня, поиграл желваками и прошел мимо, потому что на сегодняшнюю ночь у него намечен ночной кросс по пересеченной местности.

Да, это на него похоже.

Хотя, конечно, хотелось иного. Хотелось, чтобы он просто сел рядом со мной, пусть молча, ладно, Анкхарат, я даже не жду никаких признаний. Понимаю, что только зря терзаю себя. Я буду благодарна, даже если мы просто будем сидеть плечом к плечу и молчать. А если ты просто обнимешь меня за плечи, то я, кажется, вообще умру от счастья.

Нет? Да, наверное, я слишком многого прошу.

Когда я закончила с седлом, то вовсю шмыгала носом. Даже разбудила Швинна. Он осуждающе посмотрел на меня, чего это, мол, спать мешаешь, поднялся на лапы и спрыгнул в купель, где растянулся на ложе из листьев и травы, которые я таскала ему несколько дней кряду.

Ну, здорово. Даже от тигра сочувствия не дождешься.

Я попыталась сконцентрироваться на чем-нибудь отрешенном, например, что, наверное, в скором времени нужно будет соорудить здесь крышу от дождя или придется ночевать мне с тигром в одной спальне. Но от вероятности разделить постель с тигром только разрыдалась.

Позже я протянула руки к огню, чтобы затушить его перед уходом… и вдруг ощутила, как тепло по кончикам пальцев передается всему телу, а в сердце воцаряется спокойствие. Огонь пытался меня утешить!

Слезы моментально высохли.

«А не думала ли ты, — возник в моей голове голос, — что Анкхарат ограждает себя от соблазна, когда приказывает тебе не носить вызывающих нарядов? Не думала, что он сторонится тебя,

потому что даже при взгляде на эти бесформенные мешки, единственное, о чем он может думать, так это о том, что скрывается под ними?»

Не думала. Надеялась, конечно, но даже думать себе о таком не позволяла.

Я набралась смелости и спросила:

«Где он сейчас?» — надеюсь, это не односторонняя связь?

Огонь незамедлительно ответил:

«Он собирался искать тебя, но сейчас он слишком зол».

О, да, это похоже на Анкхарата. Значит, есть еще надежда, что я не слетела с катушек, ведь я, мать вашу, с огнем тут разговариваю!

«Мне лучше вернуться?»

«И быстрее», — согласилось пламя.

«Спасибо».

«Удачи», — шепнуло пламя и само потухло.

Я вскочила на ноги и побежала. Не самая лучшая идея — бежать по ночному лесу, но иначе я не могла. Ноги сами несли меня вперед. Пару раз я чуть не полетела носом вперед, споткнувшись о корни деревьев, пару раз подвернула ступню, но, право, это такие мелочи в сравнении с тем, что я только что узнала от огня.

Лес расступился, я нырнула в темный проход в стене пирамиды. Впереди меня ждал свет.

Я выбежала во внутренний двор, укрытый со всех четырех сторон ступенчатыми стенами пирамидальных домов.

В центре двора горел высокий костер. Анкхарат стоял спиной ко мне, я видела только его черный силуэт на фоне огня. Вот как огонь узнал его мысли, осенило меня, и вот почему даже в двадцать первом веке горящее пламя до сих пор гипнотизирует нас. Вот почему мы до сих пор приглашаем огонь на важные для нас праздники. И, наконец, почему даже обращаясь к богу, зажигаем свечи.

Мы делаем это бессознательно, мы давно нашли этому другое объяснение, но это всего лишь отголоски этой, первозданной, древней магии, которая позволяла слышать голоса стихий.

Я не остановилась. Не замедлила шага. Ни на миг не задумалась о последствиях. К черту это все! Я устала от одиночества рядом с ним.

Я просто налетела на Анкхарата и обняла его со спины, сомкнув руки на его груди. Глубоко вдохнула запах его обнаженной кожи…

— Что ты делаешь? — Прозвучал холодный саркастический голос. И совсем с другой стороны.

Мужчина, которого я так бездумно обняла, был не Анкхарат. Я отшатнулась. А мужчина, как две капли воды похожий на Анкхарата, обернулся.

Конечно, жутко довольный собой, ведь ему удалось лишний раз позлить брата. В углу топтался белый орел, которого я, занятая мыслями об Анкхарате, совсем не заметила.

Анкхарат стоял на пороге дома, в полном обмундировании и хлыстом в руке. Я поняла, что он собирался отправиться на мои поиски, но прибытие брата остановило его, а затем и разозлил его, ведь иначе у них не бывает.

Анкхарат оглядел меня с ног до головы. Черт, я же опять в костюме наездницы. Я беззвучно прошептала, метнувшись к нему:

— Прости.

— Мне понравилось, — ухмыльнулся Асгейрр. — Вот как надо встречать гостей, Анкхарат. Твоей избраннице стоить обучить тебя, как нужно… радоваться.

Не в бровь, а в глаз, сукин ты сын.

— Я оставлю вас, — прошептала я.

— Нет, — остановил меня Анкхарат.

Я не ослышалась? Он сказал, нет? Почему?!

Асгейрр рассмеялся.

— Благодарю, Анкхарат. Мне действительно приятнее смотреть на красивые женские ножки, чем на кислый вид моего старшего брата.

Черт бы его побрал, ну!

— Тебе она пришлась не по вкусу, брат? — не унимался Асгейрр. — Или ты выбился из сил, принося Богам дары, и каждую ночь стараешься зажечь в ней огонь новой жизни?

И чего мне в лесу не сиделось! Главное же, что ответить я ничего не могу, да и отвечать, по большому счету, не нужно. Асгейрр провоцирует Анкхарата. Одной мне непонятно зачем, но самому Анкхарату, судя по всему, все понятно, потому что он с холодной усмешкой тут же парирует:

— Как же ты допустил, Асгейрр, что Аспин увел у тебя первую дорожку? Тоже мало старался по ночам?

— Я занял твою дорожку, Анкхарат. Вторую. Поздравь меня.

— Поздравляю. Кого еще я должен поздравить?

— Саймира. Он на третьей. На четвертой Аталас.

— Аспин, я смотрю, трудился и днем, и ночью. И за себя, и за Аталаса.

— Он молод и горяч. Мы были такими же.

— Что же Гвембеш? Все еще участвует в гонке?

— Да, — уклончиво ответил Асгейрр, — но он уверен, что займет пятую дорожку в скором времени. Ты еще можешь занять

шестую, если поторопишься.

— Спасибо, что предупредил.

— Вообще я прибыл не для того, чтобы сплетничать. Говорят, лед начал таять, и замерзшая земля трещит так, как будто вот-вот расколется надвое. Краста бегут к морю, а оттуда в Нуатл. Они всегда хотели захватить эти земли. Вчера ночью их заметили на моих землях, Анкхарат. Они бежали в горы, что граничат с Речными землями. Я хотел предупредить тебя лично, чтобы ты был готов. Мои люди не ожидали нападения. И многие поплатились жизнями.

— Спасибо.

— Спасибо и только? Анкхарат, забудь о наших недомолвках. Забудь о глупом споре. Я хотел веселья. Только и всего. Если в Нуатл придут краста, плохо будет всем.

— Я знаю.

— Это хорошо. А что ты знаешь о ней? — Асгейрр кивнул в мою сторону. — Где она была ночью и почему одна? Я видел ее с племенем краста, это ты тоже знаешь?

— Знаю.

— А что если она одна из них?

— Какая глупость! — не сдержавшись, воскликнула я.

Живо припомнилась ненависть во взгляде Асгейрра и то, с какой едкой желчью он произнес, глядя на меня: «Краста». Это было худшим ругательством для Нуатла. Уж теперь-то я это понимала.

— Молчи, — процедил Анкхарат, не глядя на меня.

— Конечно, — закатил глаза Асгейрр, — она должна отвечать только перед тем, кто выбрал ее, но будь благоразумнее, Анкхарат. Не дай вскружить себе голову.

Это мне-то вскружить голову Анкхарату? Ха. Ничего-то ты не знаешь, Асгейрр. Твой старший брат кремень, каких мало.

— Есть еще кое-что… — замялся Асгейрр.

— Говори.

— Я не хотел бы говорить этого при ней.

— Она не уйдет.

— Как знаешь. Я уже говорил, что видел ее с мужчинами племени. Я хорошо запомнил одного из них. Его темная кожа была в светлых шрамах. Он был покрыт шрамами с головы до ног. Ага, вижу по глазам твоей избранницы, что она знает, о ком я говорю.

Тигр, черт подери, он описывает Тигра, почему? Тигр ведь ушел и, должно быть, вернулся к своим. Или что-то пошло не так?

— Я видел этого мужчину здесь, в Нуатле. Он убил моих людей, — продолжал Асгейрр. — Мне кажется, он идет за ней,

Анкхарат. Она ведь была с ними.

— Ты уже говорил это, — сухо отозвался Анкхарат.

— Я повторю это сколько угодно раз, чтобы ты одумался, брат. Ты можешь отказаться от нее, жрецы дадут свое согласие. Ведь… Ведь… посмотри на нее! Это не чистая кровь! Она недостойна носить наследников Сына Богов!

— Твой орел готов к полету? — совершенно спокойно осведомился Анкхарат.

— Эээ… да.

— Даю тебе мгновение. После, если ты не окажешься в воздухе, я пущу в ход хлыст.

В доказательство своих слов он хлестким ударом рассек воздух.

— Анкхарат, — неуверенно улыбнулся Асгейрр.

— Это моя избранница, Асгейрр. Я имею полное право высечь тебя за твои слова. Ты знаешь традиции. Даже лучше меня, верно? В память о прошлых деньках, Асгейрр, только в память о прошлом я предупреждаю тебя заранее. Свисти же. И быстрее.

Асгейрр сунул два пальца и свистнул. Совершенно не элегантный, несвойственный ему жест.

— Ты совершаешь ошибку, — успел бросить он.

Хлыст ударил во второй раз.

Орел Асгейрра, поднимая крыльями ветер, подлетел к хозяину. Асгейрр запрыгнул в седло и крикнул еще раз:

— Ты совершаешь большую ошибку, Анкхарат!

— Может быть, — тихо отозвался Анкхарат, но Асгейрр не мог этого услышать. Он был уже в воздухе.

Мы остались одни. Я заметила, что он сжимает хлыст побелевшими от напряжения пальцами, и коснулась его руки. Анкхарат вздрогнул. Поглядел мне в глаза. Как может человек так сильно подавлять свои эмоции?

— Что ты сейчас чувствуешь, Анкхарат? — прошептала я.

— Страх, — честно ответил он.

Что ж, я рассчитывала на другой ответ.

— Я не из племени краста.

— Знаю. Краста, как и мы, не думают о чувствах животных, в отличие от твоих предков, — он улыбнулся краешком губ.

Запомнил, значит.

— Мои предки вообще много знают… о чувствах.

Опять вырвалось.

Вот бы мне сейчас упросить пламя поведать о его мыслях? О чем он думает? Как заставить его снять эту маску «Мистер Ничего-не-чувствую»?

На его лице играли блики костра. Он ответил тихо:

— Я тоже кое-что знаю о чувствах.

Боже, дай мне сил. Надо говорить о чем-то другом, иначе…

— Я действительно знаю того дикаря, — скороговоркой заговорила я. — Он спас меня от исчадия болот, я рассказывала тебе. Они нашли меня первыми, я нарекла его Тигром из-за шрамов на его теле. Они похожи на полосы на шкуре тигра.

Анкхарат выдохнул, перекинул из одной руки в другую хлыст. Словно смена темы ему принесла облегчение. Словно ему проще говорить о чем-то угодно, только не о чувствах.

— Я верю… тебе, — хотела услышать я от него в этот миг, но услышала:

— Я верю Эйдеру Олару. Ему известно что-то важное.

— Разве ты не можешь отправиться на Остров, куда его изгнали, и поговорить с ним?

Анкхарат хмыкнул:

— Вряд ли ты меня отпустишь. Там я встречусь с тремя предыдущими избранницами.

Эй, он что, шутит? Невероятно!

Я отозвалась с наигранной суровостью:

— Надеюсь, им везло больше, чем мне.

Его веселье как ветром сдуло.

— Нет, — ответил он. — Ты плохо знаешь наши традиции, если шутишь об этом.

— Научи меня.

Почему я произношу это так… призывно? И двусмысленно?

— Зурия учит тебя.

Но кое-кто этого все равно не понимает. Ладно.

— Да, учит, — согласила я.

— Мне нужно будет улететь. Ненадолго.

Черт.

— Привезешь мне что-нибудь сладкое? — попросила я. — Не знаю, может быть, мёда? Умираю, как хочу сладкое. А здесь ничего нет.

Анкхарат засмеялся. Он смеялся так долго, словно это была лучшая шутка, которую он вообще слышал за всю свою жизнь.

Я никогда не видела, чтобы он смеялся так искренне. Это была эмоция и причем сильная. Я не понимала, чем я ее вызвала. А мне хотелось знать, как рассмешить его еще раз.

Мне хотелось, чтобы он смеялся чаще.

Я спросила с улыбкой:

— Что я такого спросила?

Он задумчиво, все еще улыбаясь, провел рукой по волосам. Еще я никогда не видела его таким… взъерошенным, как будто после бурной ночи. Он всегда представал передо мной собранным

военачальником и точка. Никаких эмоций. Никакой слабины.

— Я не знаю, как рассказать… — он запрокинул голову и поглядел на небо, словно искал совета у луны. — С избранницами о таком не говорят. Но… О Боги, не к Зурии же тебя посылать. Ладно. Считается, что мужчины терпеливо дожидаются ритуала Матери, а все эти три года… Ну, мужчина должен ждать. Копить силы. Но мы не какие-нибудь каменные глыбы. У нас есть желания. И они приводят нас в Дома Наслаждений. Если ты не хочешь это слышать, то скажи прямо сейчас.

— Будет хуже, если я скажу что-то такое кому-нибудь еще. Случайно. Говори.

— Теперь-то я верю, что ты родом не из Нуатла. Здесь-то о сладком мёде с Солнечного острова знают все. Так вот, женщины Нуатла и даже женщины из Дома Наслаждений, по установленным жрецами правилам, не могут предлагать себя открыто. Ни одна из них не может подойти ко мне и сказать: «Проведи со мной ночь, потому что я так хочу». Такими словами она навлечет на себя гнев Матери, так считается. В Нуатле мужчина решает, а женщина подчиняется. Но в Доме Наслаждений много женщин… И каждой нужны дары из орихалка. Особенно от одного из Сыновей Бога. Но вместо того, чтобы предлагать себя, такая женщина спрашивает, не хочу ли я отведать вместе с ней сладкого мёда с Солнечного острова? Только я делаю выбор, не они. Но выбирать я могу только среди тех, которые предложили мне мёд. Женщина приносит больше наслаждения, если у нее самой есть желание.

Я облизнула пересохшие губы.

Мне вдруг стало невообразимо жарко от этого высоченного костра. И я все еще боялась заговорить, потому что… я понимала, если озвучу прямо сейчас на русском то, чего хочу, то Анкхарат не сможет отказать мне. Из-за магии слова, которая была мне подвластна, я могу убедить его, как того неудачливого гонщика в чем угодно, даже в том, что гонку еще можно выиграть со спущенным колесом.

Но нужно ли мне это? Я получу его тело, самое совершенное тело, которое я когда-либо видела, но не душу. А я не хочу, чтобы все закончилось так и после одной ночи. И это не решит того, что Анкхарату не ведома любовь. Не ведомы иные отношения с женщинами, чем «мужчина выбирает, а женщина подчиняется».

Я не могу изменить за одну ночь вековые устоявшиеся традиции. Так не бывает. И я должна уважать его верования, не так ли? Я не могу вот так сказать ему, что все, во что он верит, это чушь собачья, и никакая Богиня не прогневается на меня, если я прямо сейчас скажу то, о чем давно уже думаю.

— Ты больше не улыбаешься, — заметил Анкхарат.

— Что ты чувствуешь, когда смотришь на меня?

Я лукавила. Я знала, что он чувствовал, огонь рассказал мне, но я должна была понять, почему, почему он не шел на поводу у своих желаний? Что удерживало его?

Его лицо ожесточилось. Снова маска неприступности, он снова далек от меня, хотя еще мгновение назад лед начал таять.

В этом все дело, верно, Анкхарат? Ты чувствуешь то же, что и я, но не хочешь идти мне на встречу. Почему ты избегаешь меня? Что со мной не так?

При свете пламени его кожа насыщенного медного цвета, он много времени проводит под солнцем. Из его перехваченным ремешком хвоста выбивается несколько неумело заплетенных кос. Ты плетешь их сам себе, каждое утро, в спешке. А ведь все может быть иначе.

Я делаю шаг к нему ближе. Я еще никогда не была к нему так близко.

Я касаюсь его груди ладонью. Ощущаю биение сердца. Оно бьется слишком быстро для той каменной глыбы, какой ты стараешься казаться, Анкхарат. Но ты не каменный, ты сам мне сказал. Не учел, проговорился.

Ничего из этого я не говорю.

Я поднимаюсь на цыпочки и легко целую его в губы. И чувствую подушечками пальцев, как ускоряется биение его сердца.

Мне не нужно спрашивать, что ты чувствуешь теперь, Анкхарат. Я тоже это чувствую.

Хлыст летит на землю. Он хватает меня за талию, притягивает к себе. Целует с жадностью, совершенно не считаясь со мной. Мужчина выбирает, женщина повинуется. Разве я не знала, куда приведут меня мечты?

Я пытаюсь оттолкнуть его от себя, упираюсь обеими руками в грудь, но он только усмехается, на миг прерывая поцелуй. Он сильнее. Он заводит мне руки за спину, придерживая обе кисти одной только рукой. Я в его власти. Разве я не хотела этого? А зачем тогда играла с огнем? Его не оттолкнуть, не обрести свободу, пока он не получит желаемого.

Он держит мои руки правой, а левой срывает с моих бедер ненавистную ему короткую юбку.

— Нет… Нет!

— Нет? — переспрашивает он. — После всего я слышу «нет»? Я долго терпел. Долго отказывался идти на поводу планов Асгейрра.

— Причем здесь… он? — я тяжело дышу.

— Гонки… — его дыхание тоже сбилось. — Чья избранница раньше других заявит, что ждет ребенка, тот занимает первую дорожку. И так до десятой. Я щадил тебя. Щадил твоих детей.

— У пока не хочу детей, Анкхарат.

Он смеется. Ну да, в этом мире, наверное, это звучит смешно.

— Это решать Богам. Не тебе.

— Я решаю тоже.

— Снова знания твоих предков?

— Отпусти меня.

Он отпустил. Хотя его взгляд оставался диким, голодным.

— Я еще могу занять шестую дорожку, ты слышала, — произносит он с угрозой.

— Анкхарат… Сейчас это сложно рассказать, но я обещаю собраться с мыслями, чтобы… объяснить тебе кое-что о женщинах. И кое-что о мужчинах.

По глазам вижу, что не верит. И спрашивает немного разочаровано:

— А до тех пор оставим все, как есть?

— Нет. Мы можем… ну я могу… показать тебе кое-что…

— Что?

— Пообещай сначала, что если я скажу «нет», ты остановишься.

Он колеблется.

— Ты сам говорил, что женщина приносит больше наслаждения, если у нее есть желание.

Он снова поднимает глаза к небу.

— Когда же мы перестанем, наконец, говорить об этом? — выдыхает он. — Хорошо, обещаю.

— Я стукну тебя чем-нибудь тяжелым, если ты будешь делать вид, будто не слышишь меня.

— Ты еще кота на помощь позови.

— Поводья! — ахнула я.

— Что?!

— Старые поводья Швинна! Я привяжу тебя, Анкхарат, и ты ничего не сможешь мне сделать.

— Я и не собираюсь идти против твоего желания, — серьезно ответил он. — Я ведь обещал.

Он снова потянул меня к себе.

— Тебе не кажется, что время разговоров давно прошло?

Его губы легко скользнули по моим, без напора и грубости. Я обвила руками его шею, и он разгадал мои мысли, подхватил под коленями, приподнял над землей и понес в дом.

Очень быстрым шагом.

Почти бегом.

Глава 21. Десятая дорожка

Пока Анкхарат был рядом, я эгоистично молила Мироздание хоть на миг замедлить свой стремительный бег. Остановить закаты и рассветы, не менять времена года, не позволять бутонам превращаться в цветы и не расшвыривать пожухлые кроны деревьев на размытую дождями землю.

Разумеется, время оставалось безучастным и только множило зарубки в моем календаре.

Я не преуспела в обучении Анкхарата, по правде сказать, ни той первой, ни последующими ночами. В конце-то концов, строения наших тел не изменились за сотню веков, разделявших нас, и уже сейчас мужчины знали, как минимум несколько способов того, как получать удовольствие.

Я умирала от ревности. Я старательно гнала прочь от себя вопросы о том, где Анкхарат постигал науку любви, в Домах Наслаждений или ему попадались искусные избранницы, но получалось плохо.

Мне хотелось превзойти их всех вместе взятых и, видят Боги, я старалась.

Анкхарат не спрашивал, где всему этому училась я. Девственность в их обществе не играла никакой роли, не превозносилась до небес, а ее отсутствие не осуждалось. Ее потеря считалась естественным этапом взросления человека, только и всего. Наряду с верховой ездой, умением управляться с оружием мужчина учился обращаться с женщиной.

Ревности они не знали тоже. Что было логичным для этого общества, в котором мужчина мог делить женщину с другими из племени.

А еще чтобы ревновать, нужно было любить. А этому чувству в нуатле даже не нашлось подходящего слова.

Я кусала губы, когда изгибалась дугой под его руками, чтобы подавить этот полукрик-полустон: «Люби меня, слышишь, только меня!»

Я могла, как говориться, привязать его к себе так, чтобы потом и отвязать-то нельзя было, но это было нечестно, несправедливо, низко и вообще…

Нельзя обрекать его на любовь, как бы хорошо мне сейчас не было.

Еще я часто благодарила Мироздание хотя бы за то, что не угодила в век, когда церковь и религия вмешались в то, что касалось только нас двоих и никого больше. Хвала Богам Нуатла, что, благословляя мужчин, они все же оставались за пределами

спальни, позволяя решать именно мужчине, без нравоучений, осуждений и запретов, как поступать с женщиной в своей постели.

Иногда Анкхарат слишком увлекался, и мне было не догнать его. Но с той единственной ночи мне больше не приходилось останавливать его, он не прибегал к силе, не использовал превосходство, чтобы навредить мне. Это уже говорило о многом, если задуматься.

Я так и не спросила, почему жен вообще отправляют на Остров прочь от мужа. Пораскинув мозгами и сопоставив рассказы Зурии и Анкхарата, я пришла к выводу, что эта ссылка обязательна только, если женщина беременна. Это успокаивало.

Дети меня и раньше пугали, но в совокупности с тем, что мне вообще придется рожать в этих первобытных условиях, внушали прямо-таки неподдельный ужас.

Я старалась отстрочить этот миг.

Я не могла бы объяснить Анкхарату, например, как добывать и обрабатывать металлы, как усовершенствовать его оружие или обмундирование солдат. Мое появление здесь не могло повлиять на уровень достижений целой цивилизации, не могло изменить обязательных ступеней развития человечества, хотя книги и фильмы когда-то пытались убедить меня в обратном.

Жители Нуатла со мной или без меня собирали урожай, возделывали поля деревянным плугом, редко где используя быков для этого и так же, как века тому назад, строили дома в виде пирамид из огромных блоков, которые поднимали с помощью замысловатых приспособлений и примитивных инструментов. Нет, магия не помогала им в этом. Участие жрецов обходилось дорого.

По-настоящему я оценила только те знания, которые в моем веке без труда могла получить почти каждая женщина о строении собственного тела и законах, которым оно подчинялось. Я вспомнила, кажется, все, что только знала о женском цикле и сопряженных с незащищенными отношениями опасностях.

Только однажды мое сердце пропустило несколько ударов, когда я уставилась на календарь, в котором для удобства округляла все месяцы до тридцати дней. Когда я завела его, я старалась следить за временем в принципе, чем за реакциями собственного организма. Тогда я и помыслить не могла на отношения с Анкхаратом.

Я поняла, что сильно ошиблась в вычислениях опасных дней в этом месяце. Но цикл пришел в срок, хотя и на тридцатый день. Я окончательно запуталась бы, если бы начала вести два отдельных календаря, поэтому пришлось забыть об обычном

летоисчислении. Все равно оно было самообманом и не значило почти ничего в действительности. Мой календарь сократился, и только на двадцать восьмой дней я выдыхала, с облегчением принимаясь за новый месяц.

Поначалу Анкхарат не очень верил мне. Но месяцы сменяли друг друга, а я не округлялась в нужных местах, не спала больше обычного, не начинала есть за троих… Он с настороженностью ждал, хотя медленно, но верно все же успокаивался.

Бесполезно было объяснять ему про цикличность женского организма. Даже для современного мужчины эти знания чуть-чуть граничили с необъяснимой магией.

Я просила только довериться мне. Ведь он, как и я, не готов был к детям, но совершенно по другим причинам.

— Грядут перемены, — говорил Анкхарат. — А дети делают мужчину уязвимым.

— А женщина?

Он ответил не сразу. Неосознанно, погруженный в собственные безрадостные мысли, он водил рукой по моей спине. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Медленно, едва касаясь подушечками пальцев.

— Женщина делает мужчину слабым, — наконец, ответил он. — Я не могу позволить Асгейрру одержать вверх, ведь, если он узнает… Представь, что будет, если он узнает…

Вверх. Вниз. Думать совершенно невозможно, но я стараюсь.

— Узнает что? — вырывается у меня и это слишком похоже на стон. — Я твоя избранница, что он может узнать такого, чего еще не знает?

Рука опускается ниже, я выгибаюсь, помимо своей воли. В его языке нет необходимых слов для этих чувств. Эти чувства делают мужчину слабым. Он знает только это, поэтому так же молча переворачивает меня на спину и целует в губы, второй рукой помогая себе, а я выгибаюсь ему навстречу с беззвучным стоном.

Это эгоистично. Это невероятно эгоистично так мучить его. И подвергать себя и его опасности. Она явно маячит на горизонте, ведь не зря же он по-прежнему тренирует солдат и каждый вечер долго смотрит в небо, ожидая новых вестей.

Вести появляются скоро.

Еще два брата добились результатов, и теперь их осталось двое — Анкхарат и Гвембеш, чьи избранницы до сих пор не носят под сердцем детей.

Той ночью я иду против всякой логики, которой придерживалась до этого, и говорю ему, что он еще может занять девятую дорожку, еще не поздно.

Он отстраняется, ложится рядом на спину и долго

рассказывает о зверствах, которые творили Львы Пустыни, когда впервые проникли в Нуатл. Объясняет, что стремлению спрятать женщин и детей Сыновей Бога на Остров, есть множество других объяснений и некоторые из них стали ему понятны только сейчас. Тех женщин, что Львы нашли в Сердце Мира, а большинство из них были из Домов Наслаждений, постигла печальная участь. Львам недосуг было разбираться с запутанными традициями Нуатла, они приняли этих женщин за жен Сыновей Бога. Он говорит об убитых детях и реках крови, а после поднимается на локте и, глядя на меня, спрашивает ровным тоном, хотя я лежу сама не своя от страха:

— Разве участие в гонках стоит этого?

Той ночью он впервые уходит от меня, и я слышу, как бьются крылья орла, отдаляясь от дома.

Наверное, именно тогда впервые до меня в полной мере дошло, через что ему пришлось переступить, чтобы ответить на мое желание. Я-то бросилась в омут с головой, я жаждала наслаждения, потому что это было естественно для моего восприятия мира. В моем мире, если мужчина и женщина хотят друг друга, они получают то, чего хотят, и причины, которые могут удержать их от этого шага, можно пересчитать по пальцам.

До меня он был свободен, как ветер. И впервые в жизни собирался повернуть против традиций и обязательств, навязанных ему общественным строем. Конечно, он не мог не явиться на ритуал Матери, сославшись на головную боль, но никто не мог заставить его дать жизнь детям, которым, по его мнению, угрожала смертельная опасность.

Но в жизнь Анкхарата ворвалась я. Он продержался гораздо дольше, в отличие от меня. Если бы я знала с самого начала, что нас ждет, разве я бы поступала иначе? Я знаю, что нет. Разве не уверяла бы его точно также, что близость не обязательно заканчивается детьми? Уверяла бы, еще как уверяла бы…

Он не сможет обеспечить мне безопасность, если начнется война. Оставайся я безликой, просто еще одной навязанной ему избранницей, ему было бы проще.

Асгейрр сразу почувствовал колебание, почувствовал готовность Анкхарата задвинуть традиции в самый дальний угол, и потому выступил с этим дурацким пари. Анкхарат не подался, хотя другие братья — да. Но Асгейрру не было дела до других.

По-настоящему Асгейрра всегда волновал только Анкхарат.

Анкхарат вспылил, только когда Асгейрр прошелся по мне и моей «недостойной крови». Этим выпадом Анкхарат и выдал себя, обнажил свою слабость перед Асгейрром, хотя до этого, должно быть, казался ему гладкой скалой без единого скола, без единого

изъяна. Как и мне.

В грядущей войне Анкхарат мог бы сражаться не на жизнь, а на смерть. Его младший брат не имел над ним никакой власти.

Если бы не я.

Асгейрр разглядел даже раньше меня в словах и поступках Анкхарата то, что я, занятая собственными переживания, осознала в полной мере только сейчас.

Даже если чувствам нет названия, это не значит, что их нельзя ощущать.

Удивительно, чем может обернуться обычное желание съесть чего-нибудь сладкого…

* * *

— Это жилы животных, — сказала Зурия, протягивая мне нечто, похожее на леску бордового цвета. — А здесь раковины, — она указала на пузатые глиняные сосуды.

Еще на столе имелись заостренная с одного конца кость, каменный молоток, деревянные щепки, размером с зубочистки, моток высушенных и разрезанных на тонкие волокна сухожилий.

За стенами дома бушевала стихия. Косой дождь стучал по каменным стенам, а сквозняк носился по дому без окон, без дверей с леденящим душу завыванием. Днем стало ощутимо прохладней, ночью приходилось укрываться несколькими меховыми одеялами, которые, впрочем, мы с Анкхаратом иногда откидывали на пол, но после, насытившись друг другом, возвращали обратно. Даже горящий всю ночь и в полную мощь огонь в камине не дарил достаточного тепла при отсутствии стекол на окнах и дверей в проемах.

Несмотря на это, спать ложились все равно обнаженными. Когда я попыталась натянуть одно из страшных платьев, которое, по моему мнению, могло бы заменить мне ночнушку, Анкхарат изменился в лице.

Во-первых, одежду на ночь женщина надевала только на последних сроках в самом преддверии родов. Во-вторых, считалось, что сейчас еще не настолько холодно. По-настоящему холодно было зимой, когда приходили ветра с ледников, в которые по-прежнему были скованы северные земли Европы. В особо зябкие зимние ночи суеверные нуатлцы могли натянуть на себя пару туник. Зима была короткой и бесснежной. Остров находился южнее ледников, а океан исправно отдавал накопленное за лето тепло.

Какое-то время Анкхарат даже не отменял тренировки,

несмотря на ливни, старался выжать из солдат последние силы за оставшееся до Церемонии время.

А мы вместе с Зурией и Швинном расположились в зале в центре пирамиды, куда вел единственный вход и не было окон, из которых бы лились косые струи дождя.

Конечно, я привела в дом Швинна. Оставлять его в такую непогоду снаружи было нечестно. Хотя ни Анкхарат, ни Зурия не оценили моего благородства.

Спал тигр на полу в изножье моей кровати, и первое время Анкхарат обещал пустить его на одеяло, если тот не прекратит скалиться. Каждый раз, когда Анкхарат касался меня, срабатывала встроенная в тигра сигнализация — он выл, как ветер в подворотне.

Но, оказалось, что он с готовностью закроет глаза на мужчину в моей постели. За добавочный к ужину кусок мяса.

Фактически, эта зала, в которой проходил курс «Как обучить путешественницу во времени плести ожерелья, у которой, похоже, обе руки левые?» была тупиком.

В проходных помещениях внутри пирамиды тепло вообще никак не удерживалось, а таких помещений в них было больше всего. Некоторые состояли из одних только коридоров, в других каменные туннели поднимались все выше, рассекая надвое спальни, кладовые, столовые, молельни, пока не упирались в элитное, по местным меркам, жилье. Таким, как моя спальня. Хвала Богам, что она тоже была тупиком.

Зурия показала мне, что перемещаться между пирамидами можно было внутренними переходами, не выходя при этом под дождь во двор. Так мы прошли сквозь соседнюю и оказались в третьей из четырех крупных пирамид во владениях Анкхарата.

Ступенчатые стены этой нежилой пирамиды, выложенные из потемневшего от времени камня, я видела в окна своей спальни, но сама туда не ходила, ведь я до сих пор почти не ориентировалась даже в той пирамиде, в которой прожила почти полгода. Мне за глаза хватило и той, самой первой, экскурсии, плачевно закончившейся.

Потолки здесь были непривычно низкими. На самом деле, они были примерно метра три, но, учитывая, что в одном только Анкхарате было почти два с половиной… То да, потолки казались низкими. В моей спальне они были не менее четырех метров. Но такие высокие потолки, к слову, тоже не способствовали прогреванию воздуха до комфортной температуры.

Пирамида была построена одной из первых во владениях прадедов Анкхарата и ею не пользовались, кроме как зимой, когда вот такие комнаты-пещеры начинали цениться вдвойне.

На стенах висело оружие — всех этих каменных топоров, ножей, кинжалов и копий, с отделанными орихалком деталями, могло хватить на небольшую армию, как по мне.

— Не смотри по сторонам, — прошептала я Швинну, когда мы впервые зашли внутрь.

По выставке первобытных таксидермистов Швинн прошелся с рычанием и на полусогнутых, принюхиваясь к распластанным на полу гигантскому белому медведю и черногривому льву. В глазницах убитых зверей сверкали драгоценные камни, а обнаженные в гримасе клыки были позолочены.

Стоило взглянуть на поверженного льва, как на ум сразу пришли слова Анкхарата о войнах со Львами Пустыни. Зурия подтвердила, что это один из трофеев тех времен.

В этой зале древние зодчие выложили целых три камина. Только в стене с входом никакого камина, понятное дело, не было. Те части стен, что оставались незанятыми ни каминами, ни оружием, украшали каменные барельефы. Кроме света каминов и нескольких масляных плошек на столах и каминных полках, другого освещения не было. Факелы в этой зале не жгли.

На сегодня с плетением было покончено. Получалось у меня плохо. Я все еще продолжала резать пальцы осколками раковин, треснувших из-за неумелого использования каменного шила. Мне всего-то и нужно было, что проделать в центре раковин аккуратную дырочку, которую, впрочем, после следовало обработать горячим клейстером, чтобы скрепить целостность раковины. До клейстера я дошла только пару раз. Бедная Зурия только и делала, что грела его у камина, потому что, остывая, клейстер мог дать фору даже высохшему бетону.

Стоит ли говорить, что когда мне все-таки удалось продырявить раковину, то я тут же обожгла пальцы клейстером? А во второй раз я настолько густо обмазала раковину, что она, кажется, намертво, прилипла к столу и в ожерелье все равно не пошла?

Зурия честно призналась, что такой безнадежной ученицы у нее еще не было. От моей помощи, чтобы собрать все материалы, она отказалась. Сказала, что мои пальцы сегодня и без того настрадались.

Пока Зурия отдирала пристывшую к столешнице из необструганных бревен ракушку, я направилась к барельефам.

Крупных барельефов на стенах, незанятых оружием, было три, и я часто рассматривала каждый из них в свободное от плетения время.

Один из них, круглый, был религиозным календарем. Его центром был крупный бык с позолоченными рогами в обрамлении

десяти квадратов. Стихии огня и воды обозначались витиеватыми узорами, выдолбленными в камне. Огонь и вода пожирали ноги быка и волнами соединяли воедино все десять квадратов, которые, разумеется, обозначали всех Сыновей Бога, когда-либо правивших Нуатлом.

Следующим кругом за быком и Сыновьями была наглядная демонстрация тройного счета дней, принятая жрецами. Эта строка делилась на девять секторов. Первые три, шесть и девять дней, соответственно, обозначались одной, двумя и тремя точками. За ними шли шесть, двенадцать и восемнадцать, обозначенные одним, двумя и тремя длинными тире. Самыми сложными для понимания были последние три сектора — девять, восемнадцать и двадцать семь, которые обозначались и точками, и тире вместе. С натяжкой, все эти временные периоды можно было назвать нашими днями недели, четырьмя неделями, что складывались в месяц, и двенадцать месяцев, что образовывали год. Но, по версии жрецов Нуатла, цикл жизни продолжался шесть лет, разумеется, не тех, наших, в которых было 365 дней. Если же им нужно было обозначить какое-то далекое событие, грядущее или прошедшее, то они пользовались отсчетом именно от Церемонии Очищения огнем, которую проводили раз в шесть лет. Скажем, Львы Пустыни нападали шесть Церемоний тому назад, то есть, грубо говоря, тридцать шесть лет тому назад.

Годы жизни тоже отсчитывали от Церемоний.

Обрамляли календарь схематически изображенные праздники, в которых угадывались снопы, факелы, животные, люди. В целом он походил на круглые часы, разве что без стрелок.

Закончив, Зурия приблизилась ко мне, и я спросила ее про ритуал Матери. Она указала на квадрат на девяти часах, если следовать восприятию привычного мне циферблата. Сначала я не поняла. Изображение было не то, что схематичным, оно еще и стерлось и поблекло от времени. К тому же тени и скудное освещение довершали сложность восприятия.

Зная тонкости ритуала, я все же разглядела мужчину и женщину, которые держались за руки и как бы выходили из пламени. А в ногах у них угадывались очертания человеческих тел, отданных в жертву Богам.

Поскольку с остальными праздниками я не была знакома так близко, то, разумеется, было сложно понять, что изображено на остальных пластинах.

Я вернулась к центру.

— А бык? Что с ним происходит?

Бык был значимой фигурой во многих религиях человечества.

Странно было видеть его здесь.

— Животное ждет очищение огнем.

Вместо Зурии мне ответил Анкхарат.

Зурия поклонился ему и тут же вернулась к столу и материалам. Анкхарат, к моему удивлению, вначале тоже подошел к столу. Взял в руки мою наиболее удачную законченную работу. Когда у меня не получалось, я смотрела на нее в доказательство, что вот же, я все-таки сплела одно ожерелье, значит, могу еще.

Но когда Анкхарат взял его в руки, я почувствовала, что краснею. Зурия отобрала у него мое позорное ожерелье.

— У нее не очень получается, да? — он не сдержал улыбки.

В этот момент растянувшийся вблизи камина Швинн поднял голову и громко фыркнул. Анкхарат рассмеялся.

— Да ладно, Швинн! Даже ты против меня!

Анкхарат подошел ко мне и обнял. Его одежда была полностью мокрой.

— Ты знаешь, зачем плетешь их? — прошептал он, целуя меня в висок.

Не думала об этом. Здесь все сделано руками, кто-то мастерит одежду, кто-то обрабатывает шкуры и меха, меня не удивило желание Зурии обучить меня плести ожерелья. Мне хотелось иметь парочку, еще со времен, когда ими щедро одаривали дикарок из компании Тины Тёрнер.

Я пожала плечами.

— Это детские ожерелья, — ответил Анкхарат. — Мать начинает плести их, когда понимает, что время пришло. И носит до самых родов, а после надевает их на ребенка.

— Но… э-э-э… мое время не пришло.

— Знаю. Но Зурия не теряет надежды.

Нужно будет говорить со жрицей потом, когда мы будем с ней наедине, нельзя ли мне плести какие-нибудь обычные, не несущие никакого религиозного подтекста, украшений?

Сейчас Зурия уже оставила нас двоих.

— Тебе нужно снять мокрую одежду.

Он все еще обнимал меня, и меня пробирала дрожь. Окажись, я под таким ледяным дождем, слегла бы с пневмонией тут же. А антибиотиков тут нет.

— Анкхарат?

— Знаю, тебе хотелось бы, что я ее снял.

Я вспыхнула.

— Я не о том!

— Ага.

На нуатле это звучало как: «Baі», то самое «Baі», которому

меня впервые обучил Эйдер Олар. Тогда, на спине слона, я решила, что это «Да», но это было не только «Да». Это был скудный язык, на самом деле, выражение любого согласия обозначалось именно так. «Ага», «Знаю», «Хорошо», «Согласен», «Да», «Разрешаю» для всего этого существовало только одно слово — «Bai».

Анкхарат не слышал меня, хотя он крепко прижимал меня к себе, он был погружен в свои мысли.

— Иди за мной.

Он повел меня к третьему, самому большому барельефу в комнате. Мы прошли мимо второго, который как круглый пирог, делился на десять частей. Его центром были Боги Огня и Океана, а вокруг них, соответственно, были их десять Сыновей.

Те самые десять братьев-близнецов из моего сна, между которыми были поделены земли.

Третьим барельефом была карта Нуатл с высоты птичьего полета. Зурия уже объясняла мне, что это то, каким Нуатл был до Гнева Бога Океана, жрица показала рукой по береговой линии барельефа и сказала, что эти земли давно уже под водой.

Не раз и не два я вглядывалась в очертания острова, надеясь, что подсознание подскажет мне его современный аналог. Напрасно. Остров был большим, и до потопа очертаниями напоминал Австралию, но после — тоже стал скорее кругом, нарисованным дрожащей рукой ребенка. К сожалению, мира, что мог окружать Нуатл, мастера на барельефе не изобразили.

Оставалось неизвестным, как далеко на самом деле отдалялись от земель Нуатла Сыновья Бога в своих путешествиях на спинах орлов? И что могли видеть?…

Я уже знала, что в самом центре Нуатла располагалась высоченная гора, та самая, куда привел нас марафон невест. Это и был центр Нуатла, прозванный Сердцем Мира.

В понимании уроженца этих земель, Миром, всем миром, для него и был только Нуатл и ничего больше. В переводе на мой современный язык, Сердце Мира было столицей их государства, в котором, как я уже знала, никто из Сыновей Бога не жил постоянно. Все вместе они собирались только на важные праздники, съезжаясь со своих земель.

Получалось, что власть не принадлежала кому-то одному, не было понятия передаваемого по наследству трона или первородности, в привычном мне по средневековью смысле. Даже третий ты или шестой сын значило мало. Они были практически равны.

В столице в главном храме служила высшая каста жрецов, которые, как оказалось, и днем, и ночью не прекращали молитв.

«Только наши молитвы уберегают Нуатл от Гнева Богов», — говорили жрецы. Разумеется, мне было сложно в это поверить. Разрушительные природные катаклизмы случаются не каждый день, и в то, что именно жертвоприношения спасают Нуатл от их повторений, мне верилось с трудом. Я была современным человеком. Ну, сравнительно недавно была.

Земли Нуатла прочерчивали множество рек, но больше всего их было, конечно, в землях, доставшихся праотцам Анкхарата. Не зря же они так и звались — Речными. Я разглядела на карте даже схематичное, плоское изображение того дома, в котором сейчас находилась.

Граничили земли Анкхарата с владениями Асгейрра, и их граница пролегала между гор, в которых, по словам Асгейрра, и скрылся после нападения Тигр. Земли Асгейрра звались Закатными, из чего я решила, что не сильно ошибусь, если предположу, что это запад. Тогда земли Анкхарата располагались на юго-западе, а на юге — владения шестого Сына, по имени Альсаф.

К тому времени, я, конечно же, выучила, как их всех звали и даже упросила Зурию описать внешность каждого из них, чтобы впредь больше не обознаться. Ну, мало ли, верно?

Асгейрру досталась лишь часть Закатных гор, а вот земли седьмого брата — это были одни горы, горы, горы. В Закатных горах высиживали свои яйца белые орлы. Люди Закатных гор занимались их приручением и дрессировкой, а еще горным делом, разумеется.

Аталас, старший и первый, владел территорией вокруг Сердца Мира, в непосредственной близости к столице. Молодой Аспин, которого мне следовало «благодарить» за то, что у меня появился Швинн, управлял скалистыми прибрежными землями на севере, однако тигров там не водилось. Тигров ловили в землях Асгейрра. Это-то и разозлило Анкхарата, когда он увидел младшего брата с тигром в подарок. За всем этим, конечно же, стоял Асгейрр.

Гвембеш, чье родовое имя уступило под напором клички, данной ему в детстве, правил землями, на которых нам с Эйдером и повстречались погонщики слонов. Это были ровные плодородные степи.

Три оставшихся брата делили восточные и юго-восточные земли, богатые лесами, живностью и озерами.

Анкхарат коснулся прибрежной зоны Речных земель, она была сплошь изрезана реками. Дом, в котором мы жили, располагался севернее, на полуострове, созданном переплетением двух рек, которые то сходились, то расходились, то распадались

на притоки и только затем впадали в океан.

— Реки вышли из берегов, — сказал Анкхарат. — Такого потопа не помнят даже старожилы.

Я будто заново увидела его влажные волосы, пропитанную дождем одежду. Вот откуда он только что вернулся.

— Ты попросишь жрецов, чтобы они…

— Нет, — прервал он меня. — Эйдер Олар не хотел, чтобы мы управляли стихией. Не думаю, что и Зурия согласится помочь.

— В такую погоду немудрено, что реки вышли из берегов.

— Не в этом дело, — задумчиво отозвался Анкхарат, не отводя взгляда от каменного атласа, — в дни до Церемонии потопов никогда не было. Хотя дожди были всегда.

— Я не понимаю, — честно призналась я. — Давай, все-таки ты переоденешься?

Анкхарат не слышал меня. Он постучал пальцем южнее Нуатла, по каменной кладке.

— Земли Львов в этой стороне. И если они придут, то этой тропой, — он прочертил пальцем линию.

— На карте нет тропы.

— Нет, — согласился он. — Ни на одной карте их никогда не изображали. О них знают только жрецы и только Сыновья. Ну, еще те, кто однажды прошел по ним, да? — он посмотрел на меня.

— Хочешь сказать, что жители Нуатла не знают про тропы через воды океана?

— Им ни к чему знать об этом. Люди Нуатла не ходят в земли краста, только жрецы и солдаты, когда нужно собрать дикарей для жертвенных костров. Другим там нечего делать.

— Но краста знают, — прошептала я. — Ведь они вели меня по ней.

— Да. Они знают.

— Что тебя тревожит, Анкхарат?

— Вода, — ответил он. — Эйдер Олар говорил, что вода, которую он отводит в разные стороны, когда иссушает путь, чтобы пройти на земли краста, никуда не пропадает. Что она заливает земли или обрушивается волнами на те земли, которые встретит на своем пути.

Он гипнотизировал каменный барельеф, когда сказал:

— Кто-то проник в Нуатл через тропу, ведущую в Речные земли. Эти потопы не случайны.

— Ты летал туда? К тропе?

— Пытался, — кивнул он и показал на карте на устья рек: — Но туман вот здесь остановил меня. Неба, земли… Я даже своих рук не видел. Мимо меня могла пройти целая армия, и я бы не

заметил.

— Туман… — повторила я. — Жрецы тоже могут иметь над ним власть, разве нет?

Он даже обернулся.

— Почему? — спросил он удивленно.

— Туман это тоже вода. У тебя есть жрец Океана? Или только Зурия?

— Только Зурия. Жрецы Океана живут в Сердце Мира.

— Почему?

— Таковы традиции…

Анкхарат отошел от карты и поддался к огню в камине, протянул к нему руки. Языки пламени окрасили его бороду и лицо дрожащими тенями. Мне так хотелось помочь ему, но я…

Три камина. Целых три горящих камина! Более чем достаточно.

Я не хотела отвлекать его, даже не предупредила, чем собираюсь заняться. Просто закрыла глаза и обратилась к духу огня, который так любезно когда-то передал мне мысли Анкхарата. Могло ведь сработать, если вдруг, на нашу удачу, кто-то жег костры на этих землях, хотя вряд ли. Чтобы под таким дождем, да в такую сырость…

… перед внутренним взором замелькали дома: непохожие на наш, меньше, уже. Перед низкими закопченными каминами собирались дюжины людей, суровые бородатые мужчины ели деревянными ложками из деревянных мисок, из которых валил пар. А они все равно ели. Женщины жались к другому очагу, слабому, из сухи гоняли от него детей, когда они пытались коснуться их пальчиками, но все-таки держали их поблизости, чтобы не замерзли. Холод и тьма приносили болезни…

… не то, сообщила я огню, не те очаги, не то пламя… Дальше! Дальше! Может быть, под открытым небом?

… пламя, кажется, расхохоталось в моем сознании. Эта нескончаемая битва огня и воды на какое-то время проиграна пламенем, нет пламени под открытым небом, которое плачет дождем. Нет пламени на земле, которая пропиталась влагой и больше похожа на болота. Нет пламени в лесах, стылых и серых, как жизнь без надежды.

… Все равно. Дальше! Ищи дальше! Возможно… Пещеры? Пещеры тех гор, что ограждают Речные земли от земель Асгейрра?

… В ответ пламя показало мне самого Асгейрра, до боли похожего на Анкхарата. Рядом с ним на полу у камина, обхватив руками свой живот, сидела женщина.

…«Он хочет ее, — объяснило мне пламя. — Пока она здесь,

под его крышей и в его доме, он будет брать ее сколь угодно раз».

Только тут я увидела, что на Асгейрре совсем нет одежды. Он снова наклонился к женщине, которая не поддалась к нему, наоборот, вжалась в пол. Но Асгейрр улыбался.

— Нет! — крикнула я. — Она носит твоего ребенка! Оставь ее!

Пламя в камине взорвалось искрами. Раскидало горящие угли. Один уголек угодил Асгейрру в бедро. Он отпрыгнул, зарычал, потирая обожженное место, устремился за кувшином воды, и я потеряла его из виду. Светловолосая женщина обратила к камину свое изможденное лицо.

— Спасибо, — прошептала она, глотая слезы.

Движения причиняли ей боль. Она скривилась, натягивая на плечи разорванную одежду. Но Асгейрр уже вернулся, встряхнул ее за плечи и поднял на ноги. Она едва удержалась на ногах.

— Гори, гори ясно! — взревела я.

Пламя хлынуло из портала камина к стенам, точно огненные лозы. Стало светло как днем. Воздух накалился. Завопив, женщина упала на колени и поползла к выходу.

Асгейрр остался, он так пристально вглядывался в камин, словно рассчитывал увидеть того, кто призвал стихию к безумию. Он улыбался улыбкой сумасшедшего, но страха в нем не было. Ни капли.

За его спиной появились два жреца. «Они просят уйти», — прошептало пламя, и я перестала видеть огненный ад, в который превратила дом третьего брата.

Открыла глаза. И оказалась в другом аду.

Я глубоко вдохнула, по ощущениям я словно ныряла на задержке дыхания, но воздуха не было. Я закашлялась.

Где-то вдали с безнадегой в голосе выл кот, до меня не сразу дошло, что это Швинн. Шкура белого медведя больше не блистала белизной, из ее центра валил едкий черный дым.

Я не видела Анкхарата. Не видела остальные две стены и камины в них. Только огонь и дым.

И в этом разбушевавшемся огне, когда пришлось уже по-настоящему задерживать дыхание, я вдруг увидела его.

Тигра.

Неандерталец склонился над искоркой, которую раздувал собственным дыханием из комка сухого мха. Его била сильная дрожь. Волосы лежали на плечах и вдоль спины, с них ручьем текла вода. Где-то вдали тоже капала вода, отдаваясь эхом.

Пещера.

Асгейрр не соврал, Тигр был здесь, в Нуатле. И даже, может быть, рядом. Но почему он вернулся? Почему стал беглецом,

скрывающимся в пещерах? Откуда в нем столько страха и чего он боится? Огонь чувствовал исходящий от него ужас.

Тигр терпеливо раздувал искорку, склонившись над ней, но из мшистого клубка тянулась лишь струйка серого дыма. Искра не могла разгореться. Силы пламени против влаги были неравны.

Вдруг рядом с Тигром проревело какое-то животное. Он вздрогнул, но не пустился в бегство, он знал, что хищник рядом. Он боялся его. А еще он знал, что разводить пламя запрещено, но он продрог до самых костей, он устал, ему просто хотелось ощутить хоть немного тепла…

Это не понравилось тем, кто находился рядом с ним. Конечно, дым выдал его. Тьма вокруг дикаря вдруг обрела руки, ноги и стала темнокожим человеком в пятнистой шкуре леопарда. Сверкнули мощные белые зубы, темнокожий заорал и бросился на Тигра. Но сначала он растоптал и расшвырял по земляному полу пещеры остатки мха…

И я перестала его видеть. Тьма обступила меня. С головой укрыла душным горячим одеялом, под которым, бывало, лежишь в детстве из последних сил, а дышать уже нечем, но ты лежишь, терпишь, а когда уже захочешь вырваться, вдруг теряешь край этого одеяла, мечешься под ним, а дышать-то нечем…

Вода жалила холодом. Она лилась за шиворот, заливалась в глаза и мой открытый рот. Я вздохнула и закашлялась, на этот раз поперхнувшись каплями дождя. Дождь? Откуда в доме дождь?

Легкие горели огнем. Перевернувшись на бок, я долго откашливалась, когда что-то кольнуло мою ладонь.

Швинн тыкался в мою руку носом, а кололись его усы.

Я здесь, мальчик, здесь, просто сил нет. Я шевельнула пальцами руки, чтобы коснуться его, но вместо мокрой шерсти дотронулась до человека, лежащего рядом. Тот никак не отреагировал.

Я собрала все силы в кулак, чтобы перевернуться на живот. Увидела вокруг себя внутренний двор. Огонь охватил пирамиду. Горела деревянная мебель и перекрытия, метались черные тени людей, порыкивал недовольный из-за дождя тигр.

Дождь мешал разглядеть лицо человека передо мной, сил встать на ноги не было. Я поползла к нему на пузе, загребая грязь руками.

И оказалась права. Это был Анкхарат.

По его лицу сбегали струи дождя. Он не дышал.

Меня учили оказывать первую помощь. Учили так, чтобы от зубов отскакивало, несмотря на шок и травмы, которые может заполучить в аварии велосипедист.

Но, когда я коснулась его груди, мои руки все равно дрожали.

Давай, Анкхарат, давай. Ты вытащил меня из огня не для того, чтобы умирать самому. Давай! Даже Асгейрр выжил! Ты должен быть сильнее!

— Анкхарат!

Дождь и ревущее пламя заглушили мой крик. Вдох. Выдох. Прекрасное далёко, мы так не договаривались. Не будь ко мне жестоко, слышишь? Только не сейчас… Только не сейчас!

Я касалась холодных губ, снова и снова, снова и снова.

Давай, очнись, Анкхарат, очнись… Давай!

Он закашлялся. Я помогла ему перевернуться на бок. Это потребовало от меня стольких усилий, словно я поднимала в одиночку гранитную плиту надгробия. Обессиленная, я коснулась лбом его плеча.

Сотрясавший его кашель стал сходить на нет. Анкхарат высвободил руку и прижал меня к себе, не говоря ни слова. Мы оба смотрели, как медленно, слишком медленно стихает пламя.

Позже, когда он помог мне подняться на ноги, к нам вышла Зурия. Она была бледна, ее вел за руку мастер кожевник.

— Если бы… нас было двое жрецов, было бы проще, — тихо объяснила она.

Анкхарат обнял ее за плечи. Она сделала невозможное, не дала распространиться огню на другие, стоящие впритык к горящей пирамиде дома.

Мне было стыдно смотреть им всем в глаза. Все это было из-за меня и моей горячности. В очередной раз.

Зурия слабо кивнула мне и сказала:

— Бывает.

На большее она сейчас была не способна. Кожевник повел ее в дом. Я посмотрела на Анкхарата. Он взял меня за руку и повел через левую пирамиду к горячим источникам. Самое то в этот зверский холод. Я дрожала от холода и пережитого страха, пока шла за ним по темному лесу. Пирамида уже не горела. Швинн тенью следовал за нами по пятам.

Внутри на источниках света не было.

— Я сам, — сразу предупредил Анкхарат.

Да огню больше слова не скажу. Хватит с меня.

Он зажег кремнем два масляных светильника и спустил вниз к воде. Я спустилась следом. Швинн при виде лестницы фыркнул и растянулся у входа. Выставили стражу, что тоже неплохо. Учитывая то, что огонь показал мне…

Раздевшись, Анкхарат первым опустился в воду. Я нырнула следом, наслаждаясь обволакивающим теплом. В нос ударил уже привычный серный запах. Я устроилась на плече Анкхарата, ожидая, что он устроит мне проволочку. Еще бы, спалила к

чертям родовое поместье вместе с военными трофеями. Короче, все, что нажито непосильным трудом…

Но Анкхарат спросил:

— На каком языке ты говорила?

А проклятье, я говорила с огнем на русском? Вот где собака порылась.

— Это язык моих предков.

Не всех, но хотя бы большей части из них.

— Я, конечно, знал, что ты умеешь приказывать огню…

Ну да, незабвенный ритуал Матери.

— Но я и не предполагал, что ты умеешь разговаривать с ним, — он взял меня за подбородок и взглянул в глаза. — Жрецы долго учатся этому, Айя.

— Знаю. Я больше не буду.

Он неожиданно улыбнулся.

— Будешь, — услышала я. — Будешь, иного выхода скоро может и не быть. Что ты видела? Что тебя так разозлило?

Я рассказала ему про Асгейрра и его избранницу. Анкхарат помрачнел.

— А потом? — спросил он. — Ты открыла глаза, я уже оттащил тебя от камина, но ты вдруг уставилась в пламя невидящими глазами.

— Я видела Тигра.

— Того дикаря? — он сузил глаза. — Асгейрр был прав.

— Да. Он пытался зажечь костер, но там, где он был, в какой-то пещере, люди, которые его держали, запретили ему жечь огонь.

— Ты видела этих людей?

— С темной кожей. Ничего больше.

— Этого достаточно. Это Львы Пустыни. И они запретили разжигать дикарям огонь, чтобы жрецы Нуатла не обнаружили их. Они и раньше так делали.

— Как они попали в Нуатл? Ведь… О Боги, потопы в Речных землях?!

— Да, Львы проникли по тропам. Львы здесь. И твой Тигр и возможно другие краста у них в пленниках.

— Но зачем им краста?

— Чтобы отвлечь внимание. Асгейрр ведь сообщил нам о нападении людей краста. Не Львов.

— А если он… с ними заодно?

Анкхарат ответил не сразу. Он провел рукой по моим волосам, с которых, наконец, смылась сажа, и только потом тихо произнес:

— А он итак с ними заодно.

— И что ты собираешься делать?

Он гладил мои волосы, пропуская их через свои пальцы. Он думал.

— Я давно знал, что собираюсь делать. Давно готовился к этому. Были и другие признаки. Тот же спор… Только теперь все стало сложнее. Теперь у меня есть ты. Это все меняет, понимаешь? Ты должна поверить мне. И должна… Простить, если сможешь.

— Почему? — прошептала я. — Почему я должна тебя прощать?

— Я расскажу, — прошептал он в ответ. — Только позже. Когда все изменится.

Он поцеловал меня, холодеющую от страха, так нежно, как никогда не целовал раньше.

— А ты? Где будешь ты? — шептала я.

— Я найду тебя. Один раз нашел и второй раз найду. Слышишь? Верь мне. Пожалуйста, верь. Я не смогу повторить этих слов там, в Сердце Мира. Этих чувств, что я чувствую к тебе, в том мире не существует. Верь в меня, чтобы ни случилось… И прости, если сможешь.

Глава 22. Сердце Мира

Нам повезло, утром дождь прекратился. Я простилась с Зурией, которая обещала присмотреть за Швинном. Брать тигра с собой было нельзя. Многое можно было позволить творить здесь, где никто тебя не видит, но не там.

Вылетали мы еще до рассвета. Холодно было жуть, не спасали даже меховые чулки. В них был продет шнурок, который и стягивал их чуть выше колена. Поверх надевались все те же кожаные сандалии. Вообще это была зимняя одежда, но мне сделали послабление.

В холод я по-настоящему поняла, что мне не хватает той легкой, облегающей и теплой одежды, типа термобелья и флисок. Спортивная одежда впитывала пот и не сковывала движения.

Чулки с меня спадали, шнурки эти постоянно развязывались или же я сильно перетягивала ногу, так что она начинала неметь. Тяжелый меховой плащ, спору нет, дарил тепло, но по весу был точно Швинн.

Штаны надеть мне не позволили. Я могла их носить здесь, но не в Сердце Мира на глазах у всех остальных Сыновей Бога. Только платья, подбитые мехом. Те самые платья, по которым я скучала столько времени, пока носила бесформенные мешки. Теперь я готова была променять эти сексуальные вырезы на теплые мешки, которые укрывали меня с ног до головы.

Я представила, как холодно, должно быть, там наверху, и натянула поверх чулок и кожаной куртки, еще одно платье, какое осталось неразрезанным. Надо же, когда-то я стремилась пощеголять ножками, ха! Сверху все этого был плащ на меху.

Анкхарат тоже был в плаще, но одежды на нем было всяко меньше. Перед полетом мне выдали даже варежки и шапку. Но варежки были какие-то неправильные — они представляли собой кусок мехового отреза, нашитым на кожаную полосу, которая завязывалась на кисти. С изнаночной стороны варежек была пришита кожаная петля, которая надевалась на указательный палец. И все. Если держишься за всадника или даже за поводья в таких недоварежках, то мех покрывает кулак хотя бы сверху, хотя все равно холодно. А привычные варежки, похоже, еще не изобрели, не говоря уже о перчатках.

Когда Анкхарат в последний раз решил проверить все подпруги, я подбежала к Зурии и крепко обняла ее.

— Я буду ждать, — сказала жрица.

Я поцеловала Швинна в его колючие усы и вернулась к орлу. Анкхарат подсадил меня, обошел, сел сам. Махнул рукой

собравшимся.

Когда я обвила его руками, подтянула ноги, как он учил меня в самый первый раз, он прошептал мне:

— Готова?

Я кивнула. И все равно вскрикнула, когда орел, расправив крылья, устремился к краю срезанной макушки пирамиды и, перемахнув через лужу, рухнул вниз.

Как давно я не летала! И как же страшно, мать вашу! Анкхарат-то был опытным наездником, а я?… Я Швинна даже рысью не пускала, только прогулочным шагом. Да и ногами можно было в любой момент коснуться земли. На спине тигра не то, что в седле велосипеда.

После того, как орел стал набирать высоту, я пересилила себя и глянула назад на пирамиду, ставшую мне настоящим домом.

Полосато-оранжевая точка наворачивала круги вокруг человека в красной одежде — это Швинн выпрашивал у Зурии еду.

* * *

Дорога выдалась тяжелой. В разы тяжелее моего первого путешествия над землями Нуатла. В тот раз страх не позволял мне любоваться окрестностями, сейчас — леденящий ветер. Всю дорогу я утыкалась лицом в спину Анкхарата. Оголенные части тела ветер резал точно ножом.

Хотя Анкхарат и не летел высоко, над самыми макушками деревьев. А выше нас бежали полные дождя облака и дул порывистый ветер.

Как во всех городах и во все времена в Сердце Мира было значительно теплее. Дома-пирамиды защищали от ветра, а освещающие улицы многочисленные факелы и костры нагревали воздух. Люди не ходили по улицам, закутанные по самый нос в меха, как я предполагала. Женщины носили все те же платья с глубоким вырезом на груди и двумя вырезами на длинной юбке, чтобы при ходьбе оголялись колени. Разве что в их гардеробе появились меховые боа и муфточки, в которых они прятали озябшие руки.

Мне пришлось часа два отмокать в горячем источнике, чтобы прийти, наконец, в себя и перестать дрожать.

Приземлившись, Анкхарат высадил меня, передал на попечение рабу-управляющему домом-пирамидой и, поцеловав на прощание, улетел восвояси.

Когда мы прилетели, было еще светло, но когда я, покинув

горячий источник, оборудованный на нижнем уровне пирамиды, рухнула на ту широкую постель, которая была единственной мебелью в отведенной мне спальне, за окном уже сгустилась ночь.

Молчаливый раб принес еду и замер у входа, сцепив перед собой руки. Я проглотила мясное жаркое с развалившимися кореньями, безвкусными, как мороженая репа, даже вытерла глиняную чашу куском лепешки, до того я была голодна. Подумала об Анкхарате и о том, удалось ли ему съесть хоть что-то к этому часу. Пусть он и был в разы выносливее меня, но всему есть предел, верно?

Когда я доела, раб подхватил посуду и принес мне еще одну глиняную тарелку. На ней лежали медовые соты.

Могу поспорить, что это те самые, с Солнечного острова. Я облизнулась, как кошка. Мед сверкал расправленным янтарем на тарелке.

Примерно раз в неделю к твердым безвкусным лепешкам подавали ложку меда, не больше. О шоколаде не приходилось и мечтать.

В это мире мне действительно страшно не хватало сладкого. Я почти забыла вкус шоколада, мороженого или кофе, только помнила, что когда-то эти продукты приносили неземное удовольствие. Я не шутила, когда просила Анкхарата привезти что-то сладкое.

Он запомнил.

Я коснулась пальцами липкой соты. Нагнулась и откусила кусок. Кто бы мне сказал, что я душу Дьяволу продам за мед, фиг бы я поверила.

Я ела и, наверное, урчала, как Швинн, когда ему доставалась печень убитого оленя. Потом я облизала каждый палец. Потом даже тарелку. Каждая капля такого ценного продукта не должна была пропадать даром.

Бесшумный, как призрак, раб сам забрал тарелку, когда я отставила ее в сторону, унес и расстелил постель, хотя я и сама могла это сделать.

Так близко с рабами я еще не сталкивалась. В поместье их было несколько, они помогали Зурии по хозяйству и готовили еду, но никто из них не прислуживали мне.

Давным-давно, когда я только столкнулась с рабами в пирамидах Анкхарата и уставилась на них, Зурия с удивлением объяснила мне, что рабов нельзя замечать. Пока они хорошо исполняют свою работу и предугадывают желания хозяев, к ним нет нужды обращаться, звать, прогонять. Они исчезают ровно тогда, когда нужно и появляются, когда в них нуждаются. Лучшие рабы живут и умирают безымянными.

Только когда раб провинился или достоин наказания, ты смотришь ему в глаза и называешь по имени. Всех мужчин-рабов звали одинаково, как и женщин-рабынь.

Мне сложно было с этим смириться. Понятное дело. Но, стиснув зубы, пришлось смириться, что мне не по силам организовать им профсоюз, выбить из правящей верхушки, то есть из Анкхарата, пособия и отпускные и тому подобное…

Этот мир был другим, снова и снова повторяла я самой себе, я должна это наконец-то понять. Либо я принимаю его таким, какой он есть, либо становлюсь для рабов Спартаком и жгу дома из-за жестокого обращения с женами… Жечь дома мне не понравилось. Тем более что вряд ли пожар чему-то научил Асгейрра.

На самом деле, я с самого начала очень опасалась и опасаюсь до сих пор изменить или нарушить что-либо во времени. Повлиять так, как уже повлияла, скажем, на Анкхарата.

Он изменился. Отношения со мной невозможны без этого.

И, кажется, я уже скучаю по Зурии и Швинну.

Усталость взяла верх, а сытость дополнила начатое. Скинула одежду, я нырнула под одеяло. Услышала, как раб вынес лишние факелы, и комната погрузилась в полумрак, освещаемая только неровным светом огня в камине.

Мысленно я снова вернулась к прошлой ночи. Обнимая меня, в полумраке, в тепле горячего источника, Анкхарат сказал, что гонки, в которых он займет последнюю десятую дорожку, назначены на третий день. Это уже завтра.

Церемония начнется тем же вечером, после пира в честь победителя гонок. На этом же пиру Сыновья Бога попрощаются с беременными избранницами. Пришло их время удалиться на Остров, чтобы выносить и родить там сыновей. Детям не место в Сердце Мира, пока им не исполнится хотя бы три года.

Он не сказал, что ждет меня дальше, ведь я, единственная из них, не беременна. А я не стала спрашивать, раз не беременна, то остаюсь с ним, разве нет?

После пира и проводов избранниц Анкхарат вместе с братьями войдет в Храм и спустится на самые нижние его уровни, где и должен будет провести целых шесть дней без еды и сна. Они будут поститься, чтобы очистить разум и помыслами разгадать волю Богов. Покинуть Храм самостоятельно и раньше срока они не могут. На место входа жрецы задвигают особую зачарованную стелу — дверь, по сути. Уникальная и особенная дверь, призванная оградить Сыновей от суеты внешнего мира и не дать божествам проникнуть в мир обычных смертных. Вот почему во всем Нуатле больше нигде не было дверей. Они были священны и

имелись только в единственной зале главного Храма.

Двери в доме могут привести к гневу Богов, подумать только, а?

Если Львы и ударят, как опасался Анкхарат, то лучшего времени, чем эти шесть дней, пока все Сыновья заперты в Храме, им не найти.

Армиям нужно подготовиться и выйти и кто-то, в конце концов, должен отдать им этот приказ. Время будет упущено. А если среди Сыновей завелся предатель, то будет ли вообще отдан этот приказ?…

Сыновья никогда не приводили собственные армии в Сердце Мира. Солдаты должны были оставаться в родовых землях, когда хозяин покидал их. Так было принято. Столицу защищала только элитная гвардия, скажем так, из менее удачливых младших братьев и подросших детей самих джанкойан одоран. Там служили и два сына Асгейрра, несмотря на свой юный возраст. Все рожденные в Сердце Мира первенцы от женщин в Домах Наслаждений, тоже становились солдатами. Такова была плата за проживание в столице.

Многолюдно здесь становилось на праздники, все важнейшие ритуалы всегда с размахом отмечались именно в столице. А еще гонки привлекали зрителей. Круглогодично в Сердце Мира проживали только женщины из Домов Наслаждений, работники ипподрома: наездники, тренера, возницы; солдаты гвардии и командующие; жрецы и жрицы и многочисленные рабы-прислужники в Храме и на ипподроме.

Вообще, та единственная война Нуатла с захватчика, имевшая место еще до рождения Анкхарата, велась достаточно странно, даже по моему несведущему мнению. Тогда Сыновья, связанные по ногам и рукам традициями, боролись с темнокожими захватчиками лишь на своих родовых землях своими же вооруженными силами. Ни шагу дальше за их пределы никто не предпринял. Никто не приходил на помощь соседней области, где правил другой брат, скажем. Жители Закатных гор, например, вообще отсиделись в удаленных пещерах, до которых Львы, как неопытные скалолазы, даже не добрались.

Если бы не магия, не знаю, чем бы закончилась для Нуатла такая война индивидуалистов.

Львы с запозданием сообразили, что больше пользы будет от живых жрецов, чем от мертвых, и стали активно брать последних в плен. Но жрецы, фактически, единственная объединения для всех земель Нуатла структура, к тому времени уже нанесли по армиям захватчика непоправимый урон.

Львы бежали. Анкхарат не исключал, что в качестве рабов

они увезли многих жрецов. Точных данных о погибших и пропавших без вести жрецах не собирали. А зря, как я считаю.

Сомневаюсь, что Львы оказались настолько глупы, что вырезали всех рабов-жрецов. Прошло достаточно лет, возможно, их теперь уже не удивишь стихийной магией. Всегда должна оставаться вероятность, что некоторые жрецы даже стали добровольно служить им.

А это значило, что скрытые под водой сухопутные тропы Нуатла могут обнажиться и перед армиями захватчика. Анкхарат считал, что это уже произошло.

Анкхарат надеялся, что выбьет правду из Асгейрра во время Церемонии. Как именно он собирался ее выбивать, он не сказал.

Целых шесть дней я буду ждать его. Анкхарат говорил, что я буду в безопасности, и что должна поверить ему. Что мне оставалось? Подмывало, конечно, сказать что-то вроде: «Не иди» или «Давай сбежим ото всех, да хоть в те же Закатные горы!»

Но Анкхарат готовился к Церемонии задолго до моего появления. Пусть он сам изменился, но кое-что остается неподвластно любви. Например, чужеземное вторжение.

Анкхарат считал, что именно той ночью, ставшей первой для меня на берегах Нуатла, Асгейрр и договорился с захватчиками и выбрал дату Церемонии.

Все джанкойан одоран в ночь перед ритуалом Матери прибыли в Сердце Мира, и Асгейрр в том числе. Но самым последним.

Если бы орла Асгейрра заметили в небе в другую ночь, это вызвало бы вопросы. Его самого может и не разглядели бы с земли, но именно той ночью летающие орлы привлекали чуть меньше внимания, чем обычно.

Все знали, что Сыновья Бога собираются в Сердце Мира для ритуала.

План Асгейрра был прост, но у Анкхарата ушел не один день на то, чтобы разгадать его. Асгейрр планировал слетать в земли за морем и вернуться затемно обратно. Как бы он не связывался с Львами раньше этого, в решающий момент понадобился его личное присутствие.

Асгейрр все продумал и ничем не выдал бы себя… Он затемно вернулся бы в Нуатл, если бы не заметил пожар на песчаной тропе.

Позже, на пиру, Асгейрр красочно описывал ночное небо и то, что зарево пожарища было видно из самого Сердца Мира. Он должен был хоть как-то объяснить свое неожиданное появление рядом с Эйдером Оларом. И вот вместо того, чтобы приземлиться в Сердце Мира, Асгейрр направился на помощь людям.

Никто из благодарных слушателей Асгейрра никогда не набирался смелости уточнить, где именно произошло побоище, а Асгейрр никогда сам не упоминал о песчаной тропе. Дураком он не был.

Как и Анкхарат. Когда я рассказала ему, как только научилась говорить, что мы встретили Асгейрра на Рассветной тропе, он понял, что история героя была ложью.

На самом деле, он просто пролетал мимо и он никогда бы просто так не остановился, чтобы помочь. Совесть его бы не мучила. На кону стояла жизнь всего Нуатла, что ему было до тех краста, солдат и жреца?

Но в свете пожаров, как считал Анкхарат, Асгейрр узнал жреца из Речных земель. Это и предрешило участь Эйдера Олара.

Желание лишний раз досадить брату взяло верх над разумной осторожностью, и Асгейрр приземлился на тропе. Он осведомился у Эйдера Олара не нужна ли ему помощь, указал на меня и спросил, кто эта девушка и почему она здесь, разозлился, когда жрец назвал меня претенденткой в избранницы, словом, ничего полезного. Асгейрр понимал, что Эйдер донесет на него Анкхарату, и это предопределило его дальнейшие шаги.

К чести Асгейрра, надо сказать, что он все-таки оказал нам помощь. Того вола, которого прислали за нами на тропу следующим утром, нам прислали именно по просьбе Асгейрра. С этой просьбой он приземлился у первого же поселения. В своих рассказах он так же не уточнял, какого именно.

Я знала, что это были пещеры, где жили пропахшие рыбой люди. Об этом я тоже рассказала Анкхарату.

Анкхарат считал, что тогда же, заметив меня, такую безродную, Асгейрру пришла мысль, что «лучшей» избранницы для ненавистного старшего брата ему не сыскать. Но ему следовало обезопасить себя от возможности, что Анкхарат узнает правду от меня. Для этого он придумал спор о наследниках и гоночных дорожках, разумно рассудив, что Анкхарат ни в жизни не станет участвовать в подобном.

Асгейрр не ошибся.

Не знаю, что бы предпринял Асгейрр, если бы Анкхарат выбрал другую. Не знаю, как он вообще собирался повлиять на решение Анкхарата, но в тот день, со слов Анкхарата, на ипподроме и на предшествующем ритуалу пиру, он вдоволь наслушался от Асгейрра туманных рассуждений про «высоких худощавых блондинках с маленькой грудью». Я думаю, Асгейрр все равно выкрутился бы. В этом ему нет равных.

Но именно я, сама того не зная, несказанно облегчила Асгейрру задачу. Наверное, он не смог сдержать улыбки, когда в

огонь оказался в моей власти. Анкхарат признался, что сам он даже не следил за событиями на арене, пока я не шарахнула по зрителям огненным метеором.

Самому Асгейрру оставалось, придерживаясь версии о своем геройстве, во всеуслышание заявить, что именно Эйдер Олар привел меня на арену. Что он незамедлительно и сделал.

Поскольку с провинившимся жрецом, сосланным в тот же вечер на Остров, Анкхарат и словом не перекинулся, Асгейрр был уверен — Анкхарат выберет именно меня. А значит, в силу вступал и план со спором…

Жертвенного кота Асгейрр, конечно, отправил вовсе не для того, чтобы к Анкхарату вернулась его мужская сила, растраченная в Доме Наслаждений. Сам Анкхарат сказал, что ходил туда вовсе не за этим, у него были дела поважнее, но лучшего места для встречи с этим человеком было не сыскать.

Послав к Анкхарату Аспина, тот самого Аспина, который спал одновременно с двумя избранницами, Асгейрр, конечно, ходил по краю. Анкхарат мог принять согласиться и принять участие в споре. Но Асгейрр явно представлял иначе, как Анкхарат будет добиться от меня правды. Его методом было насилие и жестокость.

Позже Анкхарат вернулся в родные Речные земли, в которых он тщательно следил и избавлялся от любого, кого мог служить Асгейрру или любому другому брату, так или иначе. От шпионов, короче, но такого слова, конечно, у них не существовало. Все братья это знали и никто лишний раз на землях Анкхарата не появлялся. Асгейрру потребовался действительно весомый повод, чтобы «напроситься в гости». На самом деле, ему нужно было увидеть своими глазами, как сложились наши отношения.

Увиденное, его точно не обрадовало. Он разозлился и попытался воззвать к ярости Анкхарата, заронить в его душе сомнения о моей честности, но все закончилось совсем не так, как он рассчитывал. Даже наоборот.

Два всадника Анкхарата той ночью проследили за тем, чтобы Асгейрр не отклонялся в полете. На удачу, Анкхарат вызвал их раньше прибытия Асгейрра. Он ведь собирался искать меня. Но по прибытию Асгейрра хватило одного взгляда, чтобы всадники поняли, что к чему.

Никогда раньше Анкхарат не говорил так долго, как вчера ночью, когда рассказывал мне о том, что действительно стояло за действиями Асгейрра. Только позже до меня дошло, что для мужчины Нуатла это было совершенно нехарактерно говорить со своей избранницей на равных.

Осторожно, не вызывая подозрений, Анкхарат еще в Речных

землях связывался с теми братьями, кому, как он считал, он мог доверять. Но некоторые из них все еще колеблются, сказал Анкхарат. У него есть только сегодняшняя ночь, чтобы убедить их.

Завтра во время Церемонии будет уже поздно.

Если завтра Нуатл ждет государственный переворот и, если подозрения Анкхарата небеспочвенны и Асгейрр действительно переметнулся на сторону захватчиков, то Анкхарату нужны союзники. Очень нужны.

Лежа в постели, через узкое прямоугольное окно, похожее на бойницу, я глядела на языки пламени, танцующие в зажженной на вершине горы жаровне. Анкхарат просил меня не обращаться к огню, пока я в Сердце Мира. Здесь была куча жриц и жрецов, которые сразу разберутся, кто читает пламя. Огонь меня и выдаст. Ему неведома ложь.

В одиночестве, даже под двумя меховыми одеялами, прохладно. Мне не стоит ждать Анкхарата, но я все равно не могу заставить себя заснуть. Мои мысли снова и снова возвращаются к завтрашней Церемонии, к тому, что может последовать за ней. О том, что закрываясь в одной зале с предателями, нельзя считать себя в безопасности. А значит, за все эти шесть дней в закрытой зале Храма может произойти, что угодно.

Из-за этих мыслей, я вздрогнула, когда услышала торопливые шаги в коридоре. Поднялась и села, натянув до подбородка одеяло. Как я буду здесь без него, эти шесть дней? Он обещал мне безопасность, но как он сможет обеспечить ее, если сам будет в глубинах горы?

— Ты еще не спишь? — удивился Анкхарат.

Он выглядел уставшим. Еще бы.

— Я думала о тебе, — честно ответила я.

Он с улыбкой скинул с плеч прямо на пол черный плащ. Такой же, какой был на Асгейрре в ту ночь. Оказалось, что Анкхарат был в полной боевой готовности — в крепкой плетеной кожаной броне, с кинжалом в ножнах на бедре, коротким ножом на голени.

Слава Богам, все оружие было в ножнах. Значит, ему не пришлось им воспользоваться, правда?

— Ты завтра тоже будешь вооружен? — спросила я.

— Нет.

— Нет? Почему?

— В Храм нельзя идти вооруженным.

— Анкхарат, — простонала я.

— Что? Таковы традиции и я не буду нарушать их.

К нему метнулся раб и стал помогать со снаряжением, и под

пристальным взглядом Анкхарата я закусила губу. Черт, ну да, нельзя же обсуждать такие вещи, даже при рабах.

Когда раб унес броню и оружие, Анкхарат опустился на кровать.

Я обняла его со спины и прошептала:

— Прости.

— Я не войду в Храм с оружием, — повторил он и добавил тихо: — Но это не значит, что я не возьму то, которое найду внутри.

Шесть дней. На протяжении чертовых шести дней я ничего не буду знать о нем.

— Подожди, сейчас он вернется и поможет мне снять остальное.

— Я помогу.

Он замер.

— Поможешь? — повторил он. — Это работа рабов помогать с одеждой.

— В моем мире нет.

Я скользнула на пол и развязала по очереди кожаные ленты его сандалий. Все эти женские подвязки и завязки крепятся куда как сложнее, и даже в них я уже поднаторела. Развязала и расстегнула крепления пояса на талии.

Анкхарат, кажется, сидел не дыша.

Я чувствовала присутствие раба, он стоял в тени дверного проема, готовый броситься хозяину на выручку.

А я принялась за поддёвку под броней, развязала тесемки, жестом велела Анкхарату поднять руки и стянула ее через голову.

И вот тут только сообразила, что меня не смутило и не остановило присутствие постороннего, а на мне одежды не было вообще.

Ой.

Кажется, кто-то уже свыкся с местными обычаями не считать рабов за людей.

Я скользнула Анкхарату на колени и обвила руками его шею. Его борода пропахла дымом, как и одежда, как и он сам.

Раб тут же ретировался. Ну, собственно, да, в дальнейшем его помощь точно не понадобится.

— В твоих землях женщина всегда помогает мужчине раздеться? — спросил Анкхарат, когда к нему вернулось самообладание.

— Не всегда, но ты ведь справляешься с моей одеждой без помощи рабов, — улыбнулся я, целуя его в уголки губ. — Это не так сложно.

А еще, когда мужчина выбирает женщину, он может прожить

с ней одной всю свою жизнь, подумала я. И он не отправляет ее беременную на другой конец света, хотя иногда ему этого очень хочется, наверное.

Но вместо этого я произнесла:

— Тебе надо выспаться, кажется, прошлой ночью ты почти не спал.

— Подожди немного.

Я согласна была ждать, сколько угодно. Мне передавалось тепло его обнаженного тела, в его объятиях я согревалась лучше, чем под одеялами. Он молча и крепко прижимал меня к себе, и в этих жестах не было подтекста скрытого желания. Он слишком сильно устал для этого. Прошлой ночью, после пожара, и рассказав мне обо всем в горячей купели, он принес меня обратно в спальню, дождался, пока я засну, потом ушел. Я проснулся от его шагов, но тут же провалилась обратно в сон. На рассвете он покидал свои земли, ему нужно было отдать много приказов.

— Ложись, — повторила я, тебе надо выспаться.

Завтра гонки. А потом шесть дней без сна и еды. Я первая отстранилась, и он послушно вытянулся на этой огромной кровати, прямо-таки созданной для любовных утех. Но как раз таки на ней ничего и не было, ни в первый, ни в этот раз.

Анкхарат протянул ко мне руки, позволяя устроиться у него на плече. Я прижалась к нему всем телом.

— Анкхарат, — позвала я его, но ответа не было.

Я приподнялась на локте. Глаза были закрыты. Он уже спал.

— Спасибо за мед, — прошептала я и легко поцеловала его в губы.

Глава 23. Прости, если сможешь

Ипподром был огромен. В жизни не поверила бы, что в столь древнем мире, где не признавались даже двери, уже существовали такие масштабные стадионы.

Кажется, сегодня здесь собрался весь Нуатл.

Избранницам отводилась ложа Сыновей, на современный лад крытая ВИП-ложа. По обе стороны от ложи простирались ряды трибун, и вмещали они тысячи зрителей. Гул стоял невероятный.

Но меня совершенно не устраивало, что прямо передо мной возвышались установленные в ряд колонны из белого камня. Верху их венчали каменные статуи с позолоченными волосами. В центре между Сыновьями на самой высокой колонне возвышалась мифическая Мать, воздевающая руки к Богам.

Но почему этим статуям место на ипподроме? И почему даже не в самом центре?

Мы сидели далеко от старта. Когда возницы стартовали, они ехали в нашу сторону.

Соревнования начались еще вчера. Сегодня был второй день гонок и они продолжались с раннего утра, но, конечно, самые важные были последними.

Утром Анкхарат предложил пропустить самые первые утренние гонки.

— Шутишь?! — воскликнула я. — Нет! Я ни за что не пропущу!

Анкхарат и не догадывался, что означали для меня эти первобытные гонки, а я посчитала, что не стоит говорить ему, что в свое время тоже участвовала в гонках, и вообще сходила с ума от подобных соревнований. Не готов он был к такому «срыву шаблона», если даже обычная помощь вызывала недоумение.

Женщины Наутла не болели до хрипоты на трибунах, не садились сами в седла и вообще допускались на ипподром всего на несколько соревнований в год. Остальное время — ни шагу на трибуны. С мужчинами дело, конечно, обстояло иначе.

Орел Анкхарата и в этом случае помог нам. Не пришлось толпиться у арочных входов, которых было тоже тьма-тьмущая. Мы приземлились сразу на крыше ложе и сошли вниз по ступеням.

Хотя мы и пропустили первый забег, проведенный при первых лучах рассвета, и второй, поскольку не сразу выбрались из постели после того, как проснулись, но на третьем я уже вовсю расспрашивала Анкхарата, что нас ждет, каковы правила и когда его собственная гонка. А еще когда он тренировался, какие у него

отношения с конем, кто его объезжает вместо него и все такое прочее.

— Тебе, правда, интересно? — не уставал удивляться Анкхарат, но потом, когда увидел, как быстро я разобралась в несложных правилах и как искренне болела за наездников, наконец, мне поверил.

Я не могла усидеть на месте. А еще, когда я сидела, то не видела половину арены и особенно сужающийся участок трассы, расположенный прямо под ложей. А все потому что сидела я не вровень с Анкхаратом, совсем нет.

Он-то занял одно из десяти каменных кресел, усыпанных подушками. Кресла стояли на некотором отдалении друг друга, в два ряда по пять, и на возвышении. А внизу у самого парапета ложи древние зодчие, посчитав, что гонки не особенно увлекательное для женщин зрелище, соорудили простецкую каменную скамью, рассчитанную примерно на десять зрительниц. То есть женщины могли посидеть рядышком и тихонько посудачить, пока их мужья напряженно следили за гонками.

Разумеется, сесть в одно из кресел рядом с Анкхаратом я не могла. Пока никого из остальных не было, — а мы, похоже, были единственными, кто решили не пропускать ни одной гонки, — я стояла возле парапета и вполоборота к Анкхарату громко задавала ему свои вопросы.

Чтобы выразить свое почтение, в ложу иногда заходили люди, которых с небольшой натяжкой можно было назвать знатью Нуатла. Конечно, ведь никакого дворянства или двора, как такового, не существовало. Это были дальние родственники Сыновей, все по мужской линии, проживающие в достатке на землях по всему Нуатлу. Хотя земли и принадлежали целиком одному из Сыновей, но, разумеется, он не жил на них в одиночестве. В средневековье они бы звались вассалами.

Ни с кем из них меня Анкхарат не знакомил. Непринято, конечно. Но если подумать, то зачем, верно? Если моя участь — отправиться на Остров в Закатном море и жить там до конца моих дней. Конечно, если у меня будет сын, то я смогу вернуться, как трижды благословленная, но кто сказал, что Анкхарат снова выберет меня? Я была для этих людей пустым местом, они даже не глядели на меня.

Я предпочитала не думать об этом, но мысли снова и снова возвращались к незавидной женской участи в древности, когда в ложе появились другие Сыновья и их избранницы.

Если с Сыновьями я была шапочно знакома по рассказам Зурии, то жен я видела впервые.

Первым пришел Аспин. Его жена едва поспевала за ним.

Обеими руками она поддерживала выпирающий живот. «На каком вы сроке?» — чуть не спросила я ее, когда поняла, что вряд ли она сможет мне внятно ответить. Все равно, что спрашивать: «Кого ждете?»

Конечно, сына, твердо ответит каждая из них. А потом у некоторых родятся девочки.

Жена Аспина была молодой девушкой, она глядела строго себе под ноги и я не сразу разобралась, что это не из-за скромности. Живот и пышное платье поверх мешали ей видеть собственные ноги, вот и вся разгадка. Она, наконец, дошла и опустилась на каменную скамью и с удивлением посмотрела на меня снизу вверх.

Во-первых, я стояла. Во-вторых, конечно, она знала, что Анкхарат занял десятую дорожку и что у нас детей, как не было, так и нет.

Мне не очень хотелось садиться. Начинались гонки на тиграх. Я с жадностью рассматривала кошачье снаряжение, самих тигров, с тоской вспоминала Швинна и уже готова была засыпать Анкхарата новой порцией вопросов.

Я осталась стоять. Жена Аспина — молоденькая, пухлая, с курносым носиком блондинка, — улыбнулась слегка растеряно и поставила на колени корзинку, очень похожую на ту, в которую Зурия складывала рукоделие.

Ну, да. Ей самое время браться за детские ожерелья. И они, наверняка, у нее получаются гораздо лучше, чем у меня.

Я улыбнулась ей:

— Меня зовут Айя.

— Зарина, — ответила она. — Где твоя корзинка?

В пекло корзинку! Распорядитель гонок как раз дунул в крученный рог, и гонка внизу началась.

— Смотри, какие тигры! — крикнула я Зарине.

Десять тигров сорвались со своих мест, поднимая клубы пыль. Наездники тут же легли на тигриные спины, вытянув шеи. Свистели хлысты. Тигров избивали нещадно, так что мне стало страшно. Коты, конечно, не топали, как лошади. Мягкие лапы буквально летели над песком арены, едва касаясь земли. Хвосты превратились в полосатые стрелы.

Я и не думала, что Швинн может развивать такую скорость. Что я вообще могу не только кататься на нем по лесу, как на обколотом транквилизаторами пони, а нестись, не разбирая дороги, так же быстро, как, должно быть, летал орел Анкхарата.

— Тебе, правда, интересно? — услышала я.

Я-то в этот момент свесилась с парапета так, чтобы разглядеть внизу, как наездники на всей скорости промчались

мимо статуй и теперь приближались к зауженному участку трассы. Теперь-то я поняла, зачем нужны были статуи. И поняла, почему под нашей ложей не было зрительских трибун.

В этом месте, прямо перед нами, трасса из десяти дорожек сужалась до пяти. Крутись, как можешь.

Это был самый драматичный момент гонок и, наверное, самый травмоопасный.

Коты рычали. Бежали нос к носу. Пятый врезал шестому когтями по носу. Хвост восьмого попал под хлыст чужого наездника.

— Что? — переспросила я, оборачиваясь.

Избранниц было уже трое. Все они сидели и смотрели на меня так, как, бывало, Швинн смотрел на нас с Анкхаратом, пока мы резвились в постели. Каждая из них была на разном сроке беременности, но сомнений не оставалось — Мать уже благословила их всех.

Подо мной с рычанием пронеслись пять первый кошачьих наездников, а за ними нос к носу промчались те, которые уступили им на повороте. Трибуны взревели. Аспин разочарованно хлопнул себя по бедру. Гвембеш скривился, очевидно, наездник, на которого он поставил, проигрывал. А худощавый высокий Адан с обветренной загорелой кожей, ровно такой, каким его описывала Зурия, рассмеялся. Кому-то везло, кому-то — нет.

Только Анкхарат не смотрел на арену.

Он смотрел на меня.

В этом взгляде читалось все невысказанное им. Все, чему не нашлись слова или время.

— Вы только посмотрите на них, — с неизменной презрительной ухмылкой на лице в ложе появился Асгейрр.

Он прошел внутрь и занял кресло по правую руку Анкхарата. Улыбнулся ему и мне, махнул рукой на обоим, мол, продолжайте.

Следом появился седобородый, но все еще крепкий и широкоплечий Аталас. За его спиной мельтешили оставшиеся Сыновья, а жены скользнули незамеченными тенями на женскую половину.

Трибуны истошно ревели. Гвембеш, сложив руки рупором, выкрикивал имя наездника. Аспин даже поднялся на цыпочки, чтобы разглядеть схватку. Лицо Анкхарата ровным счетом ничего не выражало, и теперь я знала, что стояло за этим напускным равнодушием.

Будущие матери тихо переговаривались между собой. Звуком прибоя шелестели ожерелья из раковин, когда они вытаскивали их из корзин и показывали другим.

Ярмарка первобытного хэндмэйда объявляется открытой.

Ничего другого не оставалось — я медленно опустилась на скамью.

* * *

После был еще один кошачий заезд, а за ним — небольшой перерыв. Братья поднялись. Я поняла, что скоро их очередь.

Анкхарат ко мне не подошел и уж тем более не поцеловал на прощание. Только кивнул и взглядом показал, что им пора спускаться. Мне ничего не оставалось, как кивнуть в ответ.

Сыновья спустились по лестнице рядом с ложей вниз и исчезли под аркой. Вероятно, они переодевались прямо под ложей. И, конечно, с помощью рабов.

Остался только Аталас. В силу возраста он в гонках не участвовал. Его заменял старший сын, который позже унаследует и место в ложе, и родовые земли недалеко от Сердца Мира.

Я положила подбородок на скрещенные на парапете руки и наблюдала за жизнью ипподрома. Конечно, я попробовала найти общий язык с остальными избранницами, но жалость в их взгляде выводила меня из себя.

«Как же так, — читалось в их глазах, — Мать до сих пор не одарила тебя?»

Я не понимала, за что меня стоит жалеть. Я скорее могла пожалеть их всех. Уж я-то помнила, какими были отношения Асгейрра с его избранницей. Она была худой и бледной и, конечно, она не узнала меня, хотя я тепло улыбнулась ей, как давнишней знакомой.

И уж, конечно, мои с ними отношения не наладили бы речи в духе Клары Цеткин и Розы Люксембург. Да и восьмое марта требовать в этих краях было несколько рановато.

Так что я замкнулась в себе и смотрела за тем, как рабы выравнивали на арене широкими костяными граблями вспаханный предыдущими гонками песок. Следила за тем, как живут своей обычной жизнью жители Нуатла. Бегали между рядов лоточники, продавали все те же твердые лепешки, куски жареного мяса, разливали из кувшинов вино. Люди то и дело вставали, садились, пропускали кого-то, поднимались или спускались по лестницам.

Только спустя какое-то время я поняла, что мне так хотелось отыскать среди людей на трибунах.

Доказательства, что в Нуатле существует любовь.

Я искала счастливые влюбленные лица на трибунах. Искала

женщину, которая смеялась бы шуткам своего избранника, потом с наигранно строгим видом просила бы не шутить так, пока она ест или не шутить так, потому что все же услышат, и он, конечно, тут же обещал, но только через мгновение снова отпустил какую-нибудь шуточку. И она прыснула едой или подавилась вином и захохотала, вот прям захохотала до слез. Счастливых слез.

Может быть, я далеко сидела. Конечно, я не могла видеть всех. И, конечно, не могла судить только по тем зрителям, которых я видела, обо всём Нуатле.

Люди улыбались. Люди, конечно, шутили. Это был хороший день с прекрасной погодой. Немного прохладный, но хотя бы не лил дождь. А смотреть и участвовать в гонках в жару дело невыносимое.

Но того, что я так искала, не было.

Потом распорядитель гонок снова дунул в крученый рог. Где-то ударили барабаны. Готовность номер один, как говорится.

Люди задвигались быстрее. Требовать тишины от целого, забитого ипподрома было невозможно, но она почти наступила, когда на арену вблизи старта стали выводить коней.

Я не смогла усидеть. Вскочила на ноги. Старт был далеко от нас, мне мешали колонны, я обошла скамью под внимательным взглядом девяти пар глаз, оторвавшихся от ожерелий.

Я, конечно, предполагала, что конь, который способен нести на своей спине такого, как Анкхарат, должен походить на английского тяжеловоза, как минимум. Но эти первобытные кони были еще крупнее, еще сильнее. Недовольное ржание одного из них по силе и громкости походило на раскат грома.

Одного коня держали три-четыре раба. Кони топтались на месте, вскидывали ноги, встряхивали прекрасными длинными гривами. Они не могли устоять на месте. Лошадки рвутся в бой, подумала я.

Черта с два.

Когда вороной конь встал на дыбы и замолотил копытами воздух, рабы, выронив из рук веревки, бросились от него в рассыпную. Конь понесся по арене, ошалев от гудящих арен, от эха.

На нем не было ни поводьев, ни сидений, ни упряжи.

Ничего.

Это были десять, абсолютно диких, необъезженных коней.

Вот почему Анкхарат даже не понял моих вопросов о том, кто занимается конями в их отсутствие и как они могут сесть им на спины без подготовки, без тренировок.

Это древний мир, плевать на тренировки. Мужчина должен сесть на дикого коня и приехать первым.

— Не волнуйся, — произнес Аталас рядом со мной. — Анкхарат хороший наездник.

А я возьми и ляпни:

— А Асгейрр?

Аталас провел правой рукой по пышной белой бороде и ответил:

— Тоже.

— Ну и как тут не волноваться? — вздохнула я.

— Анкхарату нечего доказывать, в отличие от Асгейрра, — туманно ответил первобытный дедушка Мороз. — Выходят, смотри.

Я и так смотрела. Я глаз оторвать не могла от десяти фигур, которые вышли на арену. Я не сразу нашла Анкхарата. Издали они были почти не различимы, а уж рядом с мощными конями вообще казались муравьями.

Сбежавшего коня, тем временем, вернули обратно.

— Почему ему досталась десятая дорожка? — спросил Аталас, явно подразумевая совсем не гонки.

Я смешалась, не зная, что отвечать старшему брату Анкхарата. И какое именно объяснение он хотел услышать? Что было известно Аталасу о Львах, о роли Асгейрра в этом заговоре, о потопах и краста на землях Нуатла?

— Ему нечего доказывать, — повторила я его собственные слова. Отчасти ведь так и было.

Аталас кивнул, ответ его вполне устроил.

— Тогда смотри. Он будет у трибун. Асгейрр ближе к спине.

— Спине?

— Это колонны в центре. Ближе всех к ним только Аспин.

Как спокойно он говорит о брате, который спал с его избранницей вместо него.

— Мой старший сын будет на четвертой дорожке, — продолжал Аталас. — Жаль, я не вижу его отсюда. Глаза уже не те. Я ведь даже больше не летаю. Анкхарат часто летает?

На ум сразу пришли его летные тренировки с другими наездниками орлов.

— Часто, — ответила я.

— Это хорошо, — отозвался Аталас.

Да уж, неплохо.

Всадники на арене, тем временем, стали подбираться к своим коням. Рабы держали веревки. Кони рыли песок, ржали и всячески выражали негодование. О Боги, как заставить этих чудовищ не только не скинуть человека со своей спины, но еще и преодолеть целый круг?

Аспин взлетел на спину коня первым, чем заслужил

оглушительное одобрение со стороны трибун. Его конь встал на дыбы из-за такого оглушительного восторга, но Аспин удержался от падения.

Пока я глядела за Аспином, Анкхарат тоже уже очутился на спине коня. Зрение у меня было хорошее, но стояли они жутко далеко. Мне одновременно хотелось и не хотелось, чтобы они начали гонку и оказались ближе ко мне.

Какое-то время ушло на то, чтобы они привели коней точно вровень с точкой отправления. Крайняя десятая дорожка Анкхарата компенсировалась тем, что он стартовал на несколько метров раньше других. Но десятая огибала колонны дальше остальных дорожек.

Если бы трасса не сужалась под нашей ложей, гонки можно было бы назвать обычными, почти что современными.

Аспин со своей первой дорожки стартовал дальше других, но его дорожка была самой короткой. И если он прижмется к ограждению спины и возьмет хорошую скорость, то первым войдет в узкий поворот.

Если доберется до него.

Если они все доберутся на этих вороных конях апокалипсиса.

Распорядитель дунул в горн. Гонка началась. Совершенно внезапно для меня.

Избранницы все-таки отложили корзинки. Но ни одна из них не вскочила на ноги и не прильнула к парапету ложи, как я.

Аспин действительно прижался к спине, как я и предполагала. Его конь черной стрелой устремился вперед, оставляя соперников в облаке пыли.

В центре все смешалось — люди, кони. Каждый стремился вырваться вперед на ровном участке, чтобы войти в узкий поворот и устремиться навстречу к финишу. Я нашла взглядом Анкхарата. Скачущий рядом Гвембеш не устремился к центру, он так и мчался на своей девятой дорожке, едва не прижимаясь к коню Анкхарата.

Гвембеш ведь прихвостень Асгейрра, проклятье! Как «удачно» для Асгейрра он занял следующую за Анкхаратом дорожку.

Сын Аталаса вырвался вперед из месива в центре и уверенно мчался за Асгейрром на его второй дорожке. Видимо, юный племянник собирался обогнать дядю и свернуть ближе к спине, если удастся даже увязаться за Аспином, чтобы гарантировано войти в поворот.

Анкхарат хлестал и кричал коню, но Гвембеш от него не отставал. Четвертый брат ехал на полголовы впереди, не давая Анкхарату шанса обогнать его и стать ближе к центру.

Аспин уверенно лидировал. Как вдруг его конь вскинулся на

дыбы. Трибуны ахнули. И всадник, и конь тут же исчезли в облаке пыли, оставляя неизвестным, не затоптал ли его собственный конь или другие всадники, или он удержался на спине.

Асгейрр, беспрерывно хлестая коня, свернул влево к свободной первой дорожке.

— Хорошо сыграно, — отозвался Аталас рядом со мной. — Чтобы Аспин и не уступил Асгейрру первую дорожку? Я даже поверил.

Он знает про Львов. Про союзников и врагов. Вот они, на арене, прямо сейчас. Не стали дожидаться Церемонии, которая начнется только вечером. И когда Аталас спрашивал, часто ли летает Анкхарат, он имел в виду и тренировки, и его полеты к другим братьям ради заключения союзов.

Но сейчас уже было не до разговоров.

А на арене Гвембеш не давал спуску Анкхарату. Казалось, четвертому сыну плевать, если даже они разобьются оба, но он будет стоять до конца и не допустит, чтобы кто-то иной, а не Асгейрр вошел первым в узкий поворот.

Трое Сыновей из центра держались вместе. И я поняла, что они и были теми, на кого мог рассчитывать Анкхарат. Может быть, они бы тоже уступили ему свои дорожки, как это сделал Аспин. Но пока Анкхарат сражался с Гвембешем, они ничем не могли помочь ему.

С трибун в разнобой скандировали имена всех десяти братьев.

Кажется, те трое в центре немного снизили скорость. Похоже, решили притормозить, чтобы позволить Анкхарату и Гвембешу войти в поворот и обойтись без жертв.

Тут к ним, вынырнув из пыли, как из тумана, присоединился Аспин. Все еще верхом. Теперь, даже если Анкхарату удастся обмануть Гвембеша, этим троим все равно будет не так просто уступить дорожку Анкхарату.

Асгейрр мчался первым. Следом за ним летел сын Аталаса, а третьим был Саймир. Почему-то казалось, что только сын Аталаса не принимал участия в темной стороне этих гонок.

Асгейрр вошел в поворот. Трибуны взорвались криком.

Пыль взметнулась к нам в ложу, многие зашлись в кашле.

Я же снова почти свесилась с парапета и только поэтому, вероятно, разглядела все подробности гонок на ипподроме в день начала последней для Нуатла Церемонии.

Под нами трибун не было. Опасно было сажать зрителей возле сужающихся до пяти дорожек.

Но все время, пока Гвембеш прижимал Анкхарата к ограждению трибун, они были под наблюдением зрителей.

Опасно было совершать что-то противозаконное, случайный зритель мог заметить, если смотрел не отрываясь. Хотя ответственных за это судей, способных заметить и остановить произвол, на ипподроме не было.

Гвембеш держал заданный темп и ехал на полголовы раньше Анкхарата. И когда трибуны кончились и началась отвесная стена, Гвембеш в очередной раз замахнулся, но вместо собственной лошади, угодил хлыстом по передним ногам коня Анкхарата.

Я вскрикнула, глядя на это сверху.

Конь Анкхарата дернулся, заржал от боли, сбился с темпа. Анкхарат вцепился в поводья и стиснул бедрами бока коня. И снова послал коня в галоп.

Сумасшедший…

Они приближались к повороту. Гвембеш замахнулся снова. На этот раз он метил выше, по всаднику.

Три брата и Аспин за ними вот-вот собирались поворачивать.

И тогда Анкхарат совершил невозможное.

Удар Гвембеша сбил его коня с заданного темпа и явно нарушил планы, которые не укрылись от Гвембеша. Анкхарат собирался сделать рывок и обогнать его на повороте.

От своих планов Анкхарат не отказался, только решил, что не будет обгонять четвертого сына. Он позволил ему мчаться дальше, а сам неожиданно натянул поводья и наклонился вбок, приказывая коню ехать наперерез арене и дорожкам на них. Из той точки у трибун, где Анкхарат находился сейчас, он мог войти точно в поворот буквально у самой спины и, развернувшись, погнать на второй прямой этап. Но для этого ему нужно было проскользнуть не то чтобы в шаге, на волоске от трех наездников, которые, прижавшись к спине, тоже собирались вот-вот поворачивать.

И все это на диком животном, которое знать не знало, что это за мужик сидит на его спине.

У Анкхарата не было времени предупреждать своих союзников. Он резко ушел влево, потому что, промедли он лишнюю секунду, столкновения уже было бы не избежать. Никто не успел бы затормозить. Даже отвести лошадей от удара было бы некуда.

Я видела сверху, как он резко изменил траекторию движения и, хлестая коня, почти вжавшись в его шею, пролетел узкий поворот в одно биение сердца.

Зрители ахнули, когда Анкхарат первым вылетел на снова расширяющейся трассе.

Гвембеш оказался вторым. Опешившая троица вместе с

Аспином замыкали шествие.

Асгейрр был далеко. Но когда трибуны стали скандировать имя Анкхарата, он мельком оглянулся назад.

Любопытство кошку сгубило, Асгейрр. Пора бы запомнить.

Сын Аталаса оглядываться не стал. Ему улыбнулась удача и он не упустил момента. Юноша подрезал Асгейрра и пулей полетел вперед к последнему повороту.

Асгейрр попытался взять реванш, тем более следовавший по пятам Саймир даже не пытался соперничать с ним, но попытка Асгейрра вернуть пальму первенства провалилась.

Сын Аталаса финишировал первым. Асгейрр стал вторым. Третьим Саймир.

Анкхарат настиг финиша четвертым, хотя Гвембеш захлестал коня до крови и сорвал голос, выкрикивая ему приказы, но все равно прибыл только пятым. Стартовавший первым Аспин, который своими руками отдал первенство Асгейрру, пришел только седьмым.

— Все? — выдохнула я. — Кончилось?

— Еще нет, — с улыбкой ответил Аталас.

Сыновей ждало триумфальное шествие вокруг ипподрома.

Сын Аталаса заслужено принимал поздравления, улыбался и махал рукой по сторонам. Это был очень красивый юноша, румяный, с пыльными светлыми кудрями. Всех наездников с головы до ног покрывала пыль, как и их взмыленных коней. Асгейрр тащился следом, улыбался он скупо.

А Анкхарат снова послал коня в галоп. Пролетел мимо Саймира, Асгейрра и сына Аталаса.

— Ты куда? — крикнул мне в след Аталас, но я уже выбежала из ложи. Каменные ступеньки вели вниз, к той самой отвесной стене у ипподрома. Там я и остановилась.

Анкхарат загодя притормозил коня и медленно подъехал ко мне. Приподнялся, улыбаясь мне.

Я же наклонилась, снова свесившись, и поцеловала его.

Он натянул поводья, заставляя коня танцевать на месте, словно от счастья. Зрители захохотали. Он подъехал еще раз ближе и был награжден вторым поцелуем. Затем он сорвался с места и помчался вперед, один, хотя остальные Сыновья или остановились, глядя на это непонятное для них зрелище, или все еще не доехали до этого опасного поворота.

Анкхарат мчался один. На финише он спрыгнул наземь и первым ушел переодеваться и смывать с себя пыль.

Гонки были окончены.

Ко мне спустился Аталас. Он сжал мое плечо и сказал:

— Мне очень жаль.

Я не успела спросить, что он имеет в виду. Аталас развернулся и зашагал к выходу.

Зрители тоже стали расходиться. Впечатлений было море. Кто-то из них смотрели на меня, показывали пальцем, но я не сдвигалась с места. Однажды из ложи выглянула жена Аспина, прошептала куда-то в сторону: «А с ней что?», но ответа я не расслышала. Зарина пожала плечами и исчезла, даже не попрощавшись. Никто из них со мной не попрощался.

Анкхарата появился из-под арки, ведущей из глубин ипподрома в полном обмундировании, в котором он вчера вернулся домой. Но ни ножа, ни кинжала на нем уже не было. Его волосы были еще влажными.

Он молча прижал меня к себе, поцеловал и так же без слов повел к лестнице, ведущей на крышу опустевшей ложи. Там его уже ждал орел. Анкхарат подсадил меня, запрыгнул следом, и мы взмыли в небо.

Но мы не повернули к горе, как я думала. Не пролетели над лестницей, вырубленной серпантином. Я рассчитывала, что увижу хотя бы внешние стены главного Храма, но вместо этого Анхарат повел птицу через город, через реки и мосты над ними. Я увидела заполненную людьми пристань и утлое суденышко, похожее на каноэ. Оно было целиком вырублено из целого необструганного ствола дерева. Мы приближались, и я различила беременных избранниц, которые одна за другой садились в лодку на реке.

А ну да, проводы.

Мы приземлились поодаль и пешком направились к пристани.

Мужья не выглядели опечаленными. Не было жарких прощаний и никто не пролил слез. Только жрецы топтались за спиной у крупного мужчины в белом и выводили низкими голосами заунывный мотив. Тот самый «директор», который приказал наказать меня молчанием после моей выходки на арене.

Я с удивлением обнаружила, что шеи и руки избранниц увешаны ожерельями и браслетами. Усмехнулась в сердцах, вспоминая обычай, надеть на себя все украшения на случай, если муж внезапно выгонит тебя из дому. Похоже, это был именно тот случай. Что унесешь с собой, то и твое. Значит, в их корзинках были не только детские ожерелья.

Их можно понять, решила я и коснулась трех ожерелий, которые выбрала сегодня ради гонок на ипподроме. Их было больше в корзинке в спальне, но я выбрала только эти три, что лучше всего подходили по цвету к моему платью.

Избранницы путались в юбках, им мешали животы, когда они пытались устроиться в лодке. Подтянуть колени к груди, будучи

глубоко беременной, не так-то просто.

Наконец, все уселись. Пара гребцов в центре опустили весла в воду.

Седой «директор» в белых одеждах кашлянул. Оглядел собравшихся Сыновей Бога.

— Это все? — спросил он.

Как будто торговец на рынке уточнял, все ли взвесили или есть еще пожелания.

Внезапно Анкхарат отпустил мою руку и шагнул вперед со словами:

— Я ошибся.

Гребцы переглянулись и вернули весла на место.

Я забыла, как дышать.

— Говори, второй сын Бога, — разрешил «директор».

— Я ошибся, избрав эту женщину, — произнес Анкхарат.

— Мать благословила ее? — уточнил жрец.

— Нет.

— Твоей вины в этом нет, второй сын Бога. Некоторые женщины, как пустой сосуд, и сколько бы сил не вкладывал мужчина, Боги не слышат его молитв. Ты отказываешься от нее, второй сын Бога?

Анкхарат твердо ответил:

— Да.

— Но… — выдавила я из себя.

— Ты подчинишься? — обратился ко мне жрец.

Он еще спрашивает? Что я, проклятье, должна ответить? И если нет, не подчинюсь, то что? Опять молчание?

— Анкхарат, что… Что происходит? — мой голос дрожал.

Не говоря ни слова, Анкхарат шагнул ко мне и резким, быстрым движением рубанул кистью по ожерельям на моей шее. Ракушки с треском посыпались на деревянный настил пристани.

Анкхарат развернулся и, наступая на них, с хрустом, словно по первому снегу, отошел к братьям.

«Прости, если сможешь».

— Анкхарат… — прошептала я.

— Посадите ее к ним, — распорядился жрец.

Меня обступили жрецы, подхватили под руки, повели к краю пристани. Ближайший к нам гребец поднялся в лодке на ноги, протянул мне руки. Я стояла и смотрела на эти руки, покрытые мозолями, и не понимала, чего от меня хотят, куда везут, зачем, почему, что вообще, черт возьми, происходит…

Жрец в белых одеждах протянул мне чашу с чем-то белым.

— Прими это как наказание.

Что это? Яд? Не оправдала надежд и все, с глаз долой из

сердца вон?

Я посмотрела на Анкхарата. Он вообще был единственный, кого я, кажется, видела на том причале.

Его лицо ничего не выражало. Руки были сжаты в кулаки.

— Пей! — крикнул жрец.

Я вздрогнула. Протянула руку, он вложил мне в ладонь чашу.

Не отрывая глаз от Анкхарата, выпила содержимое. Вкуса не почувствовала. Мне было плевать.

Причал под моими ногами покачнулся. Кто-то снова протянул мне свои руки. Нет, нет!.. Я должна была ждать его шесть дней, а не вечность, нет!

— Анкхарат!!!!

Они были все одинаковы. Они все были на одно лицо.

Десять мужчин, повернувшись ко мне спиной, покидали пристань.

Ни один не обернулся на мой крик.

Меня чуть ли не столкнули в лодку, усадили на свободное место.

Я могла никогда больше не увидеть его. Он знал. Он прошел этот путь уже трижды. И теперь в четвертый раз.

А еще он ведь просил простить его. Он знал. Еще тогда знал, чем все кончится.

Я вскочила на ноги. Слишком резко для маленькой лодочки. Борта дернулись, захлебнув воды. Женщины охнули и вскрикнули. Гребцы ругнулись, потянулись ко мне.

Но я сложила руки рупором и крикнула:

— Будьте вы все прокляты! Слышите? Будьте вы прокляты!!

Мне казалось, что время бесконечно, что вечность впереди, что я справлюсь с традициями, ритуалами и жрецами и буду счастлива. Как же.

Причал отдалялся. Вода в реке искрила нестерпимо, женщины негодующе перешептывались. Меня качало из стороны в сторону, но я стояла. Один из гребцов держал меня, чтобы хотя бы не дергалась.

А я глядела. Как будто отведи я взгляд в сторону, и с прошлым будет покончено. А десять мужчин садились верхом на орлов.

Кажется, зелье, наконец, подействовало — колени подогнулись, я рухнула на скамью. Они уложили меня на корме. Я оставалась в сознании, но двигаться уже не могла.

А после они спокойно продолжили путь вниз по течению. Прочь от Сердца Мира.

К Острову брошенных жен.

* * *

Меня предали.

Я мчусь по шоссе, не разбирая дороги. Встречных машин мало. Я не на велодорожке, и мне сигналят. Я еду слишком быстро, но иначе я не могу. Мои ноги горят огнем. До дождя я откатала «на отлично» свою норму на тренировке. Но кому какое дело, верно?

Ведь меня предали.

Дождь заливает мне глаза. На мне нет очков. Я не останавливаюсь, чтобы найти их в седельной сумке. Я шпарю вперед, сквозь туманную морось, которая размывает серое полотно дороги.

А может, виноваты слезы.

Я мчусь вперед. Щурюсь из-за слепящих фар. Они множатся на мокром асфальте, растягиваясь в желтые полосы. Это могло бы походить на праздник, столько иллюминации… Если бы не слезы.

Секундное дело — протереть глаза тыльной стороной ладони. Я так уверена в себе.

Я отпускаю руль. Всего на миг.

На такой скорости внезапно отнимать одну из рук — чревато. Переднее колесо может вильнуть. В ту сторону, с которой сохраняется давление на руль.

Если бы я не была правшой, меня могло бы вынести на встречку.

Лужи нарушили сцепление между шинами и асфальтом. Колесо вильнуло.

Когда моя правая рука снова легла на руль, велосипед уже жил собственной жизнью. Я нажала на тормоз. Но переднее колесо, оторвавшись от земли, уже зависло над канавой.

Меня выбило с сидения, но шнурок правого кроссовка зацепился за педаль. Эту ногу я и сломаю в нескольких местах. Но прежде ударюсь головой об дерево. Шлем погасил удар. Но я словно бы оказалась внутри колокола во время колокольного звона.

Бо-о-о-м-м.

Меня предали. Снова.

Бо-о-о-м-м. Я зажимаю уши, но голова раскалывается. В ушах звенит. Сумасшедший звонарь из Нотр-Дама снова дергает за веревку.

Его тоже предали. Предательство нелегко пережить. Даже, если тебя предупреждали заранее. Ну, как предупреждали… Пытались предупредить.

По моим жилам течет огонь. Он вытекает наружу, под дождь,

желтые искры превращаются в звездочки. Я снова слепну и пытаюсь прикрыть глаза руками, но руки не слушаются меня.

Чьи-то тени закрывают невыносимо яркий свет. Ко мне бегут люди. Они кричат мне, хотят узнать, в порядке ли я.

Бо-о-о-м-м.

Как я могу быть в порядке, когда в моей голове отверженный звонарь бьет в колокол? Его, как и меня, предали.

Передайте им, хочу я сказать этим людям, которым мало автомобильных фар и они светят на меня телефонами, скажите Питеру и Хлое, они наверное все еще в том кафе, они наверняка снова целуются. Скажите им, где я, скажите им, что я не пущу их к себе в палату, ни за что… Бо-о-о-м-м!

Синие вспышки кратких молний. От них голова болит еще сильнее. Горбун впадает в исступление. Все кончено, Эсмеральда! Прости-прощай.

Но вместо этого я поднимаюсь на ноги. В какой-то неочевидный для окружающих миг до меня доходит, что все это… уже было. Это не наяву. Даже кровь и раны ненастоящие.

Я помню Анкхарата. Значит, это снова сон. Всего лишь игра разума.

Меня хватают за руки люди, но я иду, карабкаюсь по влажной грязи вверх. Сломанная нога не слушается. Голова гудит. Но все это пройдет, как только я выберусь наверх.

Там медики уже выкатили из машины каталку, они отступают на шаг назад, когда я вылезаю на дорогу.

Я прохожу мимо. Меня предали, знаю. Опять. Снова. Но меня предупреждали. «Прости, если можешь».

Я не знаю, могу ли я.

Сейчас я даже не могу думать о тебе, Анкхарат. Сломать ногу и то не так больно, чем позволить думать о тебе, Анкхарат.

Ты пытался, я знаю, пытался предупредить, но если бы ты предупредил меня, как есть, это могло не сработать. Я могла бы выдать себя и тебя своим наигранным гневом, отчаянием, слишком медленной реакцией. Асгейрр знал только один рычаг давления на тебя — и это была я.

Эта мысль пока не очень помогает. Боль все равно не утихает. Это больно, Анкхарат. Очень больно.

Я иду вперед. Я помню тебя, помню ночи с тобой, и я знаю только одного человека, который объяснит мне, что нужно делать дальше. Что нам ждать дальше. Он умный, очень умный.

Его зовут Питер. Жаль, что вы никогда не познакомитесь.

Он полюбил другую, сейчас я скажу ей, что она подходит ему больше, чем я. Гораздо, гораздо больше. Если дойду.

А я дойду. Обязательно дойду. Ради нас. Ради них.

Ради целого мира, чью историю я не знаю, но они знают. Я, наконец, оценила знания своих друзей.

Лучше поздно, чем никогда? Не знаю. Может быть.

Я иду, ковыляю. Иногда запрокидываю голову и глотаю капли дождя. Внутри меня бушует огонь. Я зла, очень зла на тебя, Анкхарат. Тебе повезло, что я так далеко.

Синие отблески скорой помощи меркнут, машины обдают меня водой. Я могла бы попросить их подвезти меня, если бы внутри них были водители. Но за рулем никого нет.

Это сон, мираж или видение воспаленного разума, сейчас это не важно. Конечно, мне ведь дали какое-то успокоительное, иди знай, что они развели в нем. Но иначе я бы не оказалась здесь. Не смогла бы повернуть время вспять. И снова встретиться с погибшими друзьями.

Мимо проносятся одни и те же машины. Синяя, красная. Красная, синяя. Это закрома моего подсознания. Не исключено, что именно они проезжали мимо меня, когда я мчалась, не разбирая дороги. Это не я, это мозг запомнил их.

Почему же, мозг, ты не запомнил ничего полезного? Например, разговоры Питера и Хлои, которые я слушала часами? Мне не пришлось бы тащиться полумертвой в кафе в надежде вытащить из друзей толику полезной информации, которая может пригодиться мне в первобытном мире.

Я различаю огни придорожного кафе. И вижу Питера.

Теперь это действительно он. Питер стоит так же, как я и запомнила. Вскочил на ноги, опрокинув табурет позади себя. Смотрит через стекло на меня, которой не должно быть на парковке в этот миг.

Но я снова здесь. Потому что меня снова предали.

Я простила их, Анкхарат, тебя должно это успокаивать. Вероятно, и у тебя тоже есть шанс. Когда-нибудь. Не сейчас. Сейчас можешь даже не искать меня. Бесполезно.

Питер стоит, даже не моргая. Неведомая сила держит его. Таких воспоминаний в моем разуме нет. Я не знаю, что происходило здесь, когда ушла.

Я медленно ковыляю к стеклянной двери у входа в кафе.

Время замерло. Я запомнила его таким. Все, как было, когда я выбежала прочь. Этот мир умер для меня в этот самый миг. Разбился вдребезги, как тот стакан, что завис в воздухе в сантиметре от пола у столица возле дверей. Сейчас я не услышу звона бьющегося стекла. Сейчас мир замер, не понимая, что я делаю там, где меня быть не должно.

Официантка наливает кофе, но чашка не переполняется. Мужчина разинул рот, готовясь впихнуть в себя тройной бургер.

Жир застыл на его пальцах. Его сын размазывает кетчуп ровным слоем по столешнице.

Я не видела всего этого раньше, не запомнила. Я вылетела из кафе и потом разбилась в аварии.

Но сейчас я иду к столику, за которым сидит Хлоя. Я снова вижу карандаш в ее рыжих локонах. Она собрала волосы на затылке, как только она одна умела — небрежность с примесью элегантности.

Мне до нее далеко. Во многом. Думаю, Хлоя научилась бы плести ожерелья из ракушек гораздо быстрее и лучше меня, если бы оказалась на моем месте.

Питер стоит возле стола и смотрит на пустую парковку, на которой он в последний раз меня видел.

Я сажусь на свое место. Там пустая тарелка, я жадно и с аппетитом ела, пока они обсуждали прочитанное в книгах. Я не слушала их. Как обычно.

Сейчас я тщательно всматриваюсь в застывшие лица друзей. На веснушки Хлои. На настоящего Питера, совсем не похожего на Анкхарата. Перед ними стопки книг и раскрытая тетрадь с переводом Питера.

Я не успела сказать им, пока они были живы, как сильно недооценивала их знания и увлечение историей.

Я говорю им это сейчас, хотя они и похожи на две восковые куклы в музее моих воспоминаний. Говорю, что они двое очень подходят друг другу. Что мне жаль и я прошу у них прощения.

А после тянусь через стол к раскрытой книге перед Хлоей. Издали вижу подчеркнутые маркером предложения. Маркер лежит рядом с ее рукой, но я закрываю книгу и читаю на обложке:

«Льюис Спенс. Атлантида. История исчезнувшей цивилизации».

Глава 24. Очищение кровью

Раз в шесть лет все десять Сыновей, ведомые жрецами Огня и Океана, спускались в глубины горного Храма.

Но прежде них в священные залы заводились десять быков. Жизни этих животных жрецы обещали Богам. Святилище Богов никогда не оскверняли кровью недостойных дикарей. Быков крепко привязывали к десяти колоннам из орихалка, на поверхности которых мастера по камню изобразили историю Нуатла от тех первых дней, когда Боги только сотворили первую женщину и рассудили, что будут брать ее по очереди.

Анкхарат не может глядеть на эту женщину на первой золотой колонне. Вместо Богини он видит совсем другую женщину.

Быков оставляли в Храме на девять дней, без пищи и воды, и лишь то животное, которые оставалось в живых, приносилось в жертву Богам, когда десять Сыновей Бога входили под своды Храма безоружными и готовыми к божественному откровению.

Ко встречи с Богами Анкхарат, оказался, не готов.

«Прости, если можешь».

Он не смог предупредить ее. А этих слов недостаточно для той, кем она была него. Теперь он это понимает.

Он слышал, как она что-то выкрикнула на том самом языке, когда лодка начала удалятся. Вряд ли это было что-то хорошее. Тот язык обладает силой. Наверное, он все-таки ошибся, не предупредив ее. Хотя бы случайных проклятий можно было избежать. А в том, что это были проклятия, его уверенность крепнет день ото дня.

В запертой зале Храма они сидят полураздетые, в одних только набедренных повязках, и смотрят на разожженное в центре залы пламя.

В эти дни в пламени Боги показывают прошлое и будущее.

Анкхарат видит в пламени женщину, которую отослал из Сердца Мира ради нее же самой. И до сих пор слышит ее крики.

Но чаще он вспоминает ее стоны.

Ему тоже кое-что известно о чувствах. Так он сказал. Теперь ему известно, пожалуй, даже больше, чем должно быть известно мужчине для спокойной жизни в Нуатле.

Анкхарат потерял счет днем. Дурманящие напитки отгоняют его сон. Изредка они пьют соленую воду из одной чаши, передавая ее по кругу, в знак почтения перед Богом Океана. Когда они убьют последнего из выживших быков, — а ему уже отказывают силы, и он лежит на пучках соломы и часто дышит, —

они будут пить его кровь. Тоже в честь Богов. Кровь соленая, как океан, и красная, как плодородная земля Нуатла.

Девять туш быков лежат возле колонн, все еще привязанные. В зале витает отчетливый запах смерти. Анкхарат знает, скоро смерть коснется их самих.

Десять Сыновей сидят полукругом и не отводят глаз от языков пламени. В эти дни с каждым из них разговаривают их настоящие отцы — Боги.

Анкхарат не слышит Богов. Он понимает, что, скорей всего, вызвал их гнев, потому что стремился к удовольствию, но так и не дал жизнь сыну. Анкхарат не чувствует раскаяния. Если бы было позволено, он бы проживал дни и ночи рядом с ней снова и снова.

Однажды сидящий неподалеку от Аталаса Саймир начинает плакать.

— Не убивай их, — шепчет он едва слышно, — не убивай.

Но Анкхарат слышит и понимает, что не ошибся. Он касается Аталаса, пытается заговорить, но не может. Слов нет. Когда Аталас останавливает на нем свои одурманенные глаза, память подводит Анкхарата. Он не помнит, что должен был сказать старшему брату.

Лицо седобородого Аталаса осунулось. Кожа под глазами потемнела и впала. Но, кажется, Аталасу и без него есть, что ему сказать:

— Я знаю, — шепчет Аталас, — знаю, что ты чувствуешь. Когда-то я тоже был молод. Когда-то я тоже встретил ее. Она была третьей…

Анкхарат не понимает, о ком или о чем говорит Аталас. Но брат не унимается, хватает его за руки, кричит:

— Пусть приходят! Пусть сравняют эту гору с землей! Где они?! Пусть прервут мои мучения! Столько лет, столько лет я оплакиваю ее…

Другие братья отрываются от пламени. Смотрят на них с удивлением. Анкхарат ощущает на себе тяжелый взгляд Асгейрра.

Анкхарат в последний раз провел Асгейрра. Теперь бояться нечего. Черный человек рассказал ему, что Асгейрр приходил к нему, обещал дары и горы орихалка только за то, если он убьет одну-единственную женщину.

Избранницу Анкхарата.

Асгейрр не поскупился, нашел лучшего убийцу в Нуатле, но он опоздал. Анкхарат нашел его раньше. И подкупил его тоже раньше.

Анкхарат снова думает о женщине и никак не может сосредоточиться на Богах. Сдавленно мычит умирающий бык.

Трещат факелы и пламя ритуального костра, накаляя воздух.

С тихим шорохом сыпется песок через узкое отверстие в глиняной чаше, закрепленной на стене. Когда песок кончится, они убьют быка. После выпьют его горячей крови, снова наполнят чашу заранее отведенной порцией песка и будут ждать новых откровений, но Анкхарат уверен — ждать придется недолго.

Бык не умирает к тому мигу, когда в чаши не остается ни песчинки. Он лежит на боку и стонет. Бык истощен и умирает.

Они тоже могут умереть, понимает Анкхарат, когда братья поднимаются и оставляют костер. Каждый из них снимает с креплений на десяти колоннах короткие ритуальные ножи из черного камня.

Потом они идут к быку.

Анкхарат впервые обращается к Богам в молитве. Это короткая просьба — он молит Богов даровать ему жизнь.

Он хочет жить. Хочет вернуть себе женщину. Он обещает Богам, что даст жизнь сыну, если только останется в живых. Здесь и сегодня.

Все десять черных ножей взлетают в воздух. Но не все из них попадают в плоть быка. Сегодня им не придется пить кровь. Они будут ее проливать.

Не убитое, но раненное животное издает жуткий вопль.

Айзар не поверил Анкхарату, не поверил в предательство Асгейрра. Он умер первым. Его кровь смешивается с кровью животного на полу.

Когда десять Сыновей Бога повернули друг против друга, Боги не разверзли землю и не поглотили Храм, к разочарованию Анкхарата. Неужели Боги всегда были глухи к их молитвам?…

Анкхарат отскочил от быка в сторону. Вот почему Асгейрр только рассек воздух, вместо него.

Аспин и Гвембеш окружают Абрэма. Шестой брат делает выпад. Нож распарывает щеку Аспина до самых зубов. Аспин отшатывается в сторону, судорожно хватаясь за лицо. Его нож летит на камни.

Гвембеш мстит за брата. Абрэм легко уворачивается — четвертый сын лупит по воздуху так, будто сражается с мухами.

Асгейрр не спешит. Он стоит там же, у раненого быка, где нанес свой первый удар по Анкхарату. Он не будет бегать за ним, не будет драться. Это удел мальчишек. Таких, как Гвембеш.

Но Анкхарат сильно сомневается, что Асгейрр лишит себя удовольствия убить его лично.

— Что они обещали тебе? — спрашивает Анкхарат.

Он так давно мечтал узнать всю правду. Он разоблачил почти все планы Асгейрра, но так и не узнал, почему? Почему он решил

отдать Нуатл Львам Пустыни?

Асгейрр смеется, как смеются на пирах, а не когда рядом проливают кровь братьев. Он отвечает предельно честно. Такая честность пугает. Значит, дела Анкхарата и правда плохи.

— Нуатл будет мой. Главный Лев правит Пустынями один. Все лучше женщины достаются ему. Все лучшее вино попадает только к нему. Все золото хранится в его сундуках. У него нет еще девяти братьев. Почему я не могу так же?

— Боги отдали эти земли своим Сыновьям, — говорит Анкхарат. — Ты навлечешь на себя Их гнев.

Боковым зрение он следит за поединками. И он все время двигается, стараясь не вставать спиной ни к кому из мужчин в зале.

Альсаф ранил Адана, но и Адан ранил Альсафа. Кровь течет по их поджарым телам.

Аталаса не трогают. Видимо, по приказу Асгейрра. Как и к самому Анкхарату никто не подбирается. Он достанется Асгейрру, в этом он тоже не ошибся.

Гвембеш все еще пытается добраться до Абрэма. Но юркий уроженец долин скачет из стороны в сторону и подныривает под нож, стараясь вывести соперника из равновесия. Гвембеш пьян, он едва стоит ногах.

— Боги благоволят мне, — пожимает плечами Асгейрр. — У меня трое сыновей и скоро родится четвертый. А у тебя, Анкхарат?

Один и тот же бесполезный спор.

Абрэм, тем временем, полоснул Гвембеша по спине, но совершил ошибку. Оказался слишком близко к Асгейрру.

Асгейрр тут же, одним рывком вперед, всаживает под ребра Абрэма нож. Абрэм замирает в своем танце. Смотрит на Асгейрра и на торчащую из плоти рукоять. Затем падает замертво.

Гвембеш рычит над телом брата, как зверь, и поворачивается к Анкхарату. Асгейрр кривится.

— Прочь.

Гвембеш не слышит. Он снова машет ножом, точь-в-точь, как мгновение назад. Глядя в его лицо, Анкхарату кажется, что Гвембеш даже не узнает его.

Гвембеш машет ножом прямо перед лицом Асгейрра.

— Пошел прочь! — кричит Асгейрр и отшвыривает от себя четвертого брата.

Тот поскальзывается на крови Абрэма. Молотит руками воздух, стараясь найти хоть какую-то опору. Но в его правой руке нож. Он видит опору.

Со всей силы всаживает нож в бедро Асгейрра и падает на

колени перед ним.

Асгейрр с ненавистью смотрит на брата. По ноге бежит кровь.

Он поднимает бледное, искаженное болью и злостью лицо:

— Понимаешь теперь, Анкхарат, почему Нуатлом должен править я? Они недостойны этих земель и их богатств. Они пыль. Боги благоволят мне, — повторяет он и глядит на Анкхарата с хорошо знакомым превосходством. Даже сейчас. Даже когда в его ноге торчит нож.

Асгейрр наклоняется и выдергивает из своего бедра нож Гвембеша. Острие угодило чуть ниже ожога на его бедре. Асгейрр перехватывает взгляд Анкхарата и замечает:

— Это ведь она едва не сожгла наши дома, верно?

— Мой-то она как раз сожгла, — честно отвечает Анкхарат. — Жаль, что твой — нет.

Гвембеш стонет и барахтается в луже крови, силясь встать.

Асгейрр перехватывает липкую от крови рукоять и всаживает нож промеж лопаток Гвембеша. Тот же нож, что выдернул из своей раны, думает Анкхарат. В другой руке Асгейрр по-прежнему держит еще один нож. Он не останется безоружным рядом с Анкхаратом.

Гвембеш рычит, кричит и извивается. Хватается за ногу Асгейрра, но тот быстро выдергивает и нож из спины Гвембеша и наносит еще два, три, четыре удара, пока тот не затихает.

Асгейрр выпрямляется. На его лбу испарина. Он бледен и зол.

Анкхарат слышит, как рыдает Саймир на груди Аталаса. Седой брат по-отечески обнимает парня. Они сидят рядом с наконец-то испустившим дух быком. Саймир, похоже, считал, что это просто — убивать собственных братьев.

Оказалось, нет.

Противостояние Альсафа и Адана продолжается. Альсаф подхватил еще один нож с тела убитого Айзара и теперь надвигается на Адана. Тот пятится к костру. У него нож один.

Убитых пока трое. Двое из них были сторонниками Анкхарата.

— Сзади, Адан! — кричит Анкхарат.

Сейчас Анкхарат не может прийти на помощь Адану иначе.

Адан пригибается. Снова и снова. Потерявший нож Аспин теперь вооружился факелом со стены и надвигается на Адана, размахивая огнем. Красивое лицо Аспина залито кровью. Сквозь дыру в щеке виднеются зубы.

Анкхарат подмечает происходящее быстро, не сводя взгляда с Асгейрра. Крови из его раны почти нет. Рана легкая, хоть и обидная. Впору задуматься, не решили ли Боги и вправду сделать Асгейрра свои единственным Сыном?

Анкхарату больше некуда пятиться. Позади только десять колонн и вздувшиеся трупы остальных быков. Еще ниже глиняные кувшины с соленой водой, которую они пили все вместе из одной чаши, передавая ее по кругу целую вечность тому назад.

Анкхарат тоже хватает со стены факел. Асгейрр хмыкает.

Анкхарат замечает, что Асгейрр переносит тяжесть своего тела на здоровую ногу. И тогда же делает выпад, совсем как Аспин. Рубит горящим факелом, как если бы у него в руке был меч, вынуждая Асгейрра ступить на раненую левую ногу.

Адан отпрыгивает от факела Аспина так, что оказывается за спиной Альсафа. Он хватает Альсафа за лоб, запрокидывает ему голову и втыкает нож в шею. Успевает выхватить нож из руки убитого прежде, чем его тело падает на землю.

Это не останавливает движение Аспина с факелом.

— Аспин, не надо, — вдруг шепчет Адан. — Я ведь убью тебя, Аспин. Не надо.

— Посмотри на меня!! — орет Аспин.

Его речь неразборчива из-за рванной щеки. Его шея и грудь залиты кровью. Аспин бросается на Адана, Адан бежит. Пробегает вдоль стены, через залу и резко останавливает у ритуального костра. Аспин с ревом бежит на него, не разбирая дороги.

— Нет!.. — успевает выдохнуть Анкхарат.

В это время Асгейрр бросается на него, сбивает его с ног. Факел падает на пол. Анкхарат перехватывает над своим лицом занесенную руку Асгейрра. Второй рукой пытается нащупать факел. Но пальцы только скребут по липким от крови каменным плитам.

Асгейрр рычит, свободной рукой бьет Анкхарата в челюсть. Анкхарат отвечает коленом по раненному бедру Асгейрра. Но Асгейрр успевает ударить по лицу.

Анкхарат перестает видеть одним глазом, но доводит маневр до конца — выкручивает руку с ножом и бьет коленом в пах. Хватка Асгейрра слабеет. Анкхарат сбрасывает с себя брата.

В это те же миг, когда он вскакивает на ноги, он видит, как Аспин влетает в ритуальный костер. В последний момент Адан отскакивает в другую от костра сторону.

Аспин захлебывается собственным криком. Огонь везде везде. Он падает на пол, ползет, а волосы на его голове горят факелом. От него валит тошнотворный дым горящей человеческой плоти.

Саймир издает вопль ужаса и рыдает уже в голос.

Асгейрр переворачивается со спины на живот, встать на ноги ему сложно. Но он, сцепив зубы, сгибает в колене раненную ногу и выпрямляет вторую. Его трясет.

— Хватит, — просит Анкхарат. — Хватит, Асгейрр.

Кровь заливает ему половину лица, правый глаз все еще не видит. Саймир воет.

— Заткнись, — шипит Асгейрр Саймиру. — ЗАТКНИСЬ, выродок!

Аталас выпрямляется, расправляет плечи.

— Пятеро братьев, — говорит он. — Боги проклянут тебя, Асгейрр.

— Это звезды тебе так сказали? — едко спрашивает тот. — А сказали, что этот трусливый выродок станет шестым?

Аспин, наконец, затихает. Его обугленная плоть все еще дымит, но руки и ноги перестают дергаться. Он умер.

Анкхарат чувствует внезапную слабость в ногах. Он едва может удержаться ровно, его шатает. Пол под ногами Анкхарата ходит ходуном. Он тупо глядит, как черный, кем-то брошенный возле костра нож сначала дрожит, а потом и подпрыгивает.

Саймир кричит от ужаса, Аталас хватается за стену. Асгейрр оглядывается с диким видом.

— Что это? — спрашивает он.

— Гнев Богов, — смиренно отвечает Аталас. — Ты пролил кровь их Сыновей. Ты будешь проклят.

Вдоль всей залы по полу пробегает, словно молния, трещина. Пол хрустит, как лед на реке. Сверху сыпется песок. Одна из десяти колонн с треском преломляется надвое, ее верхушка разлетается вдребезги.

Анкхарат нагибается, едва ли не вжимается в пол. Ему приходится часто и сильно вертеть головой по сторонам, чтобы видеть происходящее вокруг себя.

Когда по колоннам из орихалка начинают бежать снизу вверх, как вьющиеся лозы, трещины, Анкхарат устремляется к арке, до сих пор закрытой каменой стелой. Он колотит по ней руками и кричит, но никто не приходит им на помощь с той стороны.

Куски колонн рушатся вниз, туши умерших животных скрывает пыль. Камни сыпятся с потолка, разлетаются брызгами и осколками глиняные горшки с соленой водой. Вода стекает в трещины и мигом окрашивается в красный из-за крови на полу цвет.

— Смотри! — кричит Аталас. — Смотри, глупец! Это Священный Огонь и вода Бога Океана! Они соединились, потому что ты пролил кровь братьев! Смотри!

Асгейрр озирается с ужасом. Храм вокруг него сотрясают все новые и новые толчки. Он не замечает, что к нему крадется Адан, вооруженный ножом.

— Хватит! — кричит Аталас.

Адану наплевать на Богов, на гнев, он жаждет мести. Его не останавливает крик Аталаса.

Спасается Асгейрр очень неожиданно. Саймир оставляет Аталаса, бросается Адану наперерез, сталкивается с ним и в тот же миг падает на колени.

Адан глядит, как Саймир оседает у его ног. Глядит на свои измазанные кровью руки.

— Он сам… — шепчет он. — Сам… Зачем он… это сделал?

В ответ на смерть Саймира каждый камень в кладке Храма начинает дрожать. Из-под земли доносится сдавленный, нарастающий гул. Пол снова трясется. Трещины множатся и переплетаются. Анкхарат чувствует, что стела под его руками шатается и дрожит. Он толкает ее, налегает плечом, бьется. Она шатается все сильнее. Анкхарат толкает ее в последний раз, прячется за стену, когда она падает на пол и разлетается на куски.

— Аталас! Адан! Сюда! — кричит он.

Асгейрр злобно смеется.

— Вам не убежать, Анкхарат. Львы уже здесь.

И действительно из коридора Храма, через который несколько дней назад все десять братьев попали в эту залу, им на встречу выходит строй чернокожих людей с копьями. На них пятнистые шкуры, они скалят пожелтевшие зубы. Белки их глаз красны.

Они взяли город, понимает Анкхарат. За это время, пока они сидели взаперти, Львы успели взять город.

Адан выставляет перед собой нож.

— Асгейрр! — кричит он так громко, что его слышно на другой стороне Нуатла. — Будь ты проклят, Асгейрр!

Львы передают копья назад. В узком проходе удобнее сражаться ножами. Анкхарат никогда в жизни не видел оружия, которое Львы достают из кожаных ножен. Их ножи бледностью и формой напоминают луну на небе.

— Беги, Анкхарат, — вдруг шепчет ему Аталас. — Пусть выживет хоть кто-то.

Куда бежать-то?

Анкхарат не успевает спросить его об этом. Аталас толкает его в плечо, но вместо того, чтобы угодить в стену, Анкхарат проваливается в дыру между каменной кладкой. Он летит в грохочущую сырую тьму. А потом со всего размаха бьется животом и лицом об воду. Его обжигает холодом. Сердце заходит ходуном. Он не знает, ослеп ли он на оба глаза или здесь непроглядная тьма. Не знает, где оказался. Вода ревет и несет его за собой, он бьется руками и ногами о камни, которые

невозможно разглядеть на пути, пока не столкнешься с ними. Какие-то глыбы рушатся сверху, он слышит грохот обвалов.

Анкхарата швыряет на очередной каменный порог, он старается замедлиться, схватиться хоть за какой-то выступ, подтянуться, передохнуть, но потоки воды тащат его за собой, снова бросают и снова подкидывают, как забавную игрушку.

В какой-то миг он ударяется головой, так что видит перед глазами искрящие звезды. А течение все не унимается…

Анкхарат слышит грохот. И понимает, что течением его несет к водопаду на горе.

Пусть хоть кто-то выживет, сказал ему Аталас. Он спас ему жизнь. Похоже, ненадолго.

Он пытается плыть против течения, но река несет его за собой, и грохот приближается. Течение швыряет его избитое тело с головокружительной высоты, и вместе с водой Анкхарат летит вниз.

Когда-то давно, на своих изматывающих тренировках, он специально подводил лодку к низким водопадам на реке и первым прыгал вниз. Он готовил солдат ко всему.

Когда-то давно в его жизни еще была женщина. Он обещал ей, что найдет ее. Если выживет.

Его тело ему не подвластно. Он не видит ни земли, ни неба, чтобы сгруппироваться и правильно войти в воду. Хотя бы с наименьшими травмами.

Он выпрямляемся, вытягивается, зная, что в любой миг может разбиться о воду внизу, даже раньше, чем он примет нужную позу. Но он обещал, верно? И он хочет выжить. И Боги. Боги еще пошлют ему сыновей.

Грохот оглушает его. Удар о воду выбивает из него последние силы. Обрушивающаяся сверху вода жалит плечи и спину. Лупит по голове, как по барабану. Анкхарат плывет, не разбирая дороги. Легкие горят огнем.

Сейчас еще нельзя всплывать на поверхность. Река поворачивает у Первого округа, а если Львы здесь, то они, конечно, оцепили богатый и важнейший центр города. Анкхарат различает одним глазом оранжевые отблески на воде. Город горит. Разграбление началось. Значит, история повторилась.

Анкхарат делает один глубокий вдох, осторожно, не всплывая на поверхность. Потом снова опускается на дно. И плывет. Долго плывет. Это большой город. Айя так восхищалась его размерами.

Анкхарат обещал ей. И он сдержит обещание.

* * *

— Проснись.

Слышу-слышу, но просыпаться не буду.

— Проснись, — повторяет голос.

Я трясу головой, нет, спасибо. Мне ко второму уроку, я еще посплю. Но в тот же момент вскакиваю в ужасе, с колотящимся сердцем.

Я узнала голос.

Когда я открыла глаза, передо мной стоял худой, как щепка, Эйдер Олар. Ветер расшвырял по его костлявым плечам огненно-бордовые жидкие локоны.

А почему я парю над землей? Ой, кто-то держит меня на руках. В шуме прибоя и множестве женских голосов различаю и чье-то шумное дыхание, которое доносится сверху. Смотрю туда.

Мне добродушно улыбается человек, его кожа черна как сажа. У него массивная нижняя челюсть, а оттопыренные уши порваны, как у бойцовых собак.

— Шейззакс, поставь ее на землю, — велит ему Эйдер Олар.

— Ага, — с наигранным неудовольствием отзывается какая-то женщина, — давай договоримся, Эйдер, мой мужчина носит на руках только меня?

Эйдер тяжело вздыхает.

— Эйкинэ, не сейчас.

Черный гигант бережно опускает на песок. Мы стоим на берегу океана. Это точно не река. Лодка из бревна качается на волнах чуть дальше. Все беременные женщины уже выбрались на сушу и тихо переговариваются между собой в сторонке.

Рядом со мной Эйдер Олар, широкоплечий уроженец Африки и ревнивая женщина в красном. Я еще ни у кого в Нуатле не видела таких откровенных нарядов, как у этой женщины. Она одета как жрица, но она… не выглядит как жрица. Зурия или другие носили совсем другие, более скромные халаты. Да, их платья именно что хотелось обозвать халатами. Но обозвать халатом платье из полупрозрачной ткани с вырезами на юбке до середины бедер… Ну язык не поворачивается. В ее медных волосах жемчуга, а на шее не ожерелья, только один большой красный камень.

— Привет! Как тебя зовут, я уже знаю, — кивнула мне псевдожрица. — Я Эйкинэ. А это Шейззакс и он мой мужчина.

Она обхватила черную ладонь тонким пальцами.

— Как скажешь, — согласилась я. — Эйдер…

— Ты очень хорошо говоришь на нашем языке. Рад, что ты его выучила.

— Нет, я… Потом объясню, как это произошло. Эйдер, мне надо…

Господи, с чего начать?

Но жрец не дал мне собраться с мыслями. Достал из кармана знакомый потрепанный кожаный мешочек и вложил мне его в руку. Я развязала мешочек. На моей ладони оказался глиняный осколок.

Тот самый.

— Он твой, — сказал Эйдер Олар.

— Почему он так важен для тебя? — ко мне вернулся дар речи.

Он улыбнулся. Улыбка превратила его губы в две узкие черточки.

— Он связан с моим изгнанием из Храма.

— Как? Я не понимаю…

— Где ты нашла его?

— На берегу в воде. Совершенно случайно.

— Так и должно было быть.

— Объясни мне, почему?

— Однажды, когда я еще мог служить в Храме, Бог Огня показал мне прекрасные земли. Там жили красивые люди и они растили в парах своих детей. Но когда я спросил Бога, какие это земли? Разве эти земли Нуатла? Бог ответил мне отказом. Я не получил других объяснений. Ни той ночью, ни в другие ночи. Я рассказал об этих видениях главному огненному жрецу Храма, но он велел не проявлять настойчивость, не быть таким самонадеянным, думая, будто я могу требовать у Богов ответа на свои вопросы. Я не смирился. В тайне ото всех я окропил несколько глиняных кувшинов своей кровью и вывез их в лодке в океан. Там и скинул в воду. Но когда я вернулся на берег, мои планы были раскрыты. Огненный жрец оторвал рукава от моего платья в знак непослушания и изгнал из Храма. Той же ночью мне было видение. Я видел улицы Нуатла в огне и под водой одновременно. Никто и слушать меня не стал. А после… После в Сердце Мира пришла вода пришла. Жрецы решили, что это по моей вине, и я прогневал Богов своими настырными просьбами. Я просил их обратиться к воде и дать ей уйти самостоятельно, но они силой изгнали воду из города.

Я провела пальцем по шершавой глине осколка.

— Так это… — во рту вдруг пересохло. — Это то, что осталось от тех кувшинов? Ты уверен?

— Да. Посмотри на узор. Я высек его своими неумелыми руками.

— Что же ты просил у Богов, когда сбросил эти кувшины в океан?

— Я просил послать мне человека или видения о том, что

ждет Нуатл в будущем. И Боги послали тебя.

Я закрыла глаза. Как наяву увидела тиснёные золотом буквы: «Атлантида. История исчезнувшей цивилизации».

Вот чем были эти земли, пусть и зовущиеся иначе. «Они дали им имена, согласно своим традициям и мифологии, так все тогда поступали», — сказал Питер.

Этим землям тоже дали другое имя. Иначе я бы давно догадалась.

Никто из проживающих здесь и сейчас людей не знал о катастрофе, которую никогда не забудут, о которой напишут сотни книг и снимут фильмы. Любой мог найти осколок на берегу океана. Каждый из моих современников знал судьбу Атлантиды.

Но нашла его я.

Вот оно, единственное нужное здесь знание из двадцать первого века. Вот оно, мое предназначение здесь.

Я вспомню. Постараюсь вспомнить все, о чем говорили Питер и Хлоя. Я должна. Если понадобится, то я буду принимать их местные галлюциногенные напитки, благодаря которым впадаешь в транс и видишь прошлое.

Но я вспомню, я добьюсь того, чтобы опустошить закрома воспоминаний.

Я должна. Я открыла глаза.

Линия океана и неба пылала огнем. Это не закат, вдруг поняла я.

— Что произошло?

Никто из них не ответил сразу.

— Что там произошло? — повторила я, но паника уже разливалась холодом в груди.

— Львы пришли в Сердце Мира, — ответил Эйдер Олар. — Они грабят Нуатл. Отныне это их земля. Скоро они придут сюда.

Колени подкосились. Я рухнула на влажный песок.

— Анкхарат, — прошептала я.

«Я найду тебя, слышишь? Чтобы ни произошло после, я найду тебя снова», — сказал он мне.

— Анкхарат, — только и смогла повторить я. — Анкхарат…

Небеса горели, как и земля под ними. Эйдер Олар опустился на песок рядом со мной.

— Это и есть наше будущее? — спросил он.

— Нет, — ответила я. — Это стало концом, но это всего лишь начало.

Конец первой книги.